

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА
ФІЛОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

«Людиною бути – це мистецтво»

Збірник

пам'яті доктора філологічних наук, професора

АДЕЛАІДИ КОСТЯНТИНІВНИ СМОЛЬСЬКОЇ

ОДЕСА
ОНУ
2014

УДК 929 Смольська: 81 : 378.4(477.74-21)

ББК 81д Смольская

А 937

Рекомендовано до друку вченою радою філологічного факультету
ОНУ імені І. І. Мечникова.

Протокол № 8 від 29. 04. 2014 р.

Редакційна колегія:

Н. П. Тропіна, д-р філол. наук, професор;
Богдан Терзич, д-р філол. наук, професор;
В. О. Колесник, д-р філол. наук, професор;
О. А. Войцева, д-р філол. наук, професор;
Г. Ю. Касім, канд. філол. наук, доцент;
О. М. Пейчева, канд. філол. наук, доцент;
Е. Е. Мінкевич, ст. викладач.

Відповідальний редактор:

Є. М. Черноіваненко, доктор філологічних наук, професор.

А 937

«Людиною бути – це мистецтво». Збірник пам'яті доктора філологічних наук, професора А. К. Смольської / Редколегія: Є. М. Черноіваненко (відповід. ред.) та ін. – Одеса : 2014. – 276 с.
ISBN 978-617-689-100-0

Книга присвячена пам'яті відомого українського славіста, видатного сербокроатиста, доктора філологічних наук, професора Аделаїди Костянтинівни Смольської. Публікація містить спогади колег, учнів вченого. Вибрані статті з проблем діяхронного зіставного словотворення в південнослов'янських і східнослов'янських мовах, питань взаємодії граматичних і семантичних категорій у слов'янських мовах, історії слов'янознавства, слов'янської міфології. Розвідки, присвячені старослов'янським пам'яткам, сербським слідам в топонімії півдня України. Видання містить повну бібліографію наукових і науково-методичних праць, фотографії з сімейного архіву.

Збірник праць приверне увагу до неповторної особистості А. К. Смольської, до її наукової спадщини. Воно буде корисним для науковців, викладачів, аспірантів, усіх, хто цікавиться проблемами слов'янознавства.

УДК 929 Смольська: 81 : 378.4(477.74-21)

ББК 81д Смольская

ISBN 978-617-689-100-0

© Є. М. Черноіваненко та ін., 2014

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2014

Зміст

Смольская А. К. Моя судьба и славистика..... 5

Спогади колег і учнів про А. К. Смольську

Тропина Н. П. Фрагменты биографии. Очень личное..... 8

Черноиваненко Е. М. Право на благодарную память..... 11

Колесник В. А. Славистическое наследие А. К. Смольской..... 14

Пипер Предраг. Сећање на Аделаиду Константиновну Смольску.... 20

Сергеев Ф. П. Профессор А. К. Смольская – ученый
и преподаватель..... 25

Терзић Богдан Проф. др. Аделаида Константиновна Смољска
на Београдском универзитету 26

Таранець В. Г. Мої зустрічі з професором А. К. Смольською 28

Матияшевич Йелка. Једна оцена која и данас стоји..... 29

Чернявская Д. С. Она была мне другом, просто – Делей..... 32

Войцева О. А. Пам'яті Аделаїди Костянтинівни Смольської..... 35

Зеленко Л. П. Память бывшего 38

Касим Г. Ю., Минкевич Э. Э. Veni, vidi, vici 43

Яковлева О. В. В человеке все должно быть прекрасно 49

Пейчева О. Н. Наставник, который всегда рядом 52

Ярмак В. І. Зустрічі на далекому меридіані
(спогади про А. К. Смольську) 55

Кондратенко Н. В. Слово о моем учителе 61

Степанов Е. Н. Динамика мысли, честь и славянское единство 63

Татаренко А. Л. У товаристві Аделаїди Костянтинівни (нотатки
супутниці) 64

Романова О. К. Мой учитель 67

Мостовая Д. Аделаида Константиновна Смольская в восприятии
студентки..... 69

З наукової спадщини доктора філологічних наук, професора А. К. Смольської

К истории одной общеславянской словообразовательной модели
в русском языке 73

Словообразование в славянских языках (конспект лекций спецкурса) 84

К вопросу о дистрибуции феминных суффиксов в сербохорватском
языке 124

Дистрибуція фемінних суфіксів у сербськохорватській мові 132

Южнославянские следы в топонимии юга Украины.....	137
Едноструктурни форманти в славянските езици. Суфиксът -чанин в руския и в българския език	148
Језичка норма и фемининуми у српскохрватском језику	156
Образ вилицы в мифологии южных славян (по данным сербского языка) ...	164
Роль омонимии в именной деривации сербохорватского языка.....	171
Синтаксичні проблеми маскулінізації в сучасній сербохорватській мові	184
Диахронные константы славянского именного словопроизводства и феминные суффиксы в сербохорватском литературном языке	189
Утицај семантике на облик термина	199
Вук Караджич и закономерности сербохорватского словообразования	204
Семантическая категория лица / нелица и средний род в славянских языках.....	212
Кирилло-Мефодиевское наследие на юге Украины.....	221
Конкурентција и синонимија глагола кретања у српском и руском Језику.....	225
Фамилия и имя Вука Караджича в истории сербской антропонимии.....	230
Именной фонд по славянской филологии профессора В. И. Григоровича в научной библиотеке Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.....	238
Називи за боје у именичкој служби (поређење српског и руског језика).....	240
Хронологичний показчик наукових і науково-методичних праць доктора філологічних наук, професора А. К. Смольської Основні дати життя та наукової діяльності А. К. Смольської.....	251
Біографія А. К. Смольської в фотографіях	265

А. К. Смольская

МОЯ СУДЬБА И СЛАВИСТИКА

Родилась я на Урале, далеко от Украины, в семье военнослужащих. Мать, Анна Антоновна, была учителем математики, а папа, Константин Иванович, был артиллерийским офицером и хорошо знал математику. Жили мы дружно, семья была большая; кроме меня, еще брат и сестра. Родители много внимания уделяли воспитанию детей, не только моральному, но и культурному: нас учили музыке, покупали абонементы в ТЮЗ, приучали к чтению. В семье был культ книги, выписывались газеты, журналы.

Мне особенно запомнился такой случай из детства. Летом мои родители, а также другие военнослужащие, выезжали на природу, собирали цветы, ягоды и грибы и получали ни с чем не сравнимую радость от общения с природой. Именно на уральских озерах я и научилась плавать. А дело было так: поднявшись на плавательной станции на самую высокую вышку, я прыгнула „солдатиком” в воду, и когда меня вытолкнула вода, мне не оставалось ничего другого, как поплыть. Теперь, вспоминая детство, я могу сказать, что самая счастливая пора моей жизни была до 1941 г.

Из школьных преподавателей мне больше всего запомнился учитель русской литературы Антон Тихонович (к сожалению, забыла его фамилию), он был так называемый „эвакуированный”, из Москвы. Учил он нас не только литературе, но, прежде всего, учил думать, мыслить и выражать свои мысли. Его „коньком” были сочинения на свободную тему.

Школу закончила в победном 1945 г. и поступила на филологический факультет Уральского университета в Свердловске (Екатеринбурге). Хотела ехать в Москву поступать на славянское отделение филфака, о котором узнала от соседки, студентки МГУ, но родители не отпустили.

В 1946 г. отца перевели на службу в Украину. Отец участвовал в войне и умер очень рано – в 1950 г.

С 1947 г. училась в Одесском университете, который закончила в 1950 г. Когда сдавала госэкзамены, от сердечного приступа умер отец, которого я очень любила. Осталась старшей в семье. Надо было помогать матери.

Но люди в беде не оставили. Декан филологического факультета Артемий Амвросиевич Москаленко посоветовал поступать в аспирантуру по русскому языку в пединститут. Сдав экзамены, я стала аспиранткой (1950-1953 гг.) у доцента (позже профессора) Дудкина Сергея Петровича.

В 1953-1956 годах работала в Станиславском (Ивано-Франковском) пединституте. Защитила в 1956 г. кандидатскую диссертацию по языку произведений А. М. Горького. В этом же году переехала в Одессу, стала работать в Одесском университете на кафедре русского языка.

В 60-е гг. отдел внешних связей ОГУ стал меня агитировать преподавать русский язык за рубежом. К этому времени я разошлась со своим мужем, так как наш брак сложился не совсем удачно. Предлагали разные экзотические страны, но я соглашалась ехать только в славянские страны. Так попала в Югославию, да еще в столицу – Белград. Это получилось потому, что из преподавателей, подготовленных для выезда в Югославию министерством, только у меня была ученая степень. Можно сказать, что это был мой счастливый билет, счастливый случай.

О Югославии, Сербии, сербском языке я тогда знала очень мало. Приехала в Белград 7 ноября 1965 г. Предложили прочесть пробную лекцию, на которой присутствовали профессора кафедры славянской филологии Белградского университета. Конечно, очень волновалась, но ведь за плечами было почти 10 лет работы в нашем Одесском университете. И отношение к преподаванию было весьма серьезным. В общем, обошлось все благополучно, тем более что сербские коллеги были очень доброжелательны, а студенты из Белграда очень рады приезду учителей из Одессы. Наша группа преподавателей была в Белграде первой.

Сербия покорила меня своим славянским духом, оригинальностью языка и культуры, добротой и сердечностью белградцев. Перед отъездом профессор Назарий Иванович Букатевиц (зав. кафедрой русского языка ОГУ) сказал мне, чтобы я готовилась к преподаванию сербского языка в Одессе. Но я настолько увлеклась народным духом сербского языка,

что сделала его объектом своих научных исследований. Кстати, сербский язык в Одессе стал преподаваться с 1968 г., т.е. раньше, чем в других университетах Украины.

После Югославии в 70-е гг. я два с половиной года работала в Пловдивском университете в Болгарии, так что славянские страны перестали быть для меня *terra incognita*. Переход от русистики к славистике был достаточно долгим. Докторскую диссертацию я защищала уже по славистике на тему „Развитие именного словообразования в сербохорватском языке”, в Московском университете – одном из лучших славянских университетов Европы. Защита не случайно состоялась в МГУ, так как все стажировки, повышения квалификации по славянским языкам проходили именно там. После одной из конференций, на которой я делала доклад, зав. кафедрой МГУ профессор Александра Григорьевна Широкова сказала мне, что доклады, статьи – это очень хорошо, но пора уже и докторскую представить.

После защиты в МГУ диссертация прошла апробацию в ВАК Украины, для чего ее передали в Институт языкознания НАНУ, и киевские коллеги во главе с академиком Виталием Макаровичем Русанивским поддержали мою работу.

В настоящее время я пока единственный доктор наук по сербскому языку, выступаю оппонентом по славистическим кандидатским диссертациям аспирантов Киева и Львова. В 2001 г. в издательстве „Астропринт” вышел мой сборник „Славянские студии”, посвященный проблемам диахронного и сопоставительного словообразования южнославянских и восточнославянских языков, вопросам взаимодействия грамматических и семантических категорий в языках славян, славянской мифологии, старославянским рукописям, хранящимся в Одессе.

Славистика как наука о языке, о литературе, культуре, истории, этнографии славянских народов развивается с XIX в. С этого времени особое внимание уделяется палеославистике, славянским древностям, рукописному наследию и старославянскому языку. В XX в. усилился интерес к сопоставительному изучению современных славянских языков и литератур, состоялось 12 Международных славянских съездов, на XI (в Братиславе) и XII (в Кракове) полностью были представлены украинские делегации славистов, в составе которых были и одесские ученые. Конечно, есть нерешенные проблемы с позиции мировой славистики и, разумеется, важные вопросы по развитию славистики в отдельных странах, в том числе в Украине. Наука связана с геополитическими проблемами и общественно-политическими ситуациями. Так, III съезд славистов в Белграде 1939 г. не состоялся из-за начавшейся войны. Славистические съезды не проходили с 1939 по 1958 гг.

Сегодня в славянских странах, где в первую очередь должна развиваться славистика (что не исключает ее поступательного движения во Франции, Германии, Японии и Китае), проходят серьезные общественно-политические процессы, связанные не только с политикой, но и с культурой, наукой. К сожалению, пока наука в славянских странах субсидируется по остаточному принципу. В 60-80 гг. на всех славянских территориях, в том числе и островных – Италии, Венгрии – собирался материал для Общеславянского Атласа (ОЛА). Предполагалась, что этот материал будет напечатан не менее чем в 20 томах, но в 90 гг. вышло всего 5 томов (в Польше, России, Югославии). Работа над грандиозным проектом ждет своего продолжения.

Украинская славистика организационно имеет и научный центр – отдел языков западных и южных славян, отдел восточнославянских и праславянских языков в НАНУ, учебные центры в КГУ, ЛГУ. Внимание к языкам национальных меньшинств позволило открыть в Украине в 90-е годы словацкое отделение в Ужгородском университете и болгарское отделение в ОНУ. Ряд славянских языков и литератур в Украине вообще еще не изучается – словенский, македонский. Пока созданы только болгарско-украинские и чешко-украинские словари, так как данная работа – это дело коллективов, а славянских кадров не так уже и много.

Государственное разделение восточнославянских народов ставит перед украинскими учеными задачи создания переводных словарей, учебников по языку и литературе зарубежных славян. (2002 г.).

СПОГАДИ КОЛЕГ І УЧНІВ ПРО А. К. СМОЛЬСЬКУ

***Н. П. Тропина,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Херсонского госуниверситета*

ФРАГМЕНТЫ БИОГРАФИИ. ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Моя мама и мама Аделаиды Константиновны – родные сестры. Их родители, наши общие бабушка и дедушка, родились вблизи Саратова, в селе с поэтическим названием Рыбушка, которое в XVIII веке основали на берегу притока Волги – Рыбушки – украинские переселенцы из Слобожанской Украины (прадед помнил переселение: он был в тот момент, по его словам, „парубком”).

Мама Аделаиды Константиновны, Анна Антоновна Плющева, закончила в Саратове среднюю школу (тогда это была девятилетка) и работала в своем родном селе в ликбезе, обучала бородатых крестьян азам грамоты. Молодой красный командир (тогда не говорили „офицер”), выпускник одного из ленинградских военных училищ Константин Иванович Смольский был командирован в Рыбушку по военным делам, встретил там кареглазую красавицу-учительницу и, недолго думая, сделал ей предложение. Началась кочевая жизнь: с выездами в летние лагеря, сменой гарнизонов и городов, жизнь, знакомая всем семьям военных. Аделаида была первенцем в семье.

Кроме нее, было еще двое детей, плюс еще и моя мама, которую взяла к себе старшая сестра Анна, чтобы мама могла учиться в школе: в селе, где жили тогда дед и бабушка, были только начальные классы.

Семья Смольских была дружная, интеллигентная. Увлекались чтением, ходили в театры, на концерты. Зимой – коньки, лыжи; летом, в военных лагерях, – спорт, волейбол. Мещанство и накопительство отсутствовали напрочь. Это свойство сохранилось на всю жизнь. Никогда Аделаида Константиновна не была стяжательницей и мещанкой. Как никто не любила заниматься рутинными женскими делами типа вытирания пыли и мытья посуды. Счастливое довоенное детство... А в конце тридцатых годов – тревога, которая была разлита в воздухе. Так вижу сквозь призму времени и воспоминаний тетушки, мамы и Аделаиды те далекие теперь времена.

Ранняя юность Аделаиды Константиновны пришлась на военные годы. В школьные каникулы она работала при штабе полка, вместе с классом – на уборке урожая. Как во всех семьях, было трудно: недоедали, тревожились за близких, ждали вестей с фронта. После школы – учеба (сначала в Свердловском, потом в Сумском пединституте), аспирантура в Одессе, направление на работу в Станиславов (ныне – Ивано-Франковск) и снова Одесса – уже навсегда.

У нас с Аделаидой Константиновной большая разница в возрасте, не как у кузин, а как у племянницы и тетушки. В моем детстве она и играла роль тетушки: когда я приезжала в Одессу погостить, водила меня в кафе есть мороженое, любоваться цветным фонтаном, устраивала в пионерский лагерь. Какой Аделаида Константиновна интересный человек, я поняла позже, когда начала взрослеть. С ней было очень интересно: она была в курсе литературных новинок, знала поэзию и могла к месту процитировать несколько строк, например, модного тогда Б. Окуджаву. Иногда она брала меня с собой в гости к кому-нибудь из своих друзей.

Так я побывала в доме человека, „отсидевшего” за то, что дал почитать (просто дал почитать!) напечатанного на машинке Александра Солженицына; в доме ее друзей я слушала рассказ военного о том, как была осуществлена Пражская операция 1968 г. (это теперь все знают, как коварно это было сделано, а тогда об этом не смели писать и публично обсуждать)... А когда я серьезно увлеклась лингвистикой, то Аделаида Константиновна была, пожалуй, единственным человеком, с которым можно было буквально часами говорить о лингвистических проблемах. Вот тут проявлялась ее глубочайшая лингвистическая эрудиция. Она знала не только славистику и историю славянских языков, но была прекрасно осведомлена во многих вопросах лингвистики, в том числе и в новейших направлениях семасиологии, которыми интересовалась я. Особый колорит ее знаниям придавало то, что новые идеи были не просто идеями, они были „персонифицированы” – Аделаида Константиновна была знакома со многими ведущими учеными. Для меня Ожегов – это не человек, это словарь. А вот на одном из снимков – Аделаида Константиновна рядом с ним! Во время съезда славистов, проходившего в Киеве, она даже представила меня Никите Ильичу Толстому (для меня это была двойная легенда – по его работам я осваивала компонентный анализ + внук великого писателя). Иногда мы разговаривали о ее одесских коллегам, ее аспирантам – я как выпускница ОГУ знала многих. Не помню, чтобы она когда-то зло или недоброжелательно отзывалась о ком-то. К моему удивлению, она знала людей не только как „работников”, она знала их личные, семейные проблемы. Всегда сочувствовала, если у человека что-то не ладилось в жизни. Знаю, что со стороны она зачастую выглядела иначе, нередко ее считали жесткой, чрезмерно принципиальной.

Да, принципы у нее были. Подлости она не переносила и умела свою позицию отстаивать. Жаль, что принципиальных людей остается все меньше.

И в том, что я стала лингвистом, значительную роль сыграла Аделаида Константиновна. Думаю, что как человек я тоже во многом сформировалась под ее влиянием.

*Е. М. Черноиваненко,
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории литературы
и компаративистики,
декан филологического факультета ОНУ
имени И. И. Мечникова*

ПРАВО НА БЛАГОДАРНУЮ ПАМЯТЬ

Холерным летом 1970-го года мы поступили на филфак. Конкурс тогда был не чета нынешнему: семь человек на одно место. Те, кто смогли поступить в условиях такой конкуренции, знали, зачем они пришли на факультет. А уж на первом курсе учёба была безусловно главной составляющей нашего тогдашнего бытия.

Первый год в университете – самый трудный год (как тогда, так и сейчас). На первом курсе больше предметов, чем на пятом, да и предметы очень сложные, ведь вчерашний школьник имеет слишком поверхностное представление о литературах греческой античности и европейского Средневековья, о классификации звуков и системах стихосложения, не говоря уже о таинствах латыни.

Но есть на первом курсе ещё один предмет, который даже на этом фоне выглядит „великим и ужасным” – это старославянский язык. Сколько сил и труда, времени и нервов отнимал он у нас! При всех стараниях нередко казалось, что никогда тебе не прорваться сквозь дебри всех этих аористов и перфектов, супинов и имперфектов. (Кстати, этим летом зашла ко мне в деканат наша недавняя выпускница Лена Кузнецова и рассказала, что поступила в аспирантуру по славистике при Оломоуцком университете в Чехии, известном своими филологическими традициями. Так вот там, оказывается, старославянский язык учат только в магистратуре, уже на 5-м курсе – слишком сложный предмет). Но в отчаяние нас приводил не только (а может, даже не столько) старославянский язык сам по себе. Ужас положения усугублялся тем, что лекции по этому предмету читал и экзамен принимал сам профессор Назарий Иванович Букатевич. Выдающийся учёный, сохранивший в свои 89 лет прекрасную физическую форму (несмотря на годы пребывания в сталинском концлагере по сфабрикованному обвинению в украинском национализме), он в совершенстве знал свой предмет и умел прекрасно его преподавать. Это был человек безукоризненного дореволюционного воспитания – очень аккуратный, тактичный, уважительно относящийся к студентам. Но

была у Назария Ивановича одна особенность: он просто не понимал, как можно не знать старославянский язык. Перепутать у него на экзамене перфект с имперфектом было страшнее, чем перепутать на экзамене по географии Австрию с Австралией. Рассказы старшекурсников о том, как они сдавали „Буке” экзамен кто пять, кто семь, а кто и все двенадцать раз, способствовали нашей окончательной деморализации.

Но когда тьма нашего отчаяния сгустилась до предела, вдруг начало всходить солнце. В середине семестра начались практические занятия по старославянскому языку, которые вела доцент Аделаида Константиновна Смольская. Она не хуже профессора Букатевиича знала этот предмет, легко в нём ориентировалась. Ещё важнее было то, что она умела очень доступно объяснять не очень простые вещи. Но самым главным было другое: она очень хотела, чтобы мы хорошо сдали экзамен Назарию Ивановичу. Едва ли в этом был какой-то личный интерес, ведь они даже работали на разных кафедрах.

Аделаида Константиновна никогда не производила на меня впечатления сентиментального человека. Скорее наоборот: её характеризовали жёсткость, нелицеприятная прямота, ироничность. Она умела быть и частенько бывала „колочей”, о чём хорошо знали коллеги, а также нерадивые студенты. Но когда она видела, что студенты стараются освоить предмет, она была с ними необыкновенно мягкой и терпеливой.

Мы очень старались. Я, как и многие мои однокурсники, до сих пор помню несколько отрывков из Евангелия на старославянском языке, которые мы анализировали на практических с Аделаидой Константиновной. И как-то незаметно для нас непонятное становилось понятным; мы стали удивляться тому, как это можно – перепутать перфект и имперфект, ведь разница так очевидна. Страх ушёл, и нам постепенно стала открываться своеобразная красота старославянского языка.

Аделаида Константиновна пришла на экзамен, села рядом с профессором Букатевиичем и в критических случаях старалась помочь кому-нибудь из сдающих вспомнить необходимое. Назарий Иванович был, как всегда, строг и придирчив. Но уже одно её присутствие вселяло в нас уверенность в своих знаниях. Наверное, в глубине души мы чувствовали и свою ответственность перед ней, понимали, что не можем её подвести. Теперь понимаю, что, не приди она на экзамен, он прошёл бы совсем по-другому. А через несколько лет, когда я уже начал работать на факультете, одна из коллег рассказала мне о том, как волновалась за нас Аделаида Константиновна перед тем экзаменом.

А на втором курсе я, „официально” изучая чешский язык в группе профессора Николая Владимировича Павлюка, „неофициально” старал-

ся хотя бы урывками посещать занятия по сербскохорватскому языку у Аделаиды Константиновны. Студентов этой группы она особенно любила. Занятия здесь проходили в удивительно дружелюбной и творческой атмосфере.

Не всем посчастливилось знать её такой. Но когда мы говорим о её жёсткости, нужно иметь в виду: требовательность и принципиальность Аделаиды Константиновны были обращены прежде всего к себе самой. Как преподаватель она была профессионалом высокого класса. Как учёный она пользовалась огромным авторитетом у лингвистов в Киеве и Москве, Белграде и Загребе, Софии и Варшаве. Болгарское правительство наградило её медалью „1300 лет Болгарии”.

Докторскую диссертацию она защитила в Московском университете имени М. В. Ломоносова. О подробностях защиты в силу своей скромности Аделаида Константиновна особенно не распространялась. В декабре 2003 года я, только что избранный деканом, в составе делегации нашего университета оказался в МГУ. В одном из перерывов между заседаниями Международного семинара университетов Евразии я отправился на филфак в гости к декану факультета, профессору Марине Леонтьевне Ремнёвой. Когда я пришёл, в её кабинете уже находился известный лингвист, профессор Минского университета Борис Юстинович Норман. Узнав, что я из Одесского университета, они оба стали спрашивать меня о том, как поживает Аделаида Константиновна Смольская. Удовлетворив их любопытство, я перешёл к обсуждению возможных путей сотрудничества наших факультетов. Через несколько минут в кабинет вошёл высокий пожилой человек, оказавшийся профессором Владимиром Павловичем Гудковым – автором знакомого мне со студенческих лет учебника сербскохорватского языка. Узнав о том, что я из Одессы, он тут же осведомился о здоровье Аделаиды Константиновны и попросил меня передать ей несколько новых работ, написанных им и его коллегами. Мы отправились с ним к нему на кафедру. Когда мы вошли, он представил меня как декана факультета, на котором работает Аделаида Константиновна Смольская. И здесь сначала начались вопросы о её здоровье, а потом просьбы передать приветы и добрые пожелания. Кажется, тогда я впервые понял, что такое „купаться в лучах чужой славы”. Тогда же я по-настоящему понял, как необыкновенно высок её научный авторитет.

Столь же высоким был и её человеческий авторитет. Когда я стал деканом, в наших с ней отношениях не изменилось ровно ничего. Она, как и всегда раньше, открыто говорила мне всё, что считала нужным,

иногда в чём-то не соглашалась со мной, но даже её несогласие всегда облекалось в безукоризненно корректную форму. Она не считала, что может, раз уж я был когда-то её студентом, позволить себе хоть грамм пренебрежения ко мне. И такой она была со всеми. Во всём этом проявлялась высокая нравственная культура Аделаиды Константиновны.

Сам факт её бытия на факультете и на кафедре общего и славянско-го языкознания оказывал, я бы сказал, морально-обеззараживающее воздействие. В присутствии Аделаиды Константиновны моментально погибали вирусы зазнайства, мании величия, пренебрежения к людям. При ней объявить себя великим учёным, а всех остальных – бездарными плагиаторами, было совершенно невозможно.

После того, как её не стало, нам довелось осознать это со всей ясностью. При всей своей серьёзности она не была занудой, она ценила юмор, умела смеяться, радоваться жизни, красоте. Из рассказов коллег, которые были с ней дружны, знаю, что она была мудрым человеком и в жизни ценила то, что ценят по настоящему мудрые люди.

В советские времена нас убеждали в том, что незаменимых людей нет. Потом стало принято считать, что каждый человек незаменим. Думаю, истина, как обычно, где-то посередине: есть и те, и другие. От самого человека зависит, каким он станет, каким он себя сделает, выстроит и выстрадает. Аделаида Константиновна Смольская безусловно относится к незаменимым. Такой она себя сделала и этим заслужила право на нашу благодарную память о ней.

В. О. Колесник,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой болгарской филологии
ОНУ имени И. И. Мечникова*

СЛАВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. К. СМОЛЬСКОЙ

Аделаида Константиновна Смольская была выпускницей нашего университета. В 1956 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в 1993 г. в Московском университете защитила докторскую диссертацию „Розвиток именованого словотвору в сербохорватській мові (фемінінати́ви)”, которая была переутверждена в Институте языкознания имени А. А. Потемнина и ВАКом Украины. В диссертации исследовались актуальные проблемы исторического словообразования сербского и хорватского языков. Используя методы функциональной лингвистики, она впервые в сер-

бокroatистике исследовала, кроме словообразования, также способы номинации лиц, связанные с другими языковыми уровнями.

Аделаида Константиновна дважды была командирована для работы в университетах славянских стран, что повлияло на ее особый интерес к делу Кирилла и Мефодия и к наследию Солунских братьев.

Классической является статья „Проблемы и достижения кирилло-мефодиевистики конца XX – начала XXI века”. В ней речь идет об актуальных проблемах и достижениях в этой области науки на рубеже XX и XXI веков. Затронуты вопросы, относящиеся к рукописному фонду кирилло-мефодиевской эпохи, а также к предпринимаемым в науке попыткам выявления архетипов славянских переводов библейских текстов, об источниках, библиографии и лексикографии кирилло-мефодиевистики.

Первый вопрос касается различных списков самых важных источников, каковыми являются Пространные жития Константина и Мефодия, особенно известные в наше время 50 списков Жития Константина-Кирилла, а также проблематики углубленного описания основных миссий славянских первоучителей.

Анализируются новые работы о Великоморавской и Хазарской миссиях, написанные словацким ученым Павла Шимой, болгарским исследователем Христо Трандафиловым, греческим ученым А. Э. Тахиосом. О дискуссионных знаменитых строках о том, как Кирилл в Херсонесе „обрете же ту евангелие и псалтырь русьскими письмены писано” и человека нашел „глаголюшта тою беседою”. Аделаида Константиновна отмечает, что гипотезы о поздней интерполяции данного отрывка утрачивают свою актуальность, т. к. многие известные лингвисты, в том числе и Дж. Дзиффер, подчеркивают, что обнаруженные на сегодняшний день 57 списков Жития Константина „говорят именно о русских письменах”, это свидетельствует о том, что отрывок относится к архетипу всей традиции текста.

В статье исследуется и роль профессора Новороссийского университета М. Г. Попруженко в составлении и пополнении кирилло-мефодиевской библиографии. Упоминается и Институт рукописей Центральной научной библиотеки имени В. И. Вернадского, где была издана в 1995 г. книга „Просвітителі Кирило і Мефодій у писемних джерелах Інституту рукопису ЦНБ НАН України. Каталог рукописів 2 половини XV–I чверті XX ст.” (составитель Л. А. Гнатенко). Исследуются работы и других киевских ученых, в которых затрагиваются различные аспекты развития кирилло-мефодиевских традиций в Украине: Житник В. К., Русанівський В. М. „Чеські й словацькі будителі та українські кирило-

мефодіївці”, Сохань П. С. „Кириломефодіївські традиції на Україні”, Горський В. С. „Кирило-мефодіївська традиція в культурі Київської Русі”, Мишанич О. В. „Кирило і Мефодій в українській літературі” и др.

Исследованию рукописного фонда, хранящегося в Киеве и Одессе, посвящены статьи Нимчука В. В. „Київські глаголичні листки – найдавніша кирило-мефодіївська пам’ятка” и статья А. К. Смольской и Д. С. Ищенко, посвященная актуальным проблемам исследования Хилендарских листков.

Особое внимание уделяется успехам в старославянской лексикографии – словарям старославянского языка и изданию рукописей.

Представленный материал заставляет согласиться с мнением палеославистов о том, что славянские просветители создали традицию, обладающую вневременным измерением.

Аделаида Константиновна умела увлечь научной работой студентов. Она всегда очень долго выбирала название тем дипломных работ.

Одна из дипломных работ, написанных под руководством Аделаиды Константиновны Смольской, называлась „Грамматический портрет имени существительного в романе И. Вазова „Под игом”. С огромным успехом студентка 4 курса Татьяна Гайдаржи выступила на Международном семинаре по болгарскому языку в Велико Тырново с докладом на эту же тему. Преподаватели болгарских вузов, присутствующие на конференции, обратили внимание именно на этот доклад как лучший доклад на конференции, отметив его высокую научную ценность и оригинальность названия. Услышав имя научного руководителя, известный сербист Лили Лашкова подарила студентке отпечатки своих научных статей с просьбой передать их профессору Смольской.

Имя существительное, его грамматические категории, словообразование существительных (особенно феминных) были центральным объектом изучения в трудах Аделаиды Константиновны. Категории рода в славянских языках и семантической категории лица / нелица посвящено немало статей, написанных в последние годы ее научной деятельности (1995–2001 гг.) [6].

Особое внимание в ее трудах занимает категория среднего рода в контексте проблемы „средний род и номинация лица (человека)”. Как известно, все славянские языки испытывают редукцию среднего рода, хотя ее уровень по языкам различен. В русском языке средний род, за редким исключением, утратил связь с категориями лица и одушевленности. Средний род выступает здесь, по определению академика В. В. Виноградова, как „форма обезличенной предметности”. В украинском же языке

редукция среднего рода незначительна и проявляется только в отдельных словообразовательных моделях, его активность даже расширяется за счет расширения стилистических границ эмоционально маркированных лексем, исходно выступавших как асексуальные номинации невзрослых лиц [1, 121]. Иными словами, „языковая картина мира, точнее его важного фрагмента, связанного с номинацией человека (лица) не только с помощью мужского и женского, но и среднего рода, при учете всех деталей, безусловно, не является идентичной в славянских языках” [1, 127].

Лингвистами установлено, в каких славянских языках категория грамматического рода в большей или меньшей степени формализована. В сербском языке распределение по родам в большой степени определяется сочетательными возможностями на синтаксическом уровне, что является последствием одного из балканизационных процессов – маскулинизации существительных. Здесь грамматический средний род претерпевает известную редукцию, выражающуюся в том, что новые заимствования на *-e, -o* (*купе, метро, ауто*) обязательно переходят в мужской род [1, 122].

Болгарские лингвисты отмечают, что в современном болгарском языке усиливается грамматикализация родовых оппозиций, что является вторичным продуктом балканизационного процесса именных структур. В болгарском языке грамматический род в большей степени определяется формой (флексией) существительного, независимо от того, лицо какого пола это существительное обозначает. Формализованность рода в болгарском языке укрепляет членная форма – постпозитивный артикль.

А. К. Смольская выстраивает цепочку взаимоотношения категории лица и среднего рода на индоевропейском фоне: „а) славянские языки, имеющие личные номинации среднего рода, но допускающие родовую транспозицию только для названий лиц муж. пола (принцип андроцентризма); б) славянские языки, имеющие личные номинации среднего рода и допускающие их транспозицию как в мужской, так и в женский род; в) славянские языки, сохраняющие личные номинанты среднего рода только как раритеты, утратившие связь среднего рода с категорией лица и одушевленности; г) индоевропейские языки романской группы, утратившие средний род в системе грамматических родов; д) индоевропейские языки (ср. английский), утратившие вообще категорию субстантивного грамматического рода” [1, 127].

В качестве общей интегральной закономерности развития системы славянского грамматического рода лингвисты подчеркивают принцип андроцентризма, ведущую роль мужского рода в системе грамматиче-

ских родов, тенденцию к осуществлению транспозиции рода прежде всего у личных номинаций мужского пола, в которых противопоставлены грамматический и „природный” род (пол лица). Эта универсальная тенденция наблюдалась историками языка, и ее можно характеризовать как диахронную константу славянских языков [1, 121].

Родовая система славянских языков представляет возможности для процессов транспозиции в области личных номинаций. „В сербском языке развитие этих процессов зависит от двух противоборствующих тенденций, во-первых, от общеславянской тенденции к андроцентризму, подчеркивающему главенствующее положение мужского рода в родовой системе, во-вторых, от более глубокого морфологизма категории рода в сербском языке, чем в ряде других славянских” [5, 157].

Если принцип андроцентризма интегрален, то одним из индикаторов специфичности грамматической категории рода в славянских языках является позиция среднего рода, степень его сохранности и функциональности, его связей с категорией персональности и одушевленности.

Категории персональности / имперсональности (иначе – лица / нелица, личности / неличности) и определенности / неопределенности относятся к языковым универсалиям, они получили значительное развитие в славянских языках, где весьма специфично взаимодействуют с грамматическими категориями рода, числа, падежа.

Используясь в большинстве славянских языков в качестве скрытой, не имеющей собственного грамматического ядра, категория персональности / имперсональности находит свое языковое выражение, взаимодействуя с грамматическими категориями имени существительного, прежде всего с категорией рода.

При этом процесс согласования по роду (грамматическая или логическая конгруэнция) в известной мере зависит от влияния детерминативной категории. Поэтому категория определенности / неопределенности, которая сейчас изучается и в артиклевых, и в безартиклевых языках, должна рассматриваться в ее текстовых связях с грамматическими категориями рода, числа, падежа. В сербском языке эта категория является семантической, дискурсной [3, 142].

При этом большой интерес представляют примеры дистантной конгруэнции, когда местоименные заменители существительного могут избираться из дублетных разнородовых форм – чем дальше согласуемое слово от существительного, тем больше условий для смыслового согласования. Дистантное согласование в известной мере зависит от логической категории определенности / неопределенности, представ-

ленной в тексте. Если лицо мыслится как неизвестное (*неког девојчета*), допускается формальное согласование, напротив, определенность представления о лице женского пола, названного существительным среднего рода (*пришао је девојчету*), вызывает конгруэнцию по смыслу [5, 163].

Ряд статей посвящены личным номинациям и их родовой характеристике в художественном тексте. Маскулинизмы (слова мужского рода, именующие лиц природного женского рода) в количественном отношении в художественных текстах сербских авторов всегда уступают использованию феминных номинаций в форме женского рода, т.е. уступают исконной традиции в наименовании женщин. Особый интерес представляют примеры, иллюстрирующие отношение Милоша Црњанского к маскулинизации плюральных форм, которые сохраняют в сербском языке родовые окончания. В его произведениях по-прежнему используются два слова при обозначении множества лиц мужского и женского природного рода. Таким образом, идущая от Вука Караджича традиция использования раздвоенного рода во множественном числе, обусловленная парадигматикой имен в плюральных формах, отчетливо выражена в тексте „Романа о Лондону” [5, 163].

Труды Аделаиды Константиновны Смольской помогают сформулировать основные постулаты о развитии системы грамматического рода в славянских языках и об особенностях этой системы в отдельных языках славянских народов, помогают создать грамматический портрет имени существительного в каждом отдельно взятом славянском языке.

Список использованной литературы

1. Смольская А. К. Семантическая категория лица / нелица и грамматический средний род в славянских языках // А. К. Смольская / Славянские студии – Одесса : Астропринт, 2001. – 119–127.
2. Смольская А. К. Језичка норма и фемининуми // А. К. Смольская / Славянские студии – Одесса : Астропринт, 2001. – 128–136.
3. Соотношение грамматических и семантических категорий у существительных в сербском языке // А. К. Смольская / Славянские студии – Одесса : Астропринт, 2001. – 136–143.
4. Смольская А. К. Синтаксичні проблеми маскулінізації // А. К. Смольская / Славянские студии – Одесса : Астропринт, 2001. – 150–156.

5. Смольская А. К. О некоторых особенностях языка Милошича Црнянского // А. К. Смольская / Славянские студии – Одесса : Астропринт, 2001. – 156-164.
6. Смольська А. К. Славянские студии [Текст]: сб. статей. Одесский национальный ун-т имени И. И. Мечникова. Филологический факультет. – Одесса : Астропринт, 2001. – 228 с.

Предраг Пинер,
доктор филологічних наук,
ординарний професор кафедри славістики
філологічного факультету Белградського університету,
член-кореспондент Сербської Академії наук і мистецтва

СЕЋАЊЕ НА АДЕЛАИДУ КОНСТАНТИНОВНУ СМОЉСКУ

Богата научна и наставна биографија А. К. Смольске била је везана пре свега за Одески универзитет, али су у њој биле важне и године које је А. К. Смольска провела предајући руски језик у српскохрватској говорној средини (на Одеку за славистику Универзитета у Београду) и у бугарској говорној средини (Пловдив). До својих последњих година А. К. Смольска била чест и драг гост у Међународном славистичком центру и на Катедри за славистику Универзитета у Београду, о чему поред осталог говори податак да је четрнаест пута учествовала са рефератима на међународним скуповима Научни састанак слависта у Вукове дане, а више пута и на другим славистичким скуповима у Југославији, односно Србији и Црној Гори, узимајући учешће и на конгресима, конференцијама и семинарима и у многим другим славистичким центрима (Братислава, Гродно, Ивано-Франковск, Кијев, Кировоград, Краков, Лавов, Лењинград, Москва, Одеса, Омск, Пловдив, Софија, Харков, Черњивци, Черњигов и др.).

А. К. Смольска објављивала је радове у многим часописима и зборницима, нпр. у таквим као што су: *Болгарская русистика*, *Език и литература*, *Живи језици*, *Зборник Матице српске за славистику*, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, *Onomastica Jugoslavica*, *Славистика*, *Слов'янський збірник*, *Советское славяноведение*, *Страни језици*, *Съпоставително езикознание*, *Филолошки преглед*.

Круг научних интересовања А. К. Смольске био је широк, а у његовом средишту била су питања творбе речи (посебно творбе феминатива)

у словенским језицима, пре свега у руском и српском језику, али су њима била обухваћена и питања словенске лексикологије, граматике, стилистике, ономастике, фолклора, историје словенске филологије, проучавања словенских језика у контрастивном, типолошком или упоредно-историјском светлу, превођења, универзитетске наставе словенских језика и друга питања.

Велику пажњу А. К. Смољска посвећивала је свом наставном раду објавивши поред осталог већи број уџбеника, приручника и наставних програма за различите славистичке дисциплине (Творба речи у словенским језицима, Српскохрватски језик, Практична стилистика руског језика, Фонетика, Фонологија и ортоепија руског језика и др.).

А. К. Смољска учинила је много и у организацији научног и наставног рада, посебно као професор Катедре за општу и словенску лингвистику Одеског државног универзитета, и као један од покретача и главни уредник часописа *Слов'янський збірник*.

Аутор ових редова сећања на А. К. Смољску увек ће памтити дуге и живе разговоре које је с њом имао, крајем 1980. године, у Дому пост-дипломаца и специјализаната у улици Шверника у Москви, када је А. К. Смољска писала рад о суфиксу *-ља* у српском језику (објављен у *Зборнику Матице српске за филологију и лингвистику*, св. 26/1), када је први пут имао задовољство да с њом разговара.

А. К. Смољска много је учинила на ширењу и учвршћивању међународне сарадње, за шта јој српски слависти, који су у њој увек имали уваженог и драгог пријатеља, остају трајно захвални.

Преглед главних линија у научном раду А. К. Смољске имао сам прилику да дам пишући о њеној књизи *Славянские студии*, која је врло репрезентативно одразила суштину научних интересовања и славистичких доприноса А. К. Смољске.

Аделаида Константиновна Смољска, професор Катедре за општу и словенску лингвистику Одеског универзитета, већи део свог научног опуса посветила је јужнословенским језицима (највише српском), често у поређењу са руским и украјинским језиком.

Зборником *Словенске студије* обухваћени су најважнији и најрепрезентативнији радови А. К. Смољске, који су раније били објављени у различитим зборницима и часописима на српско(хрватск)ом, руском или украјинском језику, и који су сада дати на језику свог првог објављивања. У складу с научним профилем А. К. Смољске, зборник њених изабраних радова посвећен је актуелним питањима дијахронијске и контрастивне творбе речи у јужнословенским и

источнословенским језицима, питањима односа између граматичких и семантичких категорија у словенским језицима, али и историји славистике, словенској митологији, старословенским рукописима, српским траговима у топонимији јужне Украјине и неким другим темама.

Књига је подељена на два дела. У првом делу, насловљеном Дијахронијска и контрастивна творба речи словенских језика, налазе се радови о дијахронијским константама творбе речи у словенским језицима и феминативним суфиксима у српскохрватском књижевном језику, о еволуцији творбе речи у српском језику и њеном проучавању, о творбеним категоријама и њиховим архимоделима, о Вуку Караџићу у вези са правилима творбе речи у српскохрватском језику, о утицају семантике на облик термина и њихових говорних еквивалената, о променама у творбеној норми српског књижевног језика XIX века, о дистрибуцији феминативних суфикса у српскохрватском језику, о улози хомонимије у именској деривацији српскохрватског језика, о историји суфикса *-ља* у српскохрватском језику, о суфиксима страног порекла у српској и хрватској феминативној деривацији, о суфиксу *-кињ-а* и хибридниим дериватима у српском и другим јужнословенским језицима, о неким дискурсним функцијама изведених речи, о историји једног општесловенског модела у руском језику и о суфиксу *-чанин* у руском и у бугарском језику.

У другом делу књиге, насловљеном Питања граматике, лексике и ономастике словенских језика, дати су радови о семантичкој категорији лица/нелица и граматичком средњем роду у словенским језицима, о језичкој норми у вези са именицама женског рода, о међуодносу између граматичких и семантичких категорија, о граматичком роду у српском и украјинском језику, о синтаксичким проблемима маскулинизације, о неким специфичностима стила Милоша Црњанског, о јужнословенским траговима у топонимији јужне Украјине, о вили у митологији Јужних Словена, о актуелним питањима проучавања Хиландарских листића, о Јагићевом зборнику посвећеном Пушкину у јужнословенским књижевностима и о књижном легату В. И. Григоровича у одеској универзитетској библиотеци.

Зборник такође садржи потпуну личну библиографију А. К. Смољске и библиографску белешку са ширим информацијама о месту првог објављивања радова који су укључени у зборник *Словенске студије*.

Посебна вредност зборника *Словенске студије* јесте у чињеници да се А. К. Смољска бави важном, а још увек недовољно проученом

проблематиком историјске дериватологије. Историју творбе речи у српском језику после Радосава Бошковића вероватно нико није тако истрајно и успешно проучавао као А. К. Смољска, што је био предмет и њене докторске дисертације *Развој именске творбе речи у српскохрватском језику*. Поред тога, А. К. Смољска дала је више радова из контрастивне дериватологије јужнословенских и источнословенских језика на проблемима који раније у таквом светлу нису били разматрани, а у склопу таквих истраживања међу првима је приступила контрастивном проучавању српског и украјинског језика. Зборник *Словенске студије* показује да је круг научних интересовања А. К. Смољске заправо још шири, захватајући у питања граматике, ономастике, историје словенске филологије и друге теме.

У теоријском погледу један од најинтересантнијих радова у том зборнику вероватно је рад Дијахронијске константе творбе речи у словенским језицима и феминативни суфикси у књижевном језику српскохрватског региона. У оквиру историјске дериватологије искристалисао се појам творбених дијахронијских константи као развојних процеса који су карактеристични за различите периоде развоја различитих језика, али који имају исти смер и воде истом или сличном исходу. А. К. Смољска, која је ту теорију оснажила својим истраживањима српскохрватских феминатива, појам дијахронијске константе узима у значењу у којем га употребљава М. М. Гухман у монографији о том проблему, објављеној 1981. године. Прилика је да се каже да је појам језичких константи био доста подробно разрађен у посебној глави књиге А. Белића *О језичкој природи и језичком развоју* (где је први пут и уведен термин „језичка константа“), али да је то прошло незапажено, као углавном и цела та Белићева књига, када је после Другог светског рата у САД почело изграђивање теорије језичких универзалија, у оквиру које је нешто касније развијена и теорија дијахронијских универзалија.

У духу блиском новијим лингвистичким оријентацијама за проучавање људског фактора у језику и говорне делатности као процеса у којем настају нове речи написано је у зборнику *Словенске студије* и неколико уводних радова, у којима се убедљиво показује да је историја формирања српскохрватског књижевног језика ретко добар пример утицаја разговорног језика на формирање књижевнојезичке норме, односно на кодификацију књижевног језика.

А. К. Смољска се у појединим радовима ослања и на теорију функционалне граматике, схваћене као семантичка, тј. ономастиолошка

граматика, која дериватолозима омогућује да споје, с једне стране, анализу микро- и макројединица (творбени модел, творбена категорија, творбени архетип итд.) и, с друге стране, проучавање различитих функционално-семантичких категорија. Тим питањима посвећени су радови А. К. Смољске о категорији персоналности у српском језику у поређењу с другим словенским језицима или без таквог поређења.

За српску топономастику несумњиво ће посебно бити занимљиво истраживање А. К. Смољске Јужнословенски трагови у топонимији јужне Украјине, у којем се даје исцрпан преглед тих топонима уз поуздана историјска и топономастичка објашњења, нпр. *Печка, Надлак, Семлик, Мартонош, Панчев, Кањиж, Сента, Вуковар, Федвар, Суботиц, Мошарин, Самбор, Бершац, Зимун, Пилажници, Ковин, Сланкамин, Бечеја, Вараждин, Глаговац, Чолнош, Чонград, Павлиш, Сентомаш, Вукитичево, Текелијевка, Ружичева, Живанивка, Срби, Србка, Требеса, Никишичи, Чорнигирка* и многи др.

У ономастичком делу зборника пажњу привлачи и један од новијих радова А. К. Смољске Презиме и име Вука Карацића у историји српске антропонимије, у којем је то питање исцрпно размотрено. Дат је преглед имена којима се Вук Карацић потписивао у разним периодима свога живота и у различитим приликама, укључујући и оне када је Вук своје име преводио на немачки, латински и руски.

У целини посматрано, А. К. Смољска се у избору теоријских оквира својих истраживања више (али не превише) држи проверене лингвистичке традиције, посебно традиције словенских научних средина и школа, него што следи најмодерније идеје и правце. Зборник *Словенске студије*, као, уосталом, и други радови А. К. Смољске који су нам познати, а који нису обухваћени зборником, показују да је такво опредељење у истраживањима А. К. Смољске дало поуздане резултате, као што је за њене радове објављене у том зборнику, а и иначе, карактеристична чврста емпиријска утемељеност.

Иако зборник *Словенске студије* представља А. К. Смољску пре свега као слависту-научника, резултати који се у њему износе неодвојиви су од наставничког рада А. К. Смољске, захваљујући којој на Одеском универзитету, где су се јужнословенским темама бавили В. И. Григорович и В. Јагић, српска филологија и данас има посебно место.

Ф. П. Сергеев,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Волгоградского государственного университета*

ПРОФЕССОР А. К. СМОЛЬСКАЯ – УЧЕНЫЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Мне, в 1979-1994 гг. заведовавшему кафедрой общего и славянского языкознания Одесского государственного университета, посчастливилось работать с Аделаидой Константиновной Смольской. Для меня эти годы были наполнены весьма содержательным научным общением с нею, на редкость эрудированным ученым-педагогом: мы обсуждали не только проблемы современной лингвистики, но и судьбы славянских языков, в частности сербохорватского, прекрасным исследователем которого она была. Аделаида Константиновна упорно трудилась над докторской диссертацией, собирала лексико-грамматический материал по теме своих научных изысканий. Помогали ей глубже осмыслить предмет своего исследования регулярные научные командировки в Югославию, встречи с учеными-сербистами. По моему совету А. К. Смольская ввела в свою творческую лабораторию и диахронический аспект, благодаря чему исследование приобрело особую научную значимость, материал засверкал удивительно яркими красками.

Аделаида Константиновна была прекрасным педагогом-методистом, преподавателем сербохорватского языка, студенты с большим удовольствием посещали её лекции и по данным этих лекций и других языковедческих источников довольно доказательно отвечали на её семинарских занятиях.

Но особенно мастерски она читала лекции и проводила практические занятия по старославянскому языку: убедительно представляла слушателям первые этапы славянского письма, показывала особенности звуков в этом языке, сравнивала с собственно древнерусским языком. Материал излагался так, чтобы студенты смогли увидеть сходство и различие этих языков.

Не могу не сказать об Аделаиде Константиновне как о человеке доброжелательном, душевно щедром, помогавшем молодым педагогам овладеть лекторским мастерством. Она была инициатором ежегодных вечеров славянских языков, на которых студенты демонстрировали свои хорошие знания по этим языкам: читали стихотворные тексты на

славянских (сербохорватском, болгарском и польском) языках, пели песни, разыгрывали шутки и анекдоты. На эти вечера приглашались и обучавшиеся в вузах Одессы студенты из славянских стран, которые также были активными участниками таких встреч.

Профессор А. К. Смольская в советское и постсоветское время (когда Украина стала независимым государством) была прекрасным организатором проведения в Одесском университете всесоюзных, республиканских и украинских славистических конференций, выступала на них с содержательными научными докладами.

Аделаида Константиновна, вне сомнения, оставила заметный след в славистике. Мы, члены кафедры, высоко ценили её эрудицию и удивительной доброты характер.

*Богдан Терзич,
доктор филоличних наук, професор кафедри славістики
філологічного факультету Белградського університету*

ПРОФ. ДР. АДЕЛАИДА КОНСТАНТИНОВНА СМОЉСКА НА БЕОГРАДСКОМ УНИВЕРЗИТЕТУ

Један део животног пута и научно-наставног рада угледног слависте проф. др. Аделаиде Константиновне Смолске везан је за Филолошки факултет Београдског универзитета, за његову Катедру за славистику као матичне седиште, али исто тако и за Славистичко друштво Србије, за Међународни славистички центар Филолошког факултета, као и за Катедру за јужнословенске језике и општу лингвистику тога факултета. Њен научни рад везан је и за ванфакултетске институције, у првом реду за Институт за српски језик Српске академије наука и уметности, са којим су сарађивали и неки истакнути слависти, иначе професори Филолошког факултета. Оваква мрежа славистичких институција омогућила је проф. Смолској да зарони у српску славистичку средину и да искористи научне могућности које јој је та средина могла пружити. Иако је основни мотив за долазак Аделаиде Константиновне на Београдски универзитет био примарно наставне природе, где је делегирана да предаје руски језик, она је схватила да без ваљане научне основе нема ни одговарајуће наставе.

Долазак А. К. Смолске на београдску Катедру за славистику резултат је уговора о међународној културној и научној сарадњи, постигнутог

средином 60-их година XX века између влада тадашње Југославије и Совјетског Савеза. Значај њеног доласка у српску средину, на Катедру за славистику, је у томе што она је била први предавач руског језика који у нашу наставну средину донео живи, актуелни језик средине XX века. То је било и лепо освежење у наставном процесу, као и у комуникацији постојећег наставног кадра Катедре са носиоцем руског језика тога времена. Треба рећи да су дотле наставу руског језика, и научну и практичну, изводили представници генерације руских избеглица, који су се после Октобарске револуције затекли и настанили у Београду. Сигурно је да се у периоду од краја друге деценије до средине шездесетих година руски језик у понечем изменио, као и да су представници тзв. руске емиграције, руске дијаспоре, попримали и понешто из српског језика, стога су они пажљиво ослушкивали језик Аделаиде Константиновне. Аутор ових редова као млад асистент дошао је у Москву на усавршавање. Нашавши се у једном друштву добио је за свој руски језик овакву напомену: „У Вас все правильно, но, знаете, у нас теперь так не говорят“. Напомена је на месту, јер су мени руски језик предавали представници руске дијаспоре. И још нешто: А. К. Смољска је донела са собом и новија достигнућа руске лингвистичке науке, чиме је освежавала традиционалну наставу руског језика. У сваком случају њен долазак на Катедру за славистику Београдског универзитета представљао је значајан допринос српској русистици и у теоријском и у практичном погледу. Али и ова средина је њој помогла да пошири своје славистичке видике и да своја интегрална славистичка схватања у знатној мери прошири научним интересовањима за проблеме српског језика, како на унилатералном, тако и на мултилатералном славистичком плану.

Завршивши свој наставнички боравак на Београдском универзитету, проф. А. К. Смољска није прекидала везе са његовим Филолошким факултетом, у оквиру кога је посебно била везана не само за Катедру за славистику, већ и за његов Међународни славистички центар, где је нашла научни интерес у редовним годишњим окупљањима страних слависта, у месецу септембру, на Научним састанцима слависта у Вукове дане. На тим скуповима она је учествовала са рефератима 14 пута, јер је сматрала да је тематика тих скупова добро погођена, да и она у тим темама има шта да каже. Њена иступања наилазила су на леп пријем. Њен лингвистички рад посебно је ценила, како ми често кажемо, прва дама српске лингвистике академик Милка Ивић. Студиозан приказ научног рада А. К. Смољске дао је дописни члан САНУ, проф. др. Предраг Пипер у обимној књизи *Прилози историје српске славистике* (Београд, 2011, с. 603–609), којој су претходила још два текста о радовима проф. Смољске.

Широк је круг области славистичке науке којом се бавила проф. А. К. Смољска, у којој српски језик заузима значајно место, био као једини предмет истраживања, било да се посматра у дијахронијском аспекту и односу према другим словенским језицима. Творба речи је, рекло би се, у центру њених научних интересовања. Стога није ни чудо што је изузетно ценила српског великана у овој области проф. Радо-сава Бошковића. Интересовања су јој се простирали и на области као што је граматика, лексикологија, стилистика, фолклор, ономастика, историја словенске филологије, конфронтативно, типолошко, упоредно-историјско проучавање словенских језика, превођење на међусловенском плану, проучавање старословенских рукописа, као и на низ других питања. Као наставник руског језика у српској средини природно је морала да се бави и теоријско-практичним конфронтацијом двају сродних језика, што јој је омогућило да своја сазнања о природи међујезичких односа пренесе у своју сталну радну средину – на Катедру за општу и словенску лингвистику на Одеском универзитету, као својим научним, тако и наставним редом. Припремала је за своју Катедру младе слависте србисте. Писала је уџбенике и приручнике српског језика.

За време свог долазака на научне скупове МСЦ-а редовно је свраћала на Катедру за славистику. Хвала проф. др. Аделаиди Константиновни Смољској на помоћи српској русистици и славистици, као и на искреном пријатељству према српској средини.

*В. Г. Таранець,
доктор филолошких наука,
професор кафедре лингвистики
Міжнародного гуманітарного університету*

МОЇ ЗУСТРІЧІ З ПРОФЕСОРОМ А. К. СМОЉСЬКОЮ

Вперше я зустрівся з Аделаїдою Костянтинівною Смољською в період завершення нею докторської дисертації: хоча чув про неї давно, та не було нагоди на ділове побачення.

Ця зустріч була пов'язана з представленням моєї статті до „Слов'янського збірника”, який вона редагувала. Оскільки я працював і вів наукову роботу в галузі германістики, то подавати статтю було трохи боязко, тим більше, що мова йшла в моєму рукописі про час слов'яно-германської мовної спільноти. Про це я одразу ж сказав

А. К. Смольській, оскільки знаю, що вчені мають різні погляди на цю гіпотезу.

На мою радість, вона, усміхнувшись, відповіла, що дотримується такої самої концепції, після чого мені на душі полегшало. Доброзичливість, теплоту та м'якість у розмові й розуміння співбесідника з боку Аделаїди Костянтинівни я завжди відчував. З того часу я став частим гостем у редакційній колегії, постійно спілкуючись на різні наукові теми з Аделаїдою Костянтинівною, а статті зі слов'яно-германської тематики стали з'являтися у мене, мабуть, не випадково. Завдяки професору А. К. Смольській я став опановувати наукове славістичне поле, сміливіше ступаючи в царину контрастивних досліджень германських і слов'янських мов. До сьогодні мною надруковано вісім статей у „Слов'янському збірнику”, до того ж мене ввели до його редакційної колегії.

Не знаючи того, що Аделаїда Костянтинівна хворіла, я, як і раніше, звертався до неї з різних славістичних питань, а вона тепло і радо відгукувалася, після чого мені згадуються слова: „Хвала людям, дерзающим жизнь, словно они бессмертны!”. Повертаючись до минулого, хочу низько уклонитися її пам'яті.

Йелка Матіяшевич,

*доктор філологічних наук, професор кафедри славістики
філософського факультету Новосадського університету*

ЈЕДНА ОЦЕНА КОЈА И ДАНАС СТОЈИ

Реч унапред. Овај прилог посвећујем доктору филолошких наука – Аделаиди Константиновни Смольској, професору Одеског универзитета, који се, сматрам, по концепцији уклапа у зборник посвећен њој, као важан податак о мишљењу колега о њеном раду. Ценећи и њен рад и личност њену, желим да кажем и неколико речи унапред као признање за улогу коју су њени радови одиграли у развоју словенске дериватологије и посебно у сербокroatистици.

Аделаида Константиновна Смольска спада у ред високо котираних слависта, посебно - србиста односно сербокroatиста. Она припада групи истраживача творбе речи који су наставили дело професора Радосава Бошковића кога је сама високо ценила и кога је са пуно аргумената сматрала једним од зачетника научног развоја теорије и праксе у области творбе речи, при крају прве половине XX века, напоредо са В. В. Виноградовим и В. Дорошевским. Сматрала је сасвим исправно да су радови Радосава Бошковића одиграли најважнију улогу у развоју науке о творби речи у

српском језику, а њега једним од најталентованијих дериватолога XX века и једног од оснивача упоредног проучавања словенске деривације. У ред следбеника који су прихватили компаративну Бошковићеву анализу сврстала је и мене, није ми познато само да ли је знала да ми је професор Бошковић био научни руководилац код израде магистарске и докторске тезе. У доба кад се А. К. Смољска почела бавити творбом речи доста тога је недостајало у разради ове лингвистичке области. Управо је она допринела својим прегалаштвом да се многа питања расветле и у словенској дериватологији и у сербокroatистици.

Определивши се на почетку свог бављења лингвистиком за област творбе речи и пратећи њен развој, посебно у русистици, дошла сам рано до сазнања и о лингвистима који се тиме баве. Међу свим тим именима из славистике, првенствено русистике и србистике, срела сам и име Аделаиде Константиновне Смољске. Било је неминовно да се сретнем са њом, и срећна сам због тога, и то у време када смо имали мало личних контаката са руским лингвистима и мало стога прилике да чујемо и њихова мишљења о нашем раду. А познанство са професорком Смољском потиче из времена када је као лектор руског језика радила на Катедри за славистику Филолошког факултета у Београду, да би се затим сусрети наставили на међународним скуповима слависта у Вукове дане у организацији Међународног славистичког центра на Филолошком факултету у Београду, одржаваним поред Београда у Новом Саду и Приштини, затим и другим славистичким скуповима – конгресима, симпозијумима, конференцијама.

Сасвим спонтано и независно једна од друге долазиле смо често до истих тема у разради разних творбених проблема и питања, сада могу рећи а да не звучи скромно, и врло релевантних за словенску дериватологију. Да је то тако сведочи и чињеница да сам добила прилику да изнесем своје мишљење о докторској дисертацији А. К. Смољске, што сам и учинила у рецензији септембра 1993. године коју наводим у целини, а коју из техничких разлога дајем у препису. *Смољская Аделаида Константиновна. Развитие именовного словообразования в сербохорватском литературном языке (фемининативы).*

Рад под горњим насловом, урађен и пријављен као докторска дисертација на Филолошком факултету у Москви, представља врло проицљиво и зналачки одабрану проблематику, другим речима, *nomina fminina* као објекат истраживања пружају много података за теоријска уопштавања на плану словенске дериватологије, али истовремено и могућност презентирања вредних практичних решења у области дери-

вационог система српскохрватског језика. То је исто тако и настављање једне значајне истраживачке линије која се негује у славистици, у том смислу и нарочито у србкroatистици. Овај рад нас такође подсећа и на то да још увек има доста празнина, и поред неких значајнијих подухвата руских и српских слависта, и да то посебно важи за творбу речи.

Урађена на широком корпусу, дисертација репрезентује релевантан материјал за дијахрону анализу еволуције дате категорије на плану форме и садржаја и пружа на тај начин увод и у динамичке процесе којима је деривациони систем српског језика захваћен, доводећи тако и до синхронизације, спретно је уклапајући у јединствени концепт рада, што чини посебну вредност.

Разумљиво је да је овај истраживачки пут тражио и методолошку разноврсност и еклектицизам са уклапањем резултата и најновијих методолошких поступака и њихово уграђивање у дериватолошку проблематику и терминологију, па је и то својеврстан допринос кретању научне мисли у овом правцу.

Новине које рад доноси говоре и о јединству системског и функционалног фактора у комплексу творбених појава српскохрватског језика, обogaћују дериватолошку теоријску и практичну страну, значајну и за шири славистички концепт, уз изношење типолошких особености српскохрватског језика у погледу проблематике феминатива. Идентификоване су и главне тенденције у развоју дате категорије кроз време, и на основу испољеног усмерења њиховог, указано на предвидиве токове у даљњем развоју именичке деривације датих образовања. Установљено је такође, да и поред двовеконих еволутивних промена са снажним утицајем књишког језика и интелектуализацијом израженом као и у другим словенским језицима, није прекинут онај народни подстицај који води од Вука Караџића.

Практична примењивост датог рада је вишеструка, као и радова који су инкорпорирани у садржај и изношени на научним скуповима и другим научним контактима.

На основу свега реченог слободно смо изнети кратку оцену – актуелност теме, постигнути циљеви, методолошка комплексност, научне новине – квалификују овај рад као значајан допринос у првом реду српскохрватској дериватологији, а онда и славистици у целини, чинећи га на тај начин незаобилазним у даљим истраживањима у области словенске дериватологије.

За крај кратко, после ове оцене изречене пре скоро двадесет година, враћање у прошлост овим поводом, уверава у тачност и по тадашњем и по садашњем мишљењу – да дата оцена важи и данас.

*Д. С. Чернявская,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории литературы и компаративистики*

ОНА БЫЛА МНЕ ДРУГОМ, ПРОСТО – ДЕЛЕЙ

С чего начинать и как это сказать последнее слово о близком человеке, ставшем твоим другом на всю жизнь? Память услужливо подсказывает различные жизненные эпизоды по закону событийности самой жизни. Но ведь потому и со-бытийность, что она включает – в будничное ли, значительное ли – личность человека, и именно он, его характер проявляется через событие. Аделаида Константиновна Смольская была моим другом. Впрочем, она никогда не воспринималась мной ни как Аделаида, ни тем более – Константиновна. Мне нравилась эта сокращенная форма имени ее торжественного Аделаида. Она ассоциировалась с именами из древнегреческой поэтической антологии – Делия, Хлоя, Лидия. Для меня в ее имени таинственно проявлялась столь свойственная Деле женственность а еще – филология, которая была, если можно так сказать, ее вторым именем.

Друзей не выбирают. Они случаются, ими становятся в какой-то благословенный судьбой момент жизни. К печали моей, я не могу вспомнить, когда именно случилось то, что связало нас на многие годы нашей жизни.

Какой она была, и что главное в ее личности запомнилось мне? Одно из воспоминаний: южная ночь. Открытое море. Небольшой пароходик, размеренно сотрясаясь от ударов своего мотора, вез нас в Одессу из Ялты, где мы провели два дня в традиционной в те времена „экскурсии выходного дня”. Деля предложила подняться на верхнюю палубу. Картина, открывшаяся нам, была фееричной. С бесконечной высоты черного ночного неба смотрели на нас огромные южные звезды. А под нами, заглушая суетливое таракхенье пароходной машины, шумело море – бездонная черная толща воды. Было торжественно и – тревожно. Невольно осознавалась огромность мироздания и наша в ней малость. Тревожный холодок заползал в душу. Деля, вообще не любившая показных нежностей, прижалась ко мне. И эта вертикаль вечных стихий – небо, море и мы посредине – неожиданно вызвала в памяти знаменитое кантовское о нравственном императиве: „Звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас”. Я вспомнила об этом не случайно. Это нравственное было стержнем Делиной натуры. Она была сложным человеком. Как

всякая яркая личность – доброй, сердечной, отзывчивой, но и непримиримой к фальши и неправде как в жизни, так и в человеке. Многие воспринимали это как прямолинейность, но ее прямота и принципиальность не были вызывающими. Сдержанность и мягкость были потаенными чертами ее натуры. Нравственный корень Делиного характера вырос из семьи. То ли это досталось от отца, которого я уже не застала, армейского полковника от артиллерии, или также от мамы, удивительного человека тонкого изысканного вкуса, деликатной в отношениях с людьми и вместе с тем строгой Анны Антоновны. Нравственная атмосфера семьи проявилась и в детях – младшей сестре Дели очаровательной и принципиальной Валечке и приветливо-сдержанном младшем брате Валерике. Но наиболее выразительно и четко семейные таланты, как мне кажется, проявились в Деле – в достоинствах и совершенно искренних в своей принципиальности крайностях. Так было и в нашей дружбе: нас сближало многое, определившее прочность и доверительность наших отношений, Но, надо признаться, мягкость моего характера мне не прощалась и была не раз предметом жестко иронического осуждения.

Одна из примечательных особенностей Делиной натуры состояла в способности негромко и убедительно говорить о том, что заслуживает совсем иной тональности. Многие помнят, наверное, ее выступления на собраниях или ученых советах. Она обычно начинала с тихого регистра, не форсируя голос, умела выделить в обсуждаемой проблеме положительные стороны, но серьезные критические замечания, высказанные в приглушенной тональности, казались про этом еще более убедительными и побуждали прислушиваться (во всей полноте семантики этого слова).

Деля любила путешествовать. Она долгое время работала за пределами нашей страны – в Югославии, Болгарии, и ее рассказы о людях и достопримечательностях этих стран были красочными, эмоциональными и вызвали у меня желание тоже куда-нибудь отправиться. По ее инициативе состоялась наша поездка в Чехословакию. Мы объехали полстраны, побывали в ее знаковых туристических местах, но ни сказочные изделия из хрусталя в Яблонце, ни очарование Карловых Вар, Марианских Лазней не могли сравниться со встречей с величественной, средневековой и эпохи Возрождения, Прагой. Благодаря Деле, пригласившей меня в эту поездку, осуществилось одно из желаний моей молодости. Мы бродили с ней по улицам и площадям города, которые я знала только по фотографиям великолепно изданного альбома, купленного в магазине иностранной литературы на Преображенской улице. Трудно

передать словами те впечатления от увиденного воочию – Старе Место с площадью со знаменитыми часами, маленькие каменные домики над Влтавой и грандиозный старинный Карлов Мост. Признаюсь, что Прага и до сих пор, хотя я была и в Будапеште, и в Лондоне, остается для меня лучшей, красивейшей из виденных мной европейских столиц.

Вспоминаю также и поездки с Делей в Москву и Ясную Поляну во время студенческой музейной практики. Вспоминается любимый эпизод этой практики. Едва разместив студентов и проинформировав их о месте их работы в Институте мировой литературы им. Горького, Деля посчитала первостепенной необходимостью организовать для студентов так называемую культурную программу. Первым ее пунктом был считаемый нами Вахтанговский театр. Надо сказать, что тогда проходили премьерные дни со спектаклем по пьесе Алексея Арбузова „Иркутская история”. Ничуть не сомневаясь в необходимости для студентов причаститься к такому событию, мы оказались у окошка администрации театра. Деля более категорично, чем просительно произнесла: мы привезли студентов из Одессы в столицу и нам необходимо двадцать билетов. Лицо в окошке закричало: „Моня, иди сюда, здесь из Одессы приехали”. Появившийся Моня, вежливо улыбаясь, заявил, что спектакль премьерный и билетов, естественно, нет, намекнув, что на такое количество билетов могут рассчитывать только известные своим авантюризмом одесситы. Но, сжалившись над нами, он предложил только два входных билета. Не повезло студентам, но повезло нам. Хотя согласно статусу входного билета нам достались ступеньки в проходе, в течение двух актов мы не только внимали блестящей игре главных героев спектакля – Михаила Ульянова и Юлии Борисовой, но стали свидетелями события, о котором знали только понаслышке или читали. Дело в том, что после того, как были произнесены последние слова героев пьесы, публика долго не отпускала аплодисментами актеров, и раз шесть открывался и закрывался занавес, раздались голоса: „Автора! Автора на сцену!” И мы, потрясенные неожиданным и невиданным чудом, увидели живьем (!), самого (!!)

знаменитого драматурга, смущенно раскланивающегося и взволнованного успехом пьесы Алексея Арбузова.

А в Ясной Поляне, исходив родные места великого писателя, пережили еще одно чудо. Мы шли с Делей по взгорку над рекой по тропинке вдоль заросшей высокой молодой травой березовой рощи. Эта картина так живо напоминала пейзажи из „Анны Карениной”, сцены косьбы Левина. Я сказала Деле – для полноты картины не хватает только мужиков с косами. И словно по законам сказки вдруг из-за деревьев вышли два

высоких парня в белых рубахах с косами на плечах. Это было настоящим потрясением, и мы потом часто вспоминали это совпадение жизни и романного повествования.

Многое оживает в растревоженной памяти сейчас – и какие-то мелкие детали, но прежде всего – то яркое, в чем проявлялась личность Дели. Я намеренно не касаюсь сферы научной ее деятельности – об этом скажут другие, близкие ей по славяноведению. Знаю, что разные сферы этой науки, в которой она была авторитетом, известностью, были не просто ее главным увлечением, а составили смысл ее жизни. Вспомнить можно только ее комнату, где царили книги – в шкафах, на стеллажах, письменном столе, на диване, на полках – рукописи, словари, энциклопедии. И даже в особые, праздничные дни ее рождения нас, немногих близких ей людей – Аллы Мороз, ее однокурсницы, неизменно присутствующего в такие дни Дмитрия Семеновича Ищенко, которого она высоко ценила как ученого – нас окружала интеллектуальная, духовная атмосфера книг, увлечений и занятий, творчества.

Многое можно было бы вспомнить, но всю жизнь не перескажешь. Остается только благодарно хранить то самое дорогое, что живет в памяти. И сказать, пока еще можно, последнее благодарное прости – мой последний поклон прошедшему через всю мою жизнь дорогому мне человеку.

*О. А. Войцева,
доктор філологічних наук,
завідувачка кафедри загального та слов'янського мовознавства
ОНУ імені І. І. Мечникова*

ПАМ'ЯТІ АДЕЛАЇДИ КОСТЯНТИНІВНИ СМОЛЬСЬКОЇ

Кажуть, життя прожити – не поле перейти. Ця народна мудрість дуже вдало характеризує неповторний життєвий шлях Аделаїди Костянтинівни з його радісними і важкими моментами. Ще з малого віку Аделаїда приймала життя таким, яким воно є, не уникала труднощів, не ховалась від них, а намагалась протистояти ним. В дитинстві, яке вона вважала щасливим, не побоялась стрибнути у воду з високої вежі, а у післявоєнну добу, після смерті батька, вона стала помічницею матері, допомагала сестрі і брату.

У 1956 році А. К. Смольська захистила кандидатську дисертацію з проблем русистики на тему „Суффиксы эмоциональной оценки имен существительных в языке произведений А. М. Горького” і почала працювати на кафедрі російської мови Одеського державного університету. Майже 48 років віддала Аделаїда Костянтинівна філологічному факультету, тут вона сформувалась як дериватолог, лексиколог і граматист.

На жаль, особисте життя не склалося, і у 60-ті роки А. К. Смольська вирішила виїхати за кордон в якості викладача російської мови як іноземної в столицю Югославії Белград. У 70-ті роки вона працює в Пловдиві (Болгарія). Набутий в Югославії і Болгарії досвід був дуже корисним, а перебування в цих слов'янських країнах Аделаїда Костянтинівна завжди згадувала як найкращі роки свого життя.

У її наукових пошуках відбувається перехід від русистики до славистики, а найбільша частина останніх публікацій професора А. К. Смольської пов'язана з захищеною в 1993 році докторською дисертацією „Розвиток іменного словотворення в сербохорватській літературній мові” [2; 3].

Аделаїда Костянтинівна є автором понад 146 наукових праць [1, 80–96], які зберігають свою цінність для слов'янського мовознавства. Серед них – монографії, наукові статті, конспекти лекцій, програми спецкурсів, підручники, збірники вправ, присвячені питанням зіставного словотворення слов'янських мов, взаємодії граматичних і семантичних категорій у слов'янських мовах, історії слов'янознавства, слов'янської міфології, вивченню старослов'янських рукописів.

Особливу увагу дослідниця звертає на малорозроблені в сербохорватистиці аспекти діакронного словотворення. Вона наголошує, що „Історичний словотвір окремих слов'янських мов, недостатньо досліджений порівняно з синхронною деривацією, залишається актуальним <...>. Праці в галузі історичного словотворення окремих слов'янських мов є необхідними кроками до ще не створеного узагальненого опису слов'янської історичної деривації” [3, 5].

Аделаїда Костянтинівна стає ініціатором проведення на філологічному факультеті міжнародних Кирило-Мефодіївських конференцій, започаткованих у 1993 році міжвузівською науково-практичною конференцією „Актуальні проблеми відродження мов і культур західних та південних слов'ян в Україні”. Вона виконує обов'язки головного редактора перших десяти випусків „Слов'янського збірника”, відомого не тільки в Україні, але й за її межами.

Професор А. К. Смольська завжди цікавилась життям викладачів факультету й університету, уважно ставилася до кожного з членів кафе-

дри загального та слов'янського мовознавства, раділа нашим успіхам і турбувалася, якщо щось не виходило. Багато уваги приділяла молоді: заохочувала студентів і аспірантів до наукової роботи, передавала їм свої знання і накопичений досвід, була душею слов'янських вечорів, які готували студенти під керівництвом викладачів.

Коли Аделаїда Костянтинівна погодилася бути моїм науковим консультантом, мені пощастило ближче пізнати цю талановиту жінку. Кілька разів вона запрошувала мене до себе, і я завжди дивувалася, що у неї не квартира, а міні-бібліотека. Причому Аделаїда Костянтинівна добре орієнтувалася, де знаходиться той або інший словник, часопис чи монографія. Пригадую її неповторний усміх, впевненість у своїй правоті, вміння втілювати заплановане, щедро ділитися своїми знаннями в галузі славістики.

Професор Смольська була принциповою людиною і завжди відстоювала свою точку зору. Вона прожила гідне життя, залишила по собі цікавий науковий доробок, вдячних учнів, гарні спогади. Усі, кому пощастило бути знайомими з Аделаїдою Костянтинівною Смольською, згадують її з великою теплотою і любов'ю.

Список використаної літератури

1. Слов'янський збірник: Збірник наукових праць. – Вип. XVI. – Чернівці: Букрек, 2012. – 360 с.
2. Смольская А. К. Развитие именного словообразования в сербскохорватском литературном языке (фемининативы) [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.03 „Славянские языки” / Смольская Аделаида Константиновна; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – М., 1993. – 35 с.
3. Смольская А. К. Развитие именного словообразования в сербскохорватском литературном языке: Фемининативы [Текст]: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.03 / Смольская Аделаида Константиновна. – Одесса, 1993. – 376 с.
4. Смольська А. К. Славянские студии [Текст]: сб. статей. Одесский национальный ун-т имени И. И. Мечникова. Филологический факультет. – Одесса : Астропринт, 2001. – 228 с.

ПАМЯТЬ БЫЛОГО

На протяжении тридцати лет мне посчастливилось работать на одной кафедре с А. К. Смольской. Я хочу рассказать о ее необыкновенном таланте воспитателя молодежи, о том влиянии, которое она оказала на формирование каждого из нас, а также самой кафедры как интеллектуальной и духовной общности.

Выбор жизненных эпизодов при написании любых воспоминаний неизбежно имеет весьма произвольный и субъективный характер, но все же надеюсь, что эти драгоценные для моей памяти „черты и резы” помогут объективно воссоздать прошлое.

Я отношусь к поколению, пришедшему на кафедру в первой половине семидесятых годов прошлого века. Нам было у кого учиться. Мы штудировали научные труды профессора Ю. А. Карпенко, восхищаясь логикой и красотой их построения, старались посетить как можно больше его лекций: нас потрясало, насколько доходчиво и просто можно объяснить сложнейшие лингвистические теории. Поражал энциклопедичностью знаний профессор К. Е. Гагкаев, свободно владевший несколькими иностранными языками и поддерживавший переписку с рядом западноевропейских лингвистов. Превосходным лектором была Н. Г. Рядченко, а А. Т. Бевзенко обладала виртуозным умением работы со студентами. Хотелось заслужить одобрение каждого из них, и годы моего ученичества на кафедре, равно как и доброжелательность моих Учителей, сохраняются в памяти как самое дорогое воспоминание. И все же, когда Ю. А. Карпенко спросил меня в те годы, на кого из преподавателей нашей кафедры я бы хотела стать похожей в своей профессиональной деятельности, я ответила: на А. К. Смольскую. Наверное, в воспоминаниях уже можно позволить себе сказать, что это было восхищение и даже влюбленность, сохранившиеся на всю жизнь: хотелось читать те же дисциплины, что и Аделаида Константиновна, подражать ее голосу, ее манере разговаривать со студентами, шутливо-иронично растягивая слова: „Что же это Вы, деточка ...”

Воспитание молодых преподавателей было направлено на формирование увлеченности своим делом, ответственности за его результаты. Постоянная самоотдача становилась девизом каждого из нас. Но именно в

Аделаиде Константиновне жил дух преобразователя окружающего мира. Казалось бы, каждый человек приходит в этот мир с подобной миссией. И все же: призванных много, а избранных мало. Не каждый способен на постоянное творческое горение. Рядом с ней постоянно хотелось быть на высоте. Похвалы были немногословны, но, если звучало „из Вас выйдут люди” или „Вам удалось поднять эту студентку выше ее уровня”, это было высшей наградой.

Поскольку ее реакция на глупость, на механическое исполнение своих обязанностей, на все то, что она считала неприемлемым в стенах родной кафедры, была всегда чрезвычайно резкой, удивительным контрастом воспринималось ее трепетное, бережное отношение к молодежи. На всю жизнь запомнилась манера Аделаиды Константиновны высказывать свои замечания или акцентировать внимание на основных моментах, как бы советуясь со своим молодым собеседником: „Как Вы считаете? Наверное, для того чтобы получилась хорошая дипломная работа, сам руководитель должен многое прочесть по данному вопросу”, или „Это глагольное окончание в болгарском, вероятно, возникло под влиянием тематического спряжения. А каково Ваше мнение?”, или „Может быть, при рассмотрении третьей палатализации следует особо акцентировать внимание на том, что это межслоговое взаимодействие звуков?”, или „Наверное, „Сравнительную грамматику славянских языков” можно читать только после того, как разработаешь курс „Исторической грамматики” любого славянского языка. Я проверила это на собственном опыте”.

Я очень благодарна Аделаиде Константиновне за то, что ее замечания звучали в столь тактичной форме: они не ранили самолюбия собеседника, а лишь заставляли глубже задуматься о многом. Информация, полученная подобным образом, не отторгалась твоим сознанием, а как бы становилась его частью. Кроме того, это был урок правильного отношения к молодежи, необходимый каждому из начинающих преподавателей. А это вечное заклинание, эта жесткая формула „для кафедры нужно!” И сразу становилось понятно, что нужно как можно лучше организовать вечер славянской дружбы, что нужно садиться разрабатывать новые дисциплины для утверждения на кафедре специализации по болгарскому языку, что нужно готовить обсуждение новых старославянских учебников и словарей, потому что именно это и означает полноценную жизнь кафедры.

Аделаида Константиновна постоянно совершенствовала свои лекционные курсы и следила за тем, чтобы молодое поколение кафедры знало

о новой литературе в области славистики, об интересных концепциях теоретического и методического характера. Благодаря ей мы получили полное представление о научно-методическом совещании преподавателей старославянского языка, проходившем в Москве в октябре 1979 г., а несколько позднее познакомились со сборником статей „Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка”, созданным на основе материалов этого совещания. Для нас, начинающих преподавателей старославянского языка, своеобразным напутствием звучали высказывания С. Б. Бернштейна, Н. И. Толстого, А. Е. Супруна, Г. А. Хабургаева и других участников этого совещания.

Постоянная работа над совершенствованием концепции курса старославянского языка была направлена на формирование исторического мышления у студентов-филологов, на устранение механического штудирования парадигм и вневременных праславянских реконструкций. Именно Аделаида Константиновна, несмотря на постоянное сокращение часов, всегда настаивала на необходимости сопоставительного изучения старославянских текстов различных редакций на практических занятиях по старославянскому языку, на необходимости сохранения в полном объеме вводных лекций курса, имеющих культурологическое значение.

Ее дипломниками становились только сильные студенты. Писать работу под ее руководством было интересно, но непросто: следовало в значительной степени соответствовать творческим критериям своего руководителя.

Я хочу рассказать историю, которая стала своеобразным напоминанием о прошлом. В одной из своих поездок по Украине я случайно разговорилась с женщиной, которая, узнав, что я работаю на филологическом факультете Одесского университета, заговорила о своей дочери, нашей выпускнице, дипломнице А. К. Смольской. Девушка изучала сербский язык в группе Аделаиды Константиновны и дополнительно на курсах – болгарский, потому что „Смольская сказала, что без знания нескольких славянских языков невозможно написать хорошую дипломную работу и в дальнейшем заниматься научной работой”. Жизнь этой выпускницы сложилась совершенно иначе, но осталась в семье память о ее мечте и благодарность преподавателю, работавшему с таким вдохновением.

Я рассказала своей случайной попутчице о том, что Аделаида Константиновна ушла из жизни в 2004 году. Мы погрустили. А я снова подумала об этом удивительном умении Аделаиды Константиновны „поднять человека над самим собой”. Это ведь означало ее собственное вдохновенное горение рядом со своим студентом, умение не шадить

себя, своего времени и своего здоровья, умение разглядеть малейшее проявление неординарности человеческой личности или даже просто стремление мечтать о чем-то большем, но только непременно подкрепленное желанием работать во имя этого.

А в быту – аскетизм. Дом весь завален книгами настолько, что существуют лишь тропинки для перемещения между комнатами и кухней. Умение быть неодинокой в общении с книгами. Да и лучшая похвала человеку – „он книжник”. Разговоры о быте носят всегда шутливо-игровой характер. Она умела быть и такой! С веселым видом сидя на кафедре: „Девочки, я Вас сейчас научу готовить одно блюдо, очень быстрое и вкусное: режешь хлеб и обжариваешь его на масле сначала с одной стороны, а потом с другой”. Реплика кого-то из нас, не уловившего игровой формы общения: „Аделаида Константиновна, да это же обыкновенные гренки!” Со скучающим видом, мгновенно теряя интерес к первоначально легкому и забавному разговору: „Ну да, наверное...”

Абстрагирование от быта имело для нее характер защитной реакции: это давало возможность сохранить каждую минуту для „беседы с книгами” и для размышлений. Аделаида Константиновна всегда оставалась лидером, вдохновителем всех начинаний кафедры. Мне вспоминается наша работа по организации вечеров славянской дружбы. Работы хватало всем: нужно было найти подходящий зал, оформить его, организовать приглашение гостей – студентов из различных славянских стран, обучающихся в высших учебных заведениях нашего города, составить концертную программу, придумать музыкальное оформление вечера, купить недорогое угощение. Подготовка отнимала очень много времени, но это были воспитывающие и объединяющие моменты, это были праздники, запомнившиеся на всю жизнь и нам, и нашим студентам. Проведение вечеров славянской дружбы воспитывало в нас уважение к идее славянского единства и к своей кафедре. Мы верили, что эта работа формирует особый имидж нашей кафедры, способствует росту ее авторитета в университете и даже в масштабах города.

Я помню, как любила эти вечера Аделаида Константиновна, как умела заинтересовать, зажечь всех, внести творческие нотки в организацию каждого вечера. А как она радовалась каждому талантливому студенческому выступлению, как увлеченно обсуждала малейшие детали этих праздников!

Мы гордились нашим общим делом, идея славянского единства была „религией” нашей кафедры. Много лет спустя пришло понимание того, что для нас эта идея имела довольно абстрактный характер, в то время как политическая реальность была намного жестче и сложнее...

Аделаида Константиновна воспринимала эту идею гораздо глубже, чем мы, молодые. Для нее наибольшее значение имел диалог славянских культур, интеллектуальное единство славянских народов. Постепенно наши праздники трансформировались в научные славистические конференции, которыми все так же вдохновенно руководила Аделаида Константиновна.

Я думаю, что для Аделаиды Константиновны самым страшным всегда был духовный вакуум, поэтому она глубоко переживала отчуждение, возникшее между славянскими народами в девяностые годы XX века. Как личную трагедию она воспринимала потерю культурных контактов с Россией и разрушение дорогой для нее Сербии.

Это был сложный период для каждого из нас: мир вокруг перестал казаться незыблемым и понятным, однако открылись возможности для правдоискательства, столь близкого восточнославянской душе. Захотелось увидеть торжество справедливости для украинского народа, так долго лишённого своей государственности. Нужно было понять его подлинную историю, чтобы научиться воспринимать себя гражданином совершенно иного государства. Строились и разрушались новые воздушные замки, снова манил политический идеализм...

К 75-летию Аделаиды Константиновны в 2002 году мне захотелось вспомнить в стихотворной форме об идее, которая для нас обозначала единое культурное пространство славянского мира, которая объединяла многие годы всех членов нашей кафедры и создавала позитивную атмосферу, необходимую для воспитания молодежи. Так появились стихи, сохраняющие частицу нашего общего прошлого.

Для славянской души характерны и взлеты и бездны.
Может, в том заключается наше умение жить...
Может, только такими мы можем идее служить,
Той идее добра, без которой мы все бесполезны.

Но истории нашей славянской тяжел приговор:
Мы под тяжестью бед вспоминаем обиды и козни,
Забывая, что издавна сила в единстве, не в розни,
Все в запале готовы поставить соседу в укор.

А ведь наши-то беды глубинней и бездны страшней...
А какая ошибка взрастить на вражде поколение!
Этим мы демонстрируем только свое неумение
Разобраться в губительном хаосе ложных идей.

Так не будем опять перечеркивать все сгоряча,
Все же мудрость не в безднах, а в разума свете.
Ведь никто не отменит, что все мы в ответе,
Коль лукавят верхи или рубят сплеча.

А идее славянской не век и не два,
Ею вечно играли политики, лишь изменяя мотивы...
Слава Богу, что мы не настолько игривы!
Мы, филологи, душу вселяем в слова.

И для нас панславизм – не простой политический ход,
Не уловка политиков, жаждущих благ и успеха.
Это поиск извечный глубинных основ человека,
Воплощение вечности – это славянский наш род.

Этим знаньем когда-то Вы нас за собой увлекли,
Вы сплотили всех нас на священных дорогах познания.
И Шевченко слова прозвучали для нас заклинаньем,
Що єдиної матері діти – слов'яни на вічній землі.

*Г. Ю. Касим,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского языкознания ОНУ
имени И. И. Мечникова*

*Э. Э. Минкевич,
ст. преподаватель кафедры общего и славянского языкознания
ОНУ имени И. И. Мечникова*

VENI, VIDI, VICI

К.: Как назовем? *Veni, vidi, vici*? Или *Победитель*?

М.: Давай *Veni, vidi, vici*. И будем задавать друг другу вопросы об Аделаиде Константиновне, так легче будет вспомнить.

К.: Ты когда с ней познакомилась?

М.: В шестьдесят восьмом. В начале ноября. Нас на втором курсе распределили по группам для изучения славянских языков. Мы попали в группу Николая Владимировича Павлюка и начали изучать польский. И

вдруг однажды нам объявляют, что мы не будем изучать польский. Будем изучать другой язык, сербскохорватский. Так это тогда называли. Ну, конечно, у всех шок. Заходим в аудиторию, физиономии недовольные: кому это понравится? Тем более что у меня были польские корни, и я хотела знать именно польский язык. А тут уводят на какой-то сербский! И в этот момент входит в аудиторию Аделаида Константиновна. Так бодро, как всегда она входила.

К.: Это же она совсем молодая была?

М.: 1968 год минус 1927, год ее рождения, – сорок один год. И говорит мягко так и ласково: „Вы послушайте, не понравится – уйдете, никого не заставляю”. И – все, уже никто никуда не идет. Мы были пленены ею? Очарованы?

К.: Чем?

М.: Не знаю. Может, тот интерес, с которым она говорила о стране, откуда только-только приехала? Эмоции? Напор этих эмоций? В общем, пришел, увидел, победил. Победила. И так на всю жизнь сербский остался со мной.

К.: Каким она была преподавателем?

М.: Очень интересным. Причем не давила на нас.

К.: Трудно поверить.

М.: Нет, не давила. Наверное, потому что мы были ее первыми студентами-сербистами, раньше она сербский не преподавала. И еще, наверное, ей самой было интересно говорить о стране, язык которой мы начали изучать. У нас уже на втором курсе начались сербские вечера. Посиделки, можно сказать. Камерные, неофициальные. А уже потом они перешли в славянские вечера. Международные и многолюдные.

И она нас привела в „Спутник” в конце учебного года. На курсы экскурсоводов. Мы часто проводили экскурсии по городу, а потом и работали внештатниками.

К.: И ты работала?

М.: И я. Правда, в Одессе, далеко не ездили. Разве что в Новгороде была с сербами.

А. К. у нас после сербского ничего не вела, до 5 курса. А на пятом читала нам спецкурс. Кажется, по сравнительной грамматике славянских языков. Помнишь, мы тогда каждый год писали курсовые на разных кафедрах. Я писала сначала у Елены Ивановны Розановой – о театральной эстетике Гоголя. Потом у Валентины Александровны Поповой („Отрицание в славянских языках”). С Натальей Викторовной Коссек – „Вероятностно-статистические методы в лингвистике”. Тогда это модно

было. Ну и Андрей Владимирович Недзведский – что-то связанное с французской литературой. „Традиции французской литературы в русской и украинской литературе 19 в.”. Потом, когда я ушла к А. К. на диплом, Андрей Владимирович обзывал меня ренегаткой. Шутя, конечно.

К.: А как получилось, что ты попала в дипломницы к А. К.?

М.: На специализации А. К. дала нам свои темы. Ну, мы почитали. И она спрашивает: кто что выбрал? Я ответила, что еще не определилась, не знаю. И в ответ – категоричное: „Как это вы не знаете? Будете писать по сербскому языку”. И все. И я писала. Тема: „Семантические расхождения слов романского происхождения в русском и сербскохорватском языках”. Моя мама, гуманитарий, но не филолог, говорила: „Я твою тему учу как стихотворение”.

К.: Да, ритмика есть, и рифма тоже. Помню, ты рассказывала, что во время работы над дипломной приезжала к А. К. в Москву, где она была на повышении квалификации (ФПК).

М.: Да, почти месяц я тогда провела в Москве, общалась с А. К. – и по поводу диплома, и по совсем другим поводам. И я тогда работала в Ленинке с различными словарями, которых в Одессе не было.

К.: Ну да, доинтернетовская эпоха, уже трудно поверить, что так было.

М.: Мы вместе с А. К. ездили на экскурсии (она меня брала в Спаское-Лутовиново, в Ясную Поляну), ходили в театры. Там же я познакомилась с ее сестрой Валентиной (к сожалению, рано ушедшей). Вообще А. К. была семейным человеком. Своих дипломников она воспринимала как детей, опекала их, защищала. С пеной у рта защищала. И брат Валерий, и племянник Костя, и, конечно, мама – это все были люди, ради которых она и жила. Преданность ее была безгранична.

И вообще она была максималистом в отношениях: если любила – то до конца. Если уж кого-то невзлюбила – то... Словом, если нет, то уж нет.

Натура у нее была артистичная. Пожалуй, она нас тогда этим взяла, когда после польского – на сербский перетасила. Интонация, улыбка обаятельная. И факты какие-то интересные умела раскопать и заинтересовать ими. Ты следил за нею, подчинялся ее воле и обаянию. И слушал, открыв рот, то, что она говорила.

К.: Ты с мамой А. К. общалась, какая она была?

М.: Можно сказать, с сильным характером. Который, наверное, унаследовала и А. К. Притом Анна Антоновна была очень интеллигентным, образованным человеком. Почему-то у нас считается, что сила характера

и интеллигентность – понятия несовместимые. А они как раз совместимые, тут разные аспекты души работают. Я знала женщину, которая, пройдя ГУЛАГ и лесоповалы, сохранила интеллигентность – не манеры, а душу. Мы ходили с А. К. к ее маме на Розы Люксембург, сейчас Бунина.

К.: А почему она тебя брала?

М. (*задумывается*): Не знаю. Я была ее дипломницей. И мы стали ближе, когда я вместе с ней в Москве побывала.

Позже, уже работая на кафедре, после деревни (распределение, учительница русского языка, 4-8 классы – село Новоградовка Овидиопольского р-на) и сектора математической лингвистики (это уже филфак: Н. В. Коссек и Т. А. Тулина руководили там хозяйкой, а я, как ты помнишь, у Коссек курсовую писала когда-то)... Итак, в 1975 году я пришла на кафедру общего и славянского языкознания. И вновь начались наши контакты с А. К. У нее я училась вести занятия по сербскому, старославянскому, училась общению со студентами. Организаторским навыкам училась: она нас умела напрячь и направить в нужную сторону при подготовке традиционных славянских вечеров.

К.: А еще чему она тебя научила? Или чему ты у нее сумела научиться?

М.: Уважению к учебному заведению, где мы работали, преданности Одесскому университету. Она очень трепетно относилась к тому, что работает именно здесь. В Сербии ее очень уважали и всегда рады были встречам с ней – и в Белградском, и в Новосадском университетах. Я наблюдала это, когда мы однажды попали вместе с А. К. на Вуковские чтения в Сербию. Вне университета она была совершенно другим человеком – компанейским. Вокруг нее и здесь все крутилось: уже не организатор, как на работе, а душа компании. Она была интересна всем. Никогда не было у нее снобизма, высокомерия, никогда не старалась она привлечь к себе внимание (мол, я профессор, а вы нет). Демократизм проявлялся в ее общении с людьми разного возраста.

Мы еще раз встретились с А. К. в Москве: я была на ФПК, а она писала докторскую. Четыре месяца в 1983 г. Она узнавала, какие лекции читают нам, и приходила на те, что ей были интересны. Она меня привела на лекцию Михаила Викторовича Панова: „Идемте, идемте, Панов лекцию читает, интересно будет”. Аудитория была переполнена, мы с А. К. простояли все полтора часа где-то в уголочке.

К.: А о чем была лекция?

М. О фонетике. О колористике звуков. Панов показался мне уже совсем пожилым, хотя ему было 63 года. Может, сейчас я бы не назвала

его старичком, а тогда... И с Никитой Ильичом Толстым мы с ней встречались. А. К. меня к нему повела, это было связано с написанием моей дипломной. Она задавала ему вопросы о словах, которые не зафиксированы были в его словаре, а мне попались. И он говорил, где можно их поискать – в диалектных словарях, еще где-то. Естественно, общалась с Никитой Ильичом А. К., а я была при ней и молчала.

К.: Она выпасала своих дипломников.

М.: Еще как! Дипломники, диссертанты – она им отдавала все силы. А. К. была безоговорочным авторитетом. И в Сербии, и в нашей тогдашней стране. Как дериватолог, как ученый, как коллега.

Помнится, она нас с тобой притащила на какую-то конференцию в Москве. Мы тогда поехали поработать в московских архивах (Военно-исторический), поискать старые карты для топонимических исследований. И А. К. повела нас на конференцию то ли по словообразованию, то ли по лексикологии. Но она нас повела не потому что выступала с докладом (ее доклада мы как раз и не слышали), а чтобы мы послушали других. Помню, выступили Р. М. Цейтлин, В. П. Гудков. Т. е. скорее всего это была славистическая конференция. Она всегда старалась привлечь нас, молодых коллег, к высокой науке.

К. Звучит пафосно, но так и было.

М.: Я часто вспоминаю, как она говорила младшим коллегам: „Вы же такая умница, почему бы вам не сесть за докторскую? Не поехать на конференцию? Не замыкайтесь только в семейных проблемах. Я понимаю, дети – это очень важно, но наука...”

Пытаюсь вспомнить ее любимые слова, самые частотные. И только одно помню: *Деточка*. Произносилось с разной интонацией – и как поощрение, ласково, и с осуждением. Начиналось обычно одинаково: *Ну, деточка... Ну-ка, деточка, тетрадочку закрыли!* (на контрольной, когда кто-то пытался подсмотреть). *Давайте, деточка, подумайте, не торопитесь* (тоже студентке, но уже поощрительно).

А у тебя какие воспоминания?

К.: Студенткой ходила к ней на спецкурс на четвертом курсе. Значит, семидесятый. А. К. читала о методах современной лингвистики. Безумно интересно было, иногда непонятно, но интересно. Как она с нами общалась? Вот не помню, только помню, что говорила об интересных и неизвестных мне вещах: имена, понятия...

М.: А когда ты уже пришла работать на кафедру?

К.: Я лаборанткой начинала. Помню А. К. молодой, курточку замшевую помню.

М.: Тоже помню, рыженькая такая.

К.: Из Югославии привезенная, под цвет волос.

М.: А организаторские способности ее проявлялись?

К.: Да, и очень ярко. Что-то мне нужно сделать было лаборантское, уж и не помню, что именно. Я тыкалась-мыкалась, все получалось как-то медленно и неуклюже. И А. К., понаблюдав за мной, сказала: „Так, давайте сначала сделайте вот то, а потом это, а потом...” – и так распланировала последовательность действий, что оставалось только тупо следовать ее советам, и все тут же у меня получилось. Четкость мышления, четкость действий – и на уровне погружения в языковой материал, и в повседневной работе.

М.: Только не в домашней. Помнишь, мы ей подарили электрочайник на день рождения? Это редкость была по тем временам. И как-то в разговоре она обмолвилась, что кипятит воду в ковшике. Мы: „А чайник?” Ответ: „В него же надо было налить воды”. Т. е. воду она не налила, чайник сгорел. Домашняя повседневность ее не увлекала. Интересней было почитать новую статью. По всей квартире были разложены журналы, книги с закладками. Важнее для нее были эти материалы, а не вылизанная квартира. И часто А. К. жаловалась, что, несмотря на закладки, на разложенные вроде бы в необходимом порядке книги, не сразу может найти нужную информацию. „Вот знаю, что тут где-то, а где?” Но, задав этот вопрос, тут же находила нужное место. А советы профессиональные она тебе давала?

К.: Очень редко. И неожиданно. Как-то я читала спецкурс, а А. К. сидела на кафедре, чего-то дожидаясь. Я не отреагировала на ее присутствие, не смущалась и не боялась. Нормальная ситуация для преподавателя: когда читаешь лекцию, очень быстро забываешь о том, что коллеги тебя слушают, а не только студенты. И вдруг после пары она говорит: „Интересно вы читали, только правильно говорить *вѣрба*, а не *верба́*”. И тут же озвучила причину: „Это у вас влияние украинского языка”. Ну я, конечно, сразу же вспомнила Фета (*Уж вѣрба вся пушистая / Раскинулась кругом*) и устыдилась, что так опростоволосилась. Видишь, насколько А. К. была доброжелательна: чтобы не обидеть, тут же нашла смягчающие обстоятельства.

М.: Да, она очень чутко реагировала на языковые оплошности, и не только в своем окружении, но и в речи дикторов. И поэтому ей очень нравилась московский диктор Сорокина за правильность речи и ударений.

Преданность работе в какой-то мере помешала ей обратить внимание на свое здоровье. После первого инфаркта, когда мы пришли к ней в палату, она не жаловалась на условия, на болезнь и боль, а только сожалела о том, что оставила студентов перед самой сессией. Мы не сразу поняли, почему она сказала: „Я рада вас видеть, но не надо приходить ко мне в больницу”. И только выйдя на улицу, сообразили, что сила характера не позволяла ей выглядеть слабой и беззащитной.

К сожалению, через год она ушла от нас – болезнь настигла ее на рабочем месте, на кафедре, на которую она уже не вернулась.

К.: И все же она прошла по жизни – победительницей. Не в том смысле, что расталкивала других локтями. А в том, что шла всегда с гордо поднятой головой и обладала харизматичностью лидера, за которым хочется следовать.

О. В. Яковлева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского языкознания ОНУ
имени И. И. Мечникова

В ЧЕЛОВЕКЕ ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО

О том, каким принципиальным ученым была А. К. Смольская, писали многие и не один раз. Действительно, на работе, в университете, мы хорошо знаем друг друга только с одной стороны – профессиональной. Редко оказываемся с коллегами вне рабочей обстановки, например, на отдыхе в другом городе или в одном гостиничном номере, когда человек раскрывается с неизвестной для тебя стороны, и тем интереснее становится как личность.

С этой точки зрения, мне запомнился рассказ об Аделаиде Константиновне... моего мужа, с которым много лет назад она оказалась за границей, в Болгарии. У меня в тот период было много занятий, и я никак не могла поехать. В составе делегации были в основном женщины. В советское время купить что-то из вещей у нас было сложно, поэтому любая поездка за границу предполагала и возможность пополнить гардероб двумя-тремя „нарядами”. В этом плане я была рада, что едет мой муж, человек практичный и в то время лучше меня знающий, что должна носить деловая женщина. Наверное, интуитивно Аделаида Константиновна почувствовала это и буквально на следующий же день попросила

его пойти с ней по магазинам. Сначала он просто сопровождал ее, так как нужно было много ходить пешком, а ноги уже тогда беспокоили Аделаиду Константиновну.

Однажды, когда в магазине женской одежды А. К. Смольская выбирала себе какую-то (очень скромную, по словам мужа,) вещь, он присматривал кое-что для меня. Аделаида Константиновна обратила внимание, как он со знанием дела рассматривает женские пиджаки, платья, блузки, и прямо спросила: „Вы что, хотите без примерки, сами, на свой вкус купить что-то для своей жены?!“ Мой муж, для которого А. К. Смольская не была коллегой, строгим преподавателем-ученым, а была просто слабой женщиной, уверенно ответил, что мужчина всегда лучше знает, какая именно одежда украшает женщину, а не ухудшает ее внешний вид. По-видимому, Аделаида Константиновна не часто встречала таких самоуверенных мужчин, поэтому очень внимательно посмотрела на него, пошла в примерочную и попросила моего мужа оценить выбранную ею блузку.

Повторяясь, скажу, что над моим мужем не довлел авторитет Смольской-ученого, он спокойно сказал, что блузка ей не идет, посоветовал примерить другую и даже подсказал, какую именно следует выбрать...

Когда в этом же магазине он решил купить мне очень яркий красный пиджак, к тому же расшитый большими цветами, что по тем временам совсем не подходило для рабочего костюма преподавателя, Аделаида Константиновна стала отговаривать его от этой покупки. Муж стал спорить с ней, доказывая свою точку зрения, и, конечно, купил мне тот пиджак...

Когда он вернулся домой и рассказал мне эту историю, я искренне была удивлена всем, что услышала. Не верилось, что Аделаида Константиновна спрашивала у незнакомого мужчины совета по поводу одежды...

Однако в университете перед каким-то торжеством А. К. Смольская повернулась ко мне, – наши рабочие столы были рядом, – и прямо спросила: „Вам нравится моя блузка?“ Я позволила себе внимательно рассмотреть ее и заметила, что блузка действительно была более нарядной, чем обычно носила Аделаида Константиновна. Но вопрос из уст А. К. Смольской по поводу ее наряда меня застал врасплох, я ответила что-то невнятное, а она спокойно заметила: „Это ваш муж посоветовал мне купить эту блузку!“

Несмотря на то, что Аделаида Константиновна всегда в университете производила впечатление очень уверенного в себе человека, не нуждающегося ни в чьих советах, особенно в плане внешнего вида, – да и кто

тогда из коллег осмелился бы говорить с ней на эту тему, – глубоко внутри пряталась настоящая женщина, которой хотелось быть и нарядной, и красивой...

В связи с этим вспоминается рассказ одной из нынешних наших коллег, которая бала студенткой-перкурсницей, а старославянский преподавала у них А. К. Смольская, которую они очень боялись, вернее, боялись предмета, который она вела. Улыбаясь, коллега рассказала, что как-то на практическое занятие к А. К. Смольской пришла с разноцветными бантиками-заколками в волосах, и было их так много, что головка студентки напоминала яркую клумбу. Одной из первых ее вызвали к доске. Студентка была готова, хорошо отвечала и Аделаида Константиновна очень своеобразно похвалила ее: „Несмотря на множество бантиков на вашей голове, вы разбираетесь в теме...”

По-видимому, в те далекие годы Аделаида Константиновна действительно думала, что женскую головку украшать могут только глубокие знания... Хорошо, что в зрелом возрасте ученый с большой буквы, профессор А. К. Смольская была уверена, что в человеке должно быть все прекрасно...

И еще один эпизод из личного общения с Аделаидой Константиновной. Своих детей у нее не было, и, наверное, поэтому, как многие помнят, она не просто любила, а души не чаяла в племяннике Костике. Всю свою любовь, да и вообще все, что имела, Аделаида Константиновна отдавала действительно способному и талантливому мальчику. Она искренне гордилась его успехами. Второе образование Константин получал у нас в университете, обучаясь заочно. Понятно, тем, кто учится параллельно в двух высших учебных заведениях, очень нелегко, особенно во время сессии, когда одновременно нужно сдавать экзамены в разных вузах.

В тот период я работала на заочном отделении, где учился племянник Аделаиды Константиновны. Насколько я знаю, к А. К. Смольской никто из коллег не обращался с просьбой поддержать на экзамене свою дочь или сына, если они учились у нас на факультете, не говоря уже о племянниках или других родственниках. Наверное, просто знали, что подобную просьбу А. К. Смольская воспримет как нонсенс. И вот во время сессии у заочников Аделаида Константиновна обратилась ко мне с просьбой поддержать на экзамене ее племянника... В тот момент это была совсем другая Аделаида Константиновна: она говорила тихим голосом, пытаясь объяснить мне, как сложно учиться на двух разных факультетах... В связи с тем, что я и сама до работы в университете,

получая второе образование, была студенткой-заочницей, я сказала, что хорошо ее понимаю и постараюсь внимательно отнестись к ее племяннику. Аделаида Константиновна с благодарностью посмотрела на меня, вздохнула с облегчением, искренне поблагодарила, как мне показалось, больше за то, что я ее избавила от тягостных объяснений, от той роли, в которой она, наверное, оказалась впервые, а не за ту поддержку, о которой она просила...

А Константин и не нуждался ни в чьей поддержке: он хорошо знал материал и заслуженно получил хорошую оценку. Но та грань любящей и заботливой женщины, которая раскрылась в этой ситуации с племянником, делает для меня образ профессора А. К. Смольской еще более привлекательным.

О. Н. Пейчева,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского языкознания ОНУ
имени И. И. Мечникова*

НАСТАВНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА РЯДОМ

Аделаида Константиновна Смольская – не только выдающийся ученый-славист, но и человек, создавший свою славистическую школу на филологическом факультете Одесского университета, и потому мне хочется сказать об Аделаиде Константиновне именно как о наставнике, воспитателе и организаторе научной работы студентов и аспирантов.

Мне безгранично повезло: я имела честь и счастье быть в числе учеников Аделаиды Константиновны, пройти эту „школу молодого слависта” от подготовки курсовых работ до защиты кандидатской диссертации и начала преподавательской работы. И сейчас профессор А. К. Смольская для меня остается образцом Ученого и Преподавателя, непререкаемым авторитетом и мерилom профессионализма.

Профессор А. К. Смольская всегда очень серьезно относилась к выбору тем студенческих научных работ, умела подобрать тему, исходя из способностей и интересов конкретного студента, стараясь, чтобы работа была увлекательной. Она никогда не ограничивала себя и своих учеников темами, традиционно входящими в круг ее научных интересов, но всегда была готова вместе со студентом или аспирантом окунуться в новую для себя проблематику (надо сказать, ученики часто преподносили ей такие

«сюрпризы», в том числе и автор этих строк). Профессор А. К. Смольская всегда глубоко вникала в то, чем занимался студент или аспирант, старалась сама во всем основательно разобраться, чтобы объективно оценить правомерность сделанных студентом выводов и обобщений. Прекрасный наставник, она умела отлично организовать работу своих учеников и контролировать ее на всех этапах, добываясь от молодых ученых максимально высокого уровня, не позволяя оставить „недоработанным”, „неосознанным”, даже малейший фрагмент текста. Аделаида Константиновна неустанно вычитывала и редактировала наши работы, тем самым преподнося нам незабываемый урок глубокого, ответственного отношения к работе. Будучи человеком очень требовательным к себе и к другим, она не терпела поверхностных работ, исключительно ценила старательность, дисциплинированность, ответственность. Но зато уж если похвалила, отметила рост, то для нас это было наивысшей, ни с чем не сравнимой наградой и лучшей мотивацией!

Аделаида Константиновна всей душой переживала за судьбу каждого из своих учеников, опекала и старалась нам помочь найти себя и свое место в жизни, учила расставлять приоритеты и находить разумные (не вредящие делу) компромиссы, искренне радовалась нашим успехам и огорчалась, если у нас что-то не складывалось.

Требовательность и объективность Аделаиды Константиновны органично сочетались в ней с удивительной человечностью, готовностью вникнуть в проблемы ученика, понять, предложить помощь, вовремя дать необходимый совет. Для нее не было ничего невозможного, когда дело касалось ее учеников. В моей памяти живет один очень показательный эпизод моей аспирантуры, характеризующий Аделаиду Константиновну со стороны, которая многим плохо известна. В 90-е годы, когда научные сборники крайне нерегулярно выходили в печать и было большой проблемой опубликовать статью в специализированном издании, Аделаида Константиновна узнала о возможности подать статью аспиранта в уже практически подготовленный и сверстаный сборник, что было большой удачей для меня. Необходимо было немедленно напечатать и переслать текст. Я жила в общежитии, где, конечно же, не было телефона (эпоха, как мы помним, была „домобильная и доинтернетная”). Поскольку связаться со мной было невозможно, Аделаида Константиновна решила найти меня в общежитии, выяснила, где я живу, объяснилась с бдительным вахтером, которому пришлось сообщить кто она, к кому и зачем идет. Приведя своим объяснением вахтера в полное недоумение, она поднялась на шестой этаж студенческого общежития, причем лифт, как водится, не работал. Она была крайнее недовольна, раздражена и,

наверное, разочарована мною, ведь это я должна была звонить, рваться на консультации, переживать из-за малого количества публикаций, я, а не профессор! Она решительно постучала и с порога мне высказала все, что я, без сомнения, заслужила услышать. От стыда за то, что своей неорганизованностью я заставила уважаемого профессора и уже немолодую женщину переживать и нервничать, я не смогла произнести ни слова и даже не пыталась оправдываться! Единственное, что я смогла в этот момент сделать, это предложить войти, отдохнуть и отдышаться после ходьбы по лестнице. Каково же было удивление Аделаиды Константиновны, когда, войдя в комнату, вместо старательной аспирантки, сидящей за заваленным книгами письменным столом, она увидела меня всю в муке, раскатывающую тесто и готовящую болгарские „милинки”, причем мне активно „помогал” полуторагодовалый сын, предложивший гостю кусочек теста и свое общество! От неожиданности профессор только рассмеялась, очень быстро оттаяла и с удовольствием начала общаться с ребенком, что у нее отлично получалось, похвалила меня за то, что я замечательная, по ее мнению, хозяйка („милинки” ей очень понравились) и за то, что и здесь, в Одессе, мы учим ребенка болгарскому языку и храним национальные традиции, и удалилась, высказав, конечно, надежду на то, что как только я закончу со стряпней, непременно займусь текстом статьи. И ни слова упрека! Стоит ли говорить, что я, конечно же, постаралась все сделать в срок, ведь все непременно и с легкостью получается, если в человека верят и искренне его поддерживают!

Думаю, со мной согласятся все, кто когда-либо работал под руководством Аделаиды Константиновны, если скажу, что быть учеником профессора А. К. Смольской – огромная честь и безграничная ответственность, ведь она, веря в нас, воспитывала, прежде всего, личным примером, своим отношением к работе и к людям, а это уроки, которые навсегда остаются в наших душах.

К сожалению, так уж случается, что часто мы способны осознать, какое имели богатство, лишь потеряв его. Каюсь, я очень редко говорила своему Учителю, как безгранично ее уважаю и восхищаюсь ею, как благодарно она на меня повлияла, как многим я ей обязана и насколько благодарна за все, чему она меня научила и в науке, и в жизни. С радостью делаю это сейчас публично и совершенно искренне, уверенная в том, что Аделаида Константиновна и сегодня продолжает „опекать” своих учеников, направляя и помогая в сложные моменты, ведь она продолжает жить в нашей памяти и наших душах, а значит, она все еще с нами.

Светлая память Аделаиде Константиновне Смольской – удивительному Человеку, выдающемуся Ученому и непревзойденному Наставнику!

*В. І. Ярмак,
кандидат філологічних наук, доцент,
старший науковий співробітник відділу
загальнославистичної проблематики та
східнослов'янських мов Інституту
мовознавства імені О. О. Потебні НАН України*

ЗУСТРІЧІ НА ДАЛЕКОМУ МЕРИДІАНІ (спогади про А. К. Смольську)

Аделаїда Костянтинівна Смольська, знана українська славістка широкого профілю, доктор філологічних наук, професор, представниця Одеської славистичної школи, належала до тих рідкісних постатей, у спілкуванні з якими людина ніколи не відчувала різниці ані у віці, ані в статусі. Водночас треба відзначити наступне: вона одразу встановлювала таку високу інтелектуально-емоційну планку, завжди була настільки шанобливою, інтелігентною, витриманою, вихованою й бездоганно коректною по відношенню до колег (незалежно від їхніх «регалій»), що створювала неповторну атмосферу, яка передбачала певну дистанцію і налаштовувала співрозмовника на відповідний рівень. Як не парадоксально, найбільше часу мого спілкування з Аделаїдою Костянтинівною припало саме на щорічні славистичні конференції на філологічному факультеті Белградського університету в дні вшанування пам'яті Вука Караджича, видатного сербського філолога, фольклориста й реформатора сербської літературної мови. Я впевнена, що кожному Аделаїда Костянтинівна запам'яталася по-своєму, але наше перше знайомство відбулося на початку 1990-х років, коли вона в Будапешті приєдналася до мене в купе міжнародного потягу „Пушкін”, який прямував до Белграда. Певна річ, заочно я вже чула про неї багато хорошого від колег. Треба сказати, що й на енергетичному рівні ця оцінка одразу ж підтвердилася: у теплій, доброзичливій атмосфері ми говорили про наших спільних знайомих в Україні й у Сербії, про конференцію, на яку ми, власне, їхали, про перспективи вивчення сербської мови в Україні, про її учнів тощо. А потім Аделаїда Костянтинівна заходилася коригувати свою доповідь: мене вразило, що вона зовсім не соромилася звертатися за порадою, коли забувала якесь сербське слово або не була впевнена у правильності побудови речення. Оскільки А. К. Смольська була рідкісною, всебічно розвиненою людиною, не хотілося б обмежуватися лише роздумами стосовно наукової ваги її лінгвістичного доробку, про який, однак, варто

сказати окремо. Тому ми дозволимо собі висловити декілька загальних міркувань щодо різних іпостасей цієї видатної особистості.

Треба сказати, що участь у наукових славістичних конференціях, коли весь славістичний світ віддає належне Вуку Караджичу, – це величезна відповідальність перед усіма колегами, а передовсім, звісно, перед самим собою. Міжнародний славістичний центр філологічного факультету Белградського університету протягом тривалого часу (незважаючи на політичну кон'юнктуру та події на Балканах й в усій Європі) кожного року збирає на наукові форуми науковців-сербістів (лінгвістів, літературознавців, фольклористів, етнографів тощо) з усіх континентів. Зазвичай ці конференції відбувалися паралельно з подібними заходами для молодих славістів, студентів, котрі спочатку навчаються у так званих міжнародних „літніх школах”. Участь у роботі такого солідного міжнародного форуму вимагає від учасника високого рівня теоретичних наукових узагальнень і досконалого знання сербської мови, адже доповідь треба виголошувати сербською. Варто мати на увазі й те, що сербські філологи, яким притаманна доброзичливість і гостинність (а надто у ставленні до родичів-слов'ян), водночас відзначаються надзвичайно серйозним, дійсно європейським рівнем філологічної підготовки, – отже, така діяльність передбачає максимальну мобілізацію ментальних і емоційних зусиль.

Того року Аделаїда Костянтинівна читала свою доповідь на засіданні лінгвістичної секції, яке було заплановано на пообідній час. Я була не лише вражена рівнем її наукового викладу й тим, як швидко вона формулювала свої вичерпні відповіді на запитання колег: мені надзвичайно імпонувало, як гідно вона трималася і як після нетривалої перерви підбадьорювала своїх колег-співвітчизників (адже добре слово є таким доречним напередодні відповідального виступу й апробації твого дослідження!). Для того, щоб читач уявив собі серйозність відповідальності, достатньо сказати, що того дня послухати доповіді учасників з України прийшли кращі представники сербської та зарубіжної наукової еліти: академік Павле Івич, академік Мілка Івич, професори Богдан Терзич, Боголюб Станкович, Любомир Попович, Живоїн Станойчич, Радое Симич, Стана Ристич, Владислав Лубаш (Польща), Поль-Луї Тома (Франція), Дорін Гамулеску (Румунія) та інші вчені, а керував роботою секції професор Ендрю Корін з США.

Коротко окреслюючи коло наукових інтересів Аделаїди Костянтинівни Смольської, варто особливо зацентувати увагу принаймні на двох виразних аспектах. Своїми працями вона намагалася заповнити лакуну,

наявність якої справедливо відзначав свого часу професор Б. Терзич: „До низки проблем, у яких південнослов'янська лінгвістична наука відстає, ... я б додав... конфронтативне ... вивчення (порівняльне вивчення...) слов'янських мов з погляду їхньої сучасної структури. ... Однією зі специфічних особливостей синхронно-порівняльних досліджень є можливість використання елементів мовної діахронії без порушення синхронної осі дослідження” [8, 23]. Таким чином, контрастивна синхронічна й діахронічна дериватологія є тереном, на якому Аделаїда Костянтинівна Смольська працювала, мабуть, найплідніше. Значення її наукового доробку неможливо переоцінити: цьому сприяє не лише високий теоретичний рівень, а й манера презентації наукового матеріалу. „Аделаїда Смольська у своїх дослідженнях дотримується того погляду, що порівняння граматичних систем сербської та української мов розкриває закономірності в їхніх структурах, котрі являють собою основу, фундамент, норму вживання, а також норму кодифікації, нормативної практики взагалі... Науковець наголошує, що відмінності в галузі субстантивного словотворення в українській і сербській мовах є найвідчутнішими. ... Коли йдеться про фемінінні номінації у формі середнього роду, рід визначальних лексем в сербській мові завжди збігається з родом іменника, який ними керує. В українській мові спостерігаються певні відхилення від цього правила” [2, 270]. Пошуки А. К. Смольської в галузі розвитку іменного словотворення фемінінативів у (тогочасній) сербохорватській літературній мові були вичерпно підсумовані в її докторській дисертації [5, 1–35].

Настільною книгою авторки цих спогадів стали особливо дорогі їй „Слов'янські студії” із щирим дарчим написом, зробленим рукою Аделаїди Костянтинівни: „*Веронике Ярмек – коллеге и другу – с уважением от автора. 18/V 2002 г.*”. До збірки увійшли не лише розвідки, присвячені актуальним проблемами діахронічного й зіставного словотворення південнослов'янських і східнослов'янських мов, а й праці, стосовні питань кореляції граматичних і семантичних категорій у слов'янських мовах, еволюції словотворення у сербській мові, Вукові Караджичу й закономірностям словотворчих процесів сербохорватського ареалу, змінам у словотворчих нормах сербської літературної мови XIX ст. тощо. Особливу увагу сучасних дослідників привертають статті, присвячені слов'янській міфології, старослов'янським рукописам, котрі зберігаються в Одесі, сербським слідам у топонімії півдня України і т. д. [6: 8–228]. Особливо цінними для авторки цих спогадів під час її роботи над укладанням деяких словникових статей до „Етимологічного словника

суфіксів української мови” (ідея створення цієї унікальної праці, яка не має аналогів, належить академікові НАН України В. Г. Скляренку; словник наразі готується до видання у відділі загальнославистичної проблематики та східнослов’янських мов Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України) стали дослідження А. К. Смольської, стосовні окремих загальнослов’янських і сербських суфіксів, зокрема, суфікса *-киња* [6, 89–95] і суфікса *-чанин* [6, 111–118]. Велику наукову вагу мають також спостереження А. К. Смольської з інших галузей лінгвістичної науки: щодо кореляції граматичних і семантичних категорій іменників у сербській мові, синтаксичних проблем маскулінізації та деяких особливостей мови Мілоша Црнянського [6, с. 136–143; 128–136; 150–156; 156–164]. У цьому контексті доцільно наголосити: досліджуючи релевантні аспекти й сучасні виміри південно- й східнослов’янської словотворчої парадигми, професор А. К. Смольська гідно та творчо продовжувала традиції видатних славистів, зокрема, Р. Кошутича і Р. Бошковича.

Аделаїда Костянтинівна Смольська створила традицію сербістики в Одеському національному університеті імені І. І. Мечникова. Тому несправедливо було б оминати увагою ще один, вельми виразний напрям її творчих зацікавлень: це *лінгводидактика й методика викладання сербської мови як іноземної* (в інослов’янському середовищі), яка ґрунтувалася на комплексному загальнокультурологічному підході інтегративного характеру. Особливо запам’яталася мені її доповідь про роль текстів у вивченні сербської мови як іноземної на засіданні секції „*Викладання сербської мови, літератури та культури*” на традиційній Міжнародній науковій славистичній конференції у дні вшанування пам’яті Вука Караджича на філологічному факультеті Белградського університету (вересень 2001 року). Відштовхуючись від прикрого факту, що на той час у східнослов’янському мовному середовищі майже не було опублікованих хрестоматій з сербськими текстами (окрім, хіба що, „*Акцентске читанке*” академіка А. Пецо, книжки В. П. Гудкова з циклу „*Мови світу*” та хрестоматії „*Серхобохватська мова*” О. Д. Дуліченка, які лише частково можна було використовувати в навчальному процесі), доповідь наголошувала на необхідності продовження традицій публікації у східнослов’янському середовищі корпусу різноманітних типів сербських текстів, на нагальній потребі створення нових хрестоматій, необхідних для викладання. Амплітуда таких текстів, на її думку, мала бути досить великою: від літературно-художніх і фольклорних – до публіцистичних та наукових, включаючи тексти, які наслідують розмовну мову. Професор А. К. Смольська окреслювала специфіку існуючих моделей викладання

сербської мови і як фахової дисципліни, і як другої чи навіть третьої слов'янської мови [3, с. 231–236].

А. К. Смольську знали й глибоко шанували славісти з різних країн, вона користувалася великим авторитетом, була знайома й підтримувала тісні наукові й особисті контакти з багатьма знаними сербськими філологами. Але, попри всю свою поважність і великий авторитет, вона аж ніяк не справляла враження закритої, амбітної чи бундючної людини. Аделаїда Костянтинівна ніколи не відмовлялася давати науковій консультації, а за слушну пораду, яку вона дала мені свого часу (включити до кола спостережень над функціонуванням синетичних і аналітичних претеритів в сербському художньому дискурсі також і дискурс художньої критики), я їй особливо вдячна. Якщо ж Аделаїда Костянтинівна вважала якусь галузь не своєю „парафією”, то вона, зазвичай, радила звернутися за консультацією до когось зі своїх знайомих сербських лінгвістів, які опікувалися цією проблематикою.

Портрет А. К. Смольської як людини й жінки суттєво доповнить ще один неформальний, але дуже важливий штрих. Одного разу, дочекавшись відходу моєї тодішньої „цимерке”, польської славістки пані Іоланти Дзюби, з якою ми мешкали в одному номері готелю „Топлице”, Аделаїда Костянтинівна постукала в двері й попросила мене допомогти їй зробити укладку волосся феном, а також дати декілька порад щодо актуальних трендів макіяжу, аби вона могла гарно виглядати на прийомі у тодішнього декана філологічного факультету Белградського університету. Вона принесла свою декоративну косметику, дорожню праску, робота закипіла, й за годину ми обидві причепурилися. Відкрию ще одну невеличку „таємницю”, за що, сподіваюся, Аделаїда Костянтинівна ні на кого не образилася б: з легкої руки професора Богдана Терзича (звісно, позаочі) багато хто з молодших колег скорочено лагідно називав її *Деля*. Будучи абсолютно щирою, можу сказати, що в цьому імені ніколи не було жодного натяку на неповагу або іронічне ставлення. Але на цьому приготування не закінчилися. Як справжня європейка, Аделаїда Костянтинівна приділяла своєму зовнішньому виглядові велику увагу й завжди прагнула бути „у тренді”. Запам'яталися мені й вдалі покупки, зроблені для неї (під моїм керівництвом) у невеличкій промтоварній крамниці на розі вулиць Васи Чарапича та Короля Петара, в універмазі „Беографанка”, у крамницях мережі „Беотекстил” та „Југоекспорт”. Аделаїда Костянтинівна від природи мала чудовий смак, але, як більшість людей її покоління, котрі цікавилися модними тенденціями, традиційно найбільше схилялася до класики. Найважчим пунктом програми був підбір взуття. Після цього

ми досить довго прогулювалися в парку поблизу Калемегданської фортеці. А. К. Смольська виявляла інтерес до всього: пригадую наші спільні походи до белградських театрів, до драматичного театру в Новому Саді. Вона не хетувала нагодою відвідати різноманітні екскурсії, зокрема, до відомих на весь світ православних святинь на гірському масиві Фрушка Гора (наприклад, до монастиря Крушедола), до монастиря Студениці, заснованого у 12 ст. Стефаном Неманею, основоположником сербської середньовічної держави (неподалік від м. Кралева), а також до іншого всесвітньо відомого осередку сербської культури – монастиря Манасія (Ресава), заснованого на початку 15 ст. деспотом Стефаном Лазаревичем.

А. К. Смольська дуже опікувалася своїми родичами, особливо племінником, з великим ентузіазмом вибирала подарунки й сувеніри, багато розповідала про них, піклувалася і приділяла їм багато уваги.

Будучи вже літньою людиною, професор А. К. Смольська їздила на конференції до столиці Сербії буквально „до останнього подиху”, для цього їй ніколи не бракувало сил. Вона жартома лагідно називала це місто „*мой Белградик*”. Ми іноді навіть непокоїлися, як така літня жінка, не шкодуючи себе, з удаваною легкістю долає кордони й різноманітні перепони, труднощі неблизької подорожі. Крім того, було зрозуміло, що, як і всі люди її віку, вона іноді ковтає пігулки для стабілізації тиску, підтримання серцевої діяльності тощо. Тепер мені ясно, що вона все робила абсолютно правильно. Адже її активна діяльність і педагогічний ентузіазм, безумовно, може послугувати рідкісним зразком відданого служіння науці й людям.

Список використаної літератури

1. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. – М.: Высш. шк., 1984. – 304 с.
2. Поповић Љ., Јармак В. Контрастивна проучавања српског језика: правци и резултати. – Београд: САНУ, Одбор за српски језик у поређењу са другим језицима, 2010 (Београд : Полиграф). – С. 263-280.
3. Смольска А. Улога текстова у изучавању српског језика као страног // Научник састанак слависта у Вукове дане. – 30/1. – Београд: Међународни славистички центар, 2002. – С. 231-236.
4. Смольска А. Упоређење српског и украјинског језика (поводом нормирања у систему граматичког рода) // Научни састанак

- слависта у Вукове дане. – XXIV/I. – Београд: Међународни славистички центар, 1995. – С. 194-202.
5. Смольская А. К. Развитие именного словообразования в сербскохорватском литературном языке (фемининативы). Автореф. дис... д-ра филол. наук, специальность: 10.02.03 – славянские языки. – М., 1993. – 35 с. [Электронный ресурс]: код доступа: http://www.ukrdissers.info/abstract_32745.html
 6. Смольська А. К. Слов'янські студії: 36. статей. – Одеса: Астропринт, 2001. – 228 с.
 7. Смольська А., Бондар О. Еволюція семантики дієслів руху в аспектах типології української та сербської мов // Мовознавство. – № 2–3. – 2003. – С. 138-144.
 8. Терзић Б. Руско-српске језичке паралеле. – Књ. II. – Београд: Славистичко друштво Србије, 1999. – 370 с.

***Н. В. Кондратенко,**
доктор филолошких наука,
заведуюћа кафедром прикладној лингвистике
ОНУ имени И. И. Мечникова*

СЛОВО О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Для каждого из нас годы, проведенные в университете, являются не просто яркими воспоминаниями, а одним из главных периодов в жизни, потому что именно они определили наш дальнейший путь. И главная роль в этом принадлежит людям, оказавшимся рядом, направлявшим нас, ведущим по этой дороге. Одним из таких людей была Аделаида Константиновна Смольская.

В сознании многих выпускников русского отделения филфака „ужасы” обучения ассоциировались со старославянским языком, который долгие годы преподавала Аделаида Константиновна. Легенды, одна страшнее другой, передавались из уст в уста, начиная с поступления. Каково же было наше удивление, когда в начале сентября в аудиторию медленно зашла спокойная пожилая женщина, глядя на которую, нельзя было поверить, что только ее голос и взгляд вызывают трепет у всех студентов. Мы, тогда несдержанные и шумные первокурсники, замерли на полтора часа, внимательно слушая про палатализации, падение редуцированных и неполногласие.

На вопрос „все ли понятно?“ в конце пары все выдохнули „да“, радуясь, что все закончилось, и ничего не понимая. Так, двигаясь параллельными курсами со старославянским на протяжении года, мы удивлялись тем, кто боялся милой старушки. Просветление пришло на сессии, когда все поняли, что на „отлично“ старославянский знает только Аделаида Константиновна, а самые лучшие студенты, возможно, претендуют лишь на „удовлетворительно“, но пожалуй, даже сейчас, спустя годы, каждый выпускник моего потока сможет прочитать „Ютру же бывшую“ и найти в нем все глагольные формы.

Уже закончив университет и аспирантуру, я забыла о старославянском, будучи далека в своих научных интересах от истории языка. И вдруг судьба снова свела меня с Аделаидой Константиновной, которая согласилась выступить первым оппонентом на защите моей диссертации. Строгая и требовательная к себе и другим, она оказалась бескомпромиссным человеком, отстаивающим свою точку зрения при любых обстоятельствах. Она не только поддержала меня во время защиты, но и высмеяла доводы киевского профессора, которая критиковала мою работу на основании отсутствия ссылок на ее книгу. Никакая академическая традиция и научный этикет не смогли остановить Аделаиду Константиновну, которая посчитала нужным вступить за беззащитную аспирантку и достойно ответить на безосновательные замечания. Я прекрасно понимала тогда и понимаю сейчас, что это никак не повлияло на результат (к моему счастью, положительный), но сказать то, что сочла возможным профессор Аделаида Константиновна Смольская, никто больше не осмелился.

Этот случай совершенно изменил мое отношение не только к Аделаиде Константиновне, но и научил тому, что нужно в любых обстоятельствах оставаться Человеком и поступать согласно внутреннему императиву, а не следуя по течению. Если наш, казалось бы, ненужный поступок меняет мир, пусть незначительно, но в лучшую сторону, он должен быть совершен. Если от того, что мы сделаем или скажем, у кого-то на душе станет светлей, то оно того стоит. Думаю, что самым главным уроком, который преподала мне А. К. Смольская, стал урок нравственности.

Спасибо Вам, Аделаида Константиновна...

*Е. Н. Степанов,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка
ОНУ имени И. И. Мечникова*

ДИНАМИКА МЫСЛИ, ЧЕСТЬ И СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО

Динамика мысли, честь и славянское единство – эти три понятия органически соединялись в жизни, профессиональной и общественной деятельности Аделаиды Константиновны Смольской.

Первая наша встреча произошла в 1978 году. Аделаида Константиновна, вернувшись из Югославии, получила задание от партбюро филфака возродить факультетскую стенгазету „Филолог”. Совместить академизм учёных с „кипением молодых сердец” помогли её комсомольская закалка и студенты отделения РКИ (русского языка как иностранного).

Студенческим редактором выбрали Геннадия Бражевского. Ни у кого из нас не было опыта журналистской работы. На первых порах были неудачи. Но потом два года ежемесячно на стене межэтажного пролёта по пути на факультет появлялся „Филолог” величиной в несколько метров.

До нас иногда долетали слухи о том, что не все „рукоплещут” Аделаиде Константиновне. Но, судя по беседам с нами, она реагировала на замечания по содержанию и тематике газетного материала взвешенно, предпочитая правду жизни и динамизм времени цензуре и угодничеству.

Помнится, в середине 1980-х, когда я был на комсомольской работе, нередко заглядывал в 99-ю аудиторию, где располагался комитет комсомола филфака. Однажды поинтересовался старыми рулонами ватмана на шкафах. Олег Испанюк, бывший тогда секретарём комитета комсомола филфака (а ныне глава Савранской райгосадминистрации Одесской области), объяснил, что эти газеты – пособие для начинающих журналистов.

В научной работе А. К. Смольской всегда присутствовала „трезвая” требовательность. Она не жалела скромного жалования 90-х на покупку научных сборников, журналов, монографий. Для неё как учёного было делом чести делиться с коллегами, молодыми соискателями знаниями, опытом, пониманием языка как динамично развивающегося феномена.

Помню, как в 1987 году Аделаида Константиновна прочитала сборник с моей статьёй и, решив воодушевить перед кандидатской защитой и подсказать то, что для самой когда-то представляло трудность в исследовании категории рода, нашла меня и была довольна, что смогла помочь. В начале 2000 года она в очередной раз пришла на помощь. На одной из

ежегодных отчётных конференций научно-преподавательского состава ОНУ мне довелось вынести на суд коллег материал исследований коммуникативного поведения одесситов, который свидетельствовал о функционировании в одесском регионе русской региональной речевой нормы. И хотя понятие нормы с 1960-х годов благодаря работам Р. И. Аванесова перестало отождествляться с понятием литературного языка, в аудитории по этому поводу разгорелась дискуссия. Аделаида Константиновна со свойственной ей прямоотой компетентно смогла ее завершить, рассказала об известных ей работах учёных Поволжья и Сибири, в которых доказывалось наличие нескольких русских региональных речевых норм на территории России.

И ещё. В моём сознании Аделаида Константиновна Смольская – активный носитель идеи славянского единства. На многих международных научных форумах она с честью отстаивала правду о славянах и славянских языках. Распад Югославии, Чехословакии, Советского Союза, бомбёжки Сербии, отторжение от неё Косова – всё это Аделаида Константиновна воспринимала не только как трагедию славянской цивилизации, но и как свою личную трагедию.

Наполненная энергией мысли, высокими принципами, решительностью, добром и светом жизнь Аделаиды Константиновны Смольской – пример для многих современников.

*А. Л. Татаренко,
доктор філологічних наук,
професор кафедри слов'янської філології
Львівського національного університету імені Івана Франка*

У ТОВАРИСТВІ АДЕЛАЇДИ КОСТЯНТИНІВНИ (нотатки супутниці)

Аделаїду Костянтинівну Смольську я вперше побачила в Белграді, а всі мої подальші зустрічі з нею були пов'язані з подорожами потягом № 15, який віз нас до „Білого міста”. Отож і ці короткі нотатки матимуть присмак белградської духмяної кави і чаю, який розносять пасажирам провідники вагону „Київ-Белград”.

Потрапивши вперше на міжнародну наукову зустріч славістів у дні Вука Караджича, що їх організовує щоріч Міжнародний славістичний центр на філологічному факультеті Белградського університету, я була

зачарована атмосферою тепла і приязні, яка там панувала. Не знаючи нікого з відомих вчених, які поволі збиралися на пленарне засідання у просторій аудиторії 11, особисто (якщо не вважати знайомством студювання їхніх творів і впізнавання за фотографіями у монографіях), я мала можливість спостерігати зі сторони за неприхованими виявами радості зустрічі. Враження, ніби потрапила на свято якоїсь великої родини, створювалося сердечністю, з якою метри сербської філології вітали своїх колег. У такий радісний момент я і побачила вперше Аделаїду Костянтинівну: з сонячною усмішкою, у обіймах колег-славістів. Такою вона і залишилася у моїй пам'яті. А друзів у професора Смольської було в Сербії чимало... Про них я почула згодом багато теплих слів від Аделаїди Костянтинівни, адже сталося так, що кілька разів я мала приємність подорожувати разом із нею. І приводом для поїздки була саме ця міжнародна зустріч славістів, яку учасники називають скорочено: МСЦ. Позаяк з Одеси прямого потяга до Белграда немає, професор вранці приїздила до Львова, а ввечері продовжувала свою подорож.

Багатогодинна поїздка з пересадкою – нелегке випробування і для молодшої людини, але Аделаїда Костянтинівна не зважала на втому. Вона їхала туди, де на неї чекають друзі, до міста, з яким її пов'язують теплі спогади, на науковий форум, де очікують її доповіді. Коли після бомбардування НАТО 1999 року багато хто взагалі не наважувався їхати до Сербії, професор ні на мить не завагалася. Не зупинило її і те, що поїзд курсував лише до Нового Саду – бомби зруйнували у цьому місті всі мости, в тому числі залізничний. Уже в потязі вона довідалася від мене, що існує шанс доїхати до Белграда автомобілем. Шанс цей, однак, був не зовсім певним... Річ у тім, що мене запропонував зустріти у Новому Саді і відвезти до столиці новосадський підприємець, з яким я познайомилася у Львові. У нього була в нашому місті окрема програма, тож ми познайомилися... за кілька хвилин до від'їзду делегації. Цього часу, однак, вистачило на обмін візитками. Час від часу ми спілкувалися телефоном, але впевненості, що я його впізнаю на пероні, у мене не було. Аделаїда Костянтинівна мене кілька разів запитувала, чи точно прийде мій знайомий, і я висловлювала переконання, що саме так і буде. Свій сумнів щодо моменту впізнавання (а якщо він і мене так „добре” запам'ятав?) воліла не артикулювати. Звичайно, не обійшлося без пригод. Поїзд, як з ним найчастіше й буває, спізнився, підприємець пішов відпочити до кав'ярні... Але коли він нарешті з'явився на спорожнілому пероні, проблем із впізнаванням у нього бути не могло – крім нас з Аделаїдою Костянтинівною там нікого не було. Потім він нас повіз по-

казати місто, що постраждало від бомб, зламане „крило” мосту Свободи, те, що колись було Жежелевим мостом.... Але побачили ми і новий, понтонний міст, який поставав просто у нас на очах. Роботи точилися і о дев’ятій годині вечора. Місто жило і загоювало свої рани. Я, напевно, не помилюся, коли скажу, що у очах Аделаїди Костянтинівни я побачила гордість за народ, який вона щиро любила. А коли ми приїхали до Белграда, напилися з нашим другом кави у готелі „Топлице” (тепер „Ройял”), подякували йому за допомогу і помахали на прощання, вона сказала: „А Ви помітили, які у нього добрі очі?”. Добра людина, професорка шукала цю рису в інших.

Під час подорожей ми багато говорили. Так вже, напевно, повелося, що у потязі людина згадує багато цікавих історій і вислуховує чимало чужих спогадів. Говорили про різне. Про минуле й сьогоднішнє, про плани на майбутнє, про Одесу і Львів, про Белград і Новий Сад. Згадували спільних знайомих і колег, конференції і літні школи... Незмінним був, однак, позитивний заряд розмови. Про що б не розповідала Аделаїда Костянтинівна, вона говорила про людей *добре*. Дискурс, який домінував у наших дорожніх розмовах, хтось би, напевно, охарактеризував як „жіночий”. Хоча я, може, й помилюся, гадаючи, що чоловіки говорять лише про серйозні речі і не згадують, наприклад, про белградські магазини із гарним взуттям після розмови про граматику сербської мови... У наших бесідах під стукіт коліс легко перепліталися наукові і життєві теми. Адже для професора Смольської наука була невід’ємною частиною життя. Вона дуже любила свою справу, віддавала їй свої сили й енергію. Вона нею *жила*.

Із теплотою розповідала Аделаїда Костянтинівна про сербських і українських колег, згадувала про своє життя у Белграді, охоче ділилася задумами. Почуття гумору надавало особливого шарму навіть маленьким оповідним «шкіцам» і створювало підґрунтя для нових історій. Пригадую, як у одній з цих подорожей, уже в Угорщині, з’ясувалося, що вона не має посольської сербської візи. У професорки в паспорті був лише штамп „Дозволений виїзд до СРЮ” (здається, це був період, коли країна називалася саме так). У Суботиці зайшов до нас у купе прикордонник, попросив показати паспорти. Довго гортав паспорт Аделаїди Костянтинівни, а потім запитав: „А де ж віза?”. „Ось вона”, – вельми переконливо сказала професорка. „Оце?” – перепитав прикордонник. „Так, ” – гордо проказала вона і посміхнулася. „Ну й ну, - сказав, хитаючи головою, офіцер. – Чого тільки у людей не буває”. Посміхнувся у відповідь і вже не сумнівався у „релевантності” пред’явленої візи.

Мені не раз доводилося чути, з яким захватом розповідали колеги з Сербії про перебування в Одесі, головним натхненником якого була професорка. Тому для колег з Белграда і Нового Саду, які не були у складі тої щасливої делегації, Одеса була містом напівказковим, містом з захопленою розповіддю, містом, куди обов'язково треба потрапити. Остання телефонна розмова з Аделаїдою Костянтинівною була пов'язана саме з ефектом таких спогадів. Професор університету у Новому Саді, відомий письменник Сава Дам'янов, збираючись до Львова, просив організувати йому бодай коротку поїздку до Одеси. Я, звичайно ж, зателефонувала до професора Смольської. Аделаїда Костянтинівна підтримала ідею, домовилися, що деталі уточнимо у наступній розмові. На жаль, наступної не було...

Для мене і для всіх, хто на життєвій дорозі зустрівся з Аделаїдою Костянтинівною Смольською, вона була прикладом людини невгасимої енергії, відданості улюбленій справі, зразком справжнього науковця, який поєднує глибокі знання із вмінням і бажанням дарувати їх іншим. Небагато часу довелося мені спілкуватися із цією дивовижною жінкою, та я вдячна долі, що нам було *по дорозі*.

О. К. Романова,
*кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой украинского и русского языков
Института подготовки иностранных граждан Одесского поли-
технического университета*

МОЙ УЧИТЕЛЬ

„В жизни человеку должно
повезти три раза: от кого родиться,
у кого учиться и на ком жениться”
(Народная мудрость)

Удивительно, прошло почти 40 лет, а у нас до сих пор хранятся идеально написанные конспекты лекций Аделаиды Константиновны Смольской. Тогда казалось, что сдать самой строгой преподавательнице филфака да еще старославянский (!) просто нереально. Имидж Аделаиды Константиновны был непревзойденным: в те далекие советские времена она, наверное, единственная на факультете годами работала в Югославии и Болгарии. Всем не понаслышке был известен ее стальной

характер настоящего ученого и коммуниста. Более принципиального человека в университете не было.

И каково было наше удивление, когда мы с легкостью сдали экзамен. Оправившись от дрожи в коленках, единодушно признали в ней самого справедливого из всех преподавателей.

После этого всегда не покидало желание ей понравиться. Многие мечтали, чтобы она была руководителем курсовой, дипломной, кандидатской работы. Ученица Смольской – это высокое звание.

Мне повезло, Аделаида Константиновна была оппонентом моей диссертации. Всем, кому довелось с ней работать, не забыть остроту ее ума и глубину эрудиции, сочетающие мужскую логику и женскую интуицию. Я была потрясена, когда, прочитав текст моего исследования, она задала два вопроса именно по тем двум моментам, которые я так тщательно обходила. И сама на них ответила, помогая.

Это стало началом нашего диалога. Потом сложилась прекрасная традиция – перед поездками на конференции я обязательно читала доклад моему учителю, чтобы, как она шутила, „таможня дала добро”. А по возвращении Аделаида Константиновна находила день для нашей встречи, и я опять с радостью спешила к ней в гости на долгие прекрасные часы поделиться впечатлениями о командировке и не только... Ведь она была очень гармоничным современным человеком, которому по-настоящему интересен был мир, в котором живешь.

Тот высокий порог профессиональных притязаний, который она выстраивала, помогал ей самой и ее окружающим всегда находиться в развитии. Прогресс в коллегам она высоко ценила и умела радоваться чужим достижениям, как никто другой. Наука была смыслом ее жизни. Но нельзя сказать, что она ей служила. Скорее ее отношение к науке можно сравнить с искусством – прекрасным, бесконечным, глубоким и вдохновенным.

Ее отличали верность принципам, бескомпромиссность, высочайшая внутренняя дисциплина. Откровенная смелость суждений и поступков делали ее ни на кого не похожей и уникальной.

Каждый, кто ее знал, задавался вопросом, откуда такая сила. Ответ был в ее юбилейных выступлениях, когда она делилась секретами своего оптимизма, рассказывала о семье и годах учебы. Весь характер воплощен в детском поступке, когда она, преодолевая в себе страх, находит решительность для прыжка с вышки в воду. Идти к намеченной цели, преодолевая на своем пути все трудности, умея противостоять жизненной суеде – в этом суть ее яркой натуры.

Был еще один животворный источник – это кафедра славистики филологического факультета университета в Белграде. Эта особая кафедра в европейском лингвистическом пространстве занимала особое место в судьбе Аделаиды Константиновны. Казалось, она живет в двух измерениях – здесь и там. Я помню, как она остро переживала происходящее в Югославии и очень обрадовалась, когда узнала, что в Литературном музее прошла выставка картин художников, работавших в этой удивительной стране. Тогда одесская интеллигенция высказала свой протест бомбардировкам НАТО и солидарность с гордым сербским народом.

Всегда чувствовалось, что там остались ее соратники, друзья, которых она очень любила. И эта любовь всегда была взаимной.

*Дарья Мостовая,
журналист*

АДЕЛАИДА КОНСТАНТИНОВНА СМОЛЬСКАЯ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТКИ

С университетом я „разошлась” сразу же после окончания обучения. Красный диплом, перспектива продолжить работу в аспирантуре, уникальная для Одессы тема научной работы... Как-то все это для меня стало бессмысленным и, пожалуй, слишком сложным после того, как ушла из жизни Аделаида Константиновна Смольская.

Прошло уже много лет с того момента, как закончилась моя последняя пара, как был сдан мой последний экзамен, защищена дипломная работа. И хотя я и не связала свою жизнь с научной деятельностью, совершенно уверена, что тогда, на втором курсе, я сделала правильный выбор – моим вторым славянским языком стал сербский. У нас была совсем небольшая группа. После сложнейшего курса старославянского языка со всеми его склонениями, спряжениями и временами никто не мог поверить, что изучение сербского языка может быть таким праздником. Преподавателем этих предметов и была Аделаида Константиновна. Но какая же была огромная разница, как будто два разных человека.

Для первокурсников Аделаида Константиновна была грозой и ужасом. Она заходила в аудиторию – и наступала тишина. Я помню ее почерк – она даже по-русски писала так, как будто стилизовала буквы под старославянское написание. Она была вся в своем предмете, ну и что с того, что половина студентов считала его бессмысленным, непонятным и вообще собиралась идти на литературные кафедры. К концу

курса склонять, спрягать и анализировать текст могли все, конечно, не идеально. Конечно, мы писали «шпоры» на экзамен. Лично я уместила на ногтях все те 6 пресловутых склонений. Конечно, это „отлично” было – авансом.

Уже на втором курсе те, кто выбрал вторым славянским языком сербский, впервые узнали, что у Аделаиды Константиновны очень хорошая улыбка, а за властным и строгим взглядом скрывается материнская забота и любовь к своим студентам. Это удивительно и неожиданно – за такой скалой увидеть мягкость.

Мы выбирали кафедру после первого курса. Я пошла к Смольской, в тот момент так решила она. Не знаю почему. Мне говорили, что у нее сложно, тяжело и „зачем оно тебе надо”. Я как-то не осознавала опасности. Это сейчас я не понимаю, как я могла согласиться на тему, по которой не было вообще никакой литературы на русском языке, даже на других языках в одесских библиотеках (тогда, в 2001, Интернета в нашей жизни почти не было). Тема моей работы – „Орфографические особенности Хиландарского типика списка 14 века”. Эта рукопись написана на старосербском. Стоит ли говорить, как это было сложно? Но я была как за каменной стеной. Уникальный опыт, знания и умение сделать невероятно сложное необычайно легким – у А. К. Смольской все это было. Долгие часы в библиотеке... я как будто разгадывала сложный ребус или кроссворд.

Первым бонусом для меня стала поездка в Летнюю школу сербского языка после второго курса. Инициатор и организатор этой поездки, конечно же, Аделаида Константиновна. Это она навсегда влюбила меня в Балканы, она рассказывала, что работала и жила там в 1968 году, рассказывала про студенческие бунты, но больше про невероятно доброжелательных, отзывчивых людей, которые живут в Сербии, про историю и культуру этого народа, про страшные события гражданских войн и распада Югославии. От нее я услышала печальную шутку-загадку: „Какая река течет над мостами?”. Оказалось, это Дунай, ведь во все войны в Сербии бомбили мосты и часть из них так и осталась на дне реки.

А потом она поставила меня перед фактом – первый семестр третьего курса я проведу в Сербии, там готовить мою научную работу будет проще. Я платила только за дорогу туда и обратно, там жила на местную стипендию, посещала такой нужный мне курс старосербского языка. Там я познакомилась с профессорами Новосадского и Белградского университетов, конечно же, по рекомендации Аделаиды Константиновны. В Одессу я возвращалась в январе с полными чемоданами книг,

ксерокопий и тетрадями, исписанными конспектами. Материалов мне хватило и на диплом. Его, к сожалению, я писала уже под руководством другого преподавателя. Весной 2004 года у Аделаиды Константиновны случился инсульт. Она не могла говорить, но почему-то позвала меня. Даже сейчас я вспоминаю этот визит и на глазах – слезы. Она что-то хотела мне сказать, но не могла. Я уверяла ее, что закончу работу. Но уже тогда понимала: без ее неумной энергии в аспирантуру не пойду. Она была для меня как вечный двигатель, источник сил и вдохновения.

Не знаю, каким получился мой портрет Аделаиды Константиновны, собранный из обрывков воспоминаний, ощущений и эмоций. Когда я пытаюсь подобрать слова, чтобы охарактеризовать А. К. Смольскую, в первую очередь приходят на ум: глыба, скала, мощь... Но потом я думаю, какая же она скала и глыба, она была просто очень хорошим, мудрым и живым человеком. Конечно, она была Ученым с большой буквы, но об этом пусть уже говорят другие люди. А для девочки-студентки она была вот такой.

З НАУКОВОЇ СПАДЩИНИ ДОКТОРА ФІЛОЛОГІЧНИХ НАУК, ПРОФЕСОРА А. К. СМОЛЬСЬКОЇ

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

// Праці. Одеський держ. ун-т. Серія філол. наук. – Одеса, 1962. – Т. 152, вип. 15. – С. 212–221.

В современном русском языке выделяется очень обширный пласт сложных существительных, в которых вторая часть представляет собой глагольную морфему без суффикса.

Это слова *сталевар, лесовоз, пылесос, бракодел, винторез, атомолод, вездеход, самолет* и др. Основную часть названной группы слов составляют сложные существительные с первой именной основой. Словообразовательный образец сложения основы имени существительного с бессуффиксной основой глагола в современном русском языке отличается высокой активностью словопроизводства и с этой точки зрения в некоторых грамматических пособиях справедливо противопоставляется всем остальным малопродуктивным и непродуктивным моделям сложных существительных русской литературной речи наших дней (см. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Лексикография, фонетика, морфология. – М., 1957, с. 249).

Бессуффиксные глагольные композиты с первой именной основой благодаря своей высокой продуктивности и четко выраженной двукорневой структуре (основосложение представлено в чистом виде, без дополнительных словообразовательных процессов) в лингвистике заслужили наименование типичных, “классических” сложений русского языка (см.: А. Г. Лыков. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке. Автореф. ... канд. дис. – М., 1959, с. 11).

В свете сказанного естественен интерес как к описанию разновидностей бессуффиксных глагольных сложений в современной русской литературной речи, *так и к вопросам происхождения и продуктивности (становления продуктивности) данной словообразовательной модели в русском языке.*

В данной статье содержатся некоторые наблюдения над тем, как функционировала словообразовательная модель бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой в различные периоды истории русского языка.

Установление словообразовательных моделей, т. е. словообразовательных образцов, отличающихся единством структуры, в словосложении представляет большую трудность, чем в аффиксации. Сложное слово только в статике может быть рассмотрено как сочетание тех или иных морфем. Учитывая же процессы возникновения сложных слов, т. е. непосредственно процессы словообразования, необходимо обращать внимание на соотносительность композитов с различными разрядами словосочетаний в языке. В глагольных бессуффиксных композитах с первой именной основой обнаруживаются разнообразные логические или опосредованно-синтаксические отношения между компонентами сложного слова. Поэтому приходится говорить о вариантах словообразовательной модели бессуффиксальных глагольных сложений (ср. *пылесос, винторез*).

Комментирование некоторых фактов истории словообразовательной модели бессуффиксных глагольных сложений в русском языке, прежде всего, требует внимания к проблеме происхождения данного словообразовательного образца в славянских языках вообще, и в восточнославянских в частности.

Первооткрывателем в этой области быть невозможно, т.к. вопросы возникновения бессуффиксных глагольных композитов или “синтетических сложений”, как они назывались раньше, издавна привлекали внимание представителей и индоевропейского, и славянского языкознания, затрагивались в трудах А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, В. Ягича, И. Лося, К. Бругмана, советских языковедов А. В. Десницкой, М. Я. Немировского, Е. Рудницкого и др. (см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I–II. – М., 1958, с. 95–96; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959, с. 170; V. Jagic. Die slavischen Composite in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. – Berlin, 1898, В. XX, с. 526 и др; Karl Brugman. Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. – Stiasburg, 1886, с. 448; И. Л. Лось. Сложные слова в польском языке // Записки историко-филологического факультета СПб ун-та, ч. 62, 1901, с. 91–101; А. В. Десницкая. Архаичные черты в индоевропейском словосложении // Язык и мышление, XI. – М.– Л., 1948; М. Я. Немировский. Народные истоки словосложения в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Книга четвертая. Изд-во Львовского университета, 1955; Е. Рудницкий. Складні слова в українській мові // Збірник секції граматики української мови, кн. I. – К., 1930, с. 158–159).

Каковы же основные положения теории происхождения бессуффиксных глагольных композитов в славянских языках, признанные в настоящее время в лингвистике?

Компаративисты относят истоки словосложения как способа создания новых слов в индоевропейских, в том числе и славянских языках, к глубокой древности, к дофлективному периоду в развитии этих языков, ко времени, “когда люди пользовались словами, которые мы называем основами” (В. Поржезинский. Элементы языковедения в истории русского языка. – М., 1910, с. 117).

Славянские сложения типа *мухомор* и *водонос*, по мнению К. Бругмана, А. А. Потебни, А. В. Десницкой и других языковедов, более других двусловных слов сохраняют в своей структуре архаические черты индоевропейского словосложения. Об этом свидетельствует, прежде всего, второй корневой бессуффиксный компонент данных слов.

А. А. Потебня рассматривал вторые части славянских слов *блюдолиз* (русск.), *рукосад* (сербс.) как формы, восходящие по своему типу к первообразному корневому имени – причастию. Это первообразное причастие, по мысли Потебни, предшествовало выделению существительного и прилагательного и не имело категорий времени, залога, рода, не имело чисел и падежей (см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I–II. – М., 1958, с. 95–96).

Возводя второй компонент слов *блюдолиз* и подобных к первообразному причастию, Потебня указывал, что некоторые из вторых частей сложений, правда, немногие, в славянских языках функционируют как корневые бессуффиксные имена действия (ср. русск. *кашевар* и польск. *war* (кипяток); русск. *краснобай* и польск. *baj* (сказочник); русск. *зверобой* и *бой*; русск. *лов* и др.).

С точки зрения живых соотношений глагольных и именных корней в современных славянских языках вторые части слов типа русского *блюдолиз* большинством лингвистов нашего времени квалифицируются как глагольные морфемы, глагольные основы (см., например: Грамматика русского языка, т. I., изд. АН СССР. – М., 1953, с. 273–274; Курс сучасної української мови за ред. Л. А. Булаховського, т. I. – К., 1951, с. 422).

Словообразовательная модель глагольных бессуффиксных композитов, сохраняющая архаические черты индоевропейского словосложения, на славянской языковой основе появилась, очевидно, еще в праславянскую эпоху. Об общеславянском характере этой модели свидетельствует наличие слов типа русского *блюдолиз* во всех славянских языках: ср. русск. *сталевар*, *головорез*; укр. *склодув*, *салотоп*; белорусск.

вуглекон, сербс. *пушкомет*; болг. *конепас*; чешск. *cukrowar, hlavolam*, польск. *korkociąg*; старосл. *воднось*.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в языках западнославянских, где в связи с почти полным отсутствием церковнославянского влияния словосложение играет меньшую роль, чем в литературных языках восточной и южной групп, слова типа чешск. *cukrowar* известны были уже древнейшим памятникам. Например, в старочешских памятниках XIV–XV вв. зафиксированы композиты: *hnojikud, tancpvod, drzewotocz* (примеры взяты из статьи К. К. Трофимовича „Структура сложных существительных в древнечешском языке” // *Доповіді та повідомлення* (Львівський університет), вип. VI, ч. 1, 1955, с. 157–160), ср. также польские народные сложения-прозвища: *groszorob, piwożłop* и др. (см.: И. Л. Лось. Сложные слова в польском языке, с. 98).

В различных славянских языках лингвисты находили тождественные бессуффиксные глагольные сложения и, начиная с Ягича, делали попытки выделить композиты праславянского языка, относя к общеславянскому лексическому фонду слова *мухомор, ночлег, медведь, злодей, чародей* и некоторые другие (V. Jagić. *Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten*, с. 535–536).

Таким образом, вопрос об общеславянском характере модели бессуффиксных глагольных композитов в языкознании в работах В. Ягича, А. А. Потебни, И. Лося и др. решался положительно.

Как же представляется история словообразовательной модели бессуффиксных глагольных сложений в русском языке?

Модель сложения “основа имени существительного” плюс “бессуффиксная глагольная основа” проникла на языковую территорию восточных славян непосредственно из общеславянского инвентаря словообразовательных образцов.

Об этом говорит использование слов типа *водовоз, блюдолиз* не только в русском литературном языке, но и в собственно народной русской речи: в русских областных говорах и русском фольклоре.

Уже Ф. И. Буслаев, отстаивая народные истоки русского словосложения, приводил в качестве примеров такие двусоставные областные слова, как “*солносяд*” (запад – в сибирских диалектах) (Ф. И. Буслаев. *Историческая грамматика русского языка*, с. 170).

В “Опыте областного великорусского словаря” (Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1854) обнаруживаем значительное количество этих слов: *баболуб, глязопял, кожелуп* (живодер), *костолом* (увечный, нищий), *мироед* (староста, нищий), *дымоволок* (отверстие в черных избах), *дымокур* (тлеющая трава), *золоед* (земля, неудобная для

посева), *рукотер* (полотенце), *морестав* (время, когда замерзает Байкал), *листодеер* (ветер), *садоллом* (домовой) и др.

Бессуффиксные глагольные сложения находим и в русских пословицах XVI–XVII вв., например, в пословицах “*кашевар* живет сытея князя”, “*конекрад* горазд узд вязать”, “*самолуб* всякому не люб” (см.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. / Собрал и подготовил к печати П. Симони. – СПб., 1899, с. 114 и др.).

В старинных русских сказках бытуют бессуффиксные композиты с первой местоименной и первой наречной основой. Достаточно вспомнить знаменитые *сапоги-скороходы* и *ковер-самолет*.

Очевидно, в русской народной речи словообразовательные образцы бессуффиксных глагольных сложений издавна были живыми и продуктивными.

Русскому литературно-письменному языку глагольные бессуффиксные композиты были известны с древнейших времен. В “Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам” И. И. Срезневского со ссылкой на памятники XI–XIII вв. отмечаем 9 бессуффиксных композитов-существительных, оканчивающихся на твердую глагольную основу: *водонось* (ведро), *водочьръть* (ведро), *лицемтьрь*, *медоварь*, *ночлезь*, *птьснотворь*, *рыболовь*, *ухозвонь* (примета), *самосудь* (последнее слово – с первой местоименной основой). Если к этому перечню добавить глагольные бессуффиксные композиты, оканчивающиеся на мягкий согласный: *очеболь* (болеющий глазами), *сеножать* (сенокос), *самохоть* (собственная воля), *лицедъги*, *песнопои*, *чародъги* др., то общее количество бессуффиксных глагольных сложных слов превысит цифру 20 (Из “Материалов...” И. И. Срезневского выписывались только бессуффиксные нефлективные композиты).

Анализируя бессуффиксные композиты, отмеченные Срезневским, можно выделить 3 группы слов по происхождению и, отчасти, по употреблению.

1 группа. Слова, которые лингвисты, учитывая распространение этих двусловных лексем во всех славянских языках, относили к общеславянскому языковому фонду: *ночлезь*, *лицемтьрь*, *чародъги*, *злодъги*.

2 группа. Слова, которые впервые фиксируются в памятниках церковного характера, представляющих собой древнерусские списки со старославянских оригиналов. Это точные или свободные кальки с греческого языка: *водонось*, *вьседъги*; *прълюбодъги*, *птьснотворь* и др. Таких слов в „Материалах...” И. И. Срезневского менее десяти.

3 группа. Слова, возникновение которых можно отнести к древневосточнославянской языковой эпохе. “*Медоварь*” – “слуга в феодальном хозяйстве князя, собирающий мед” (Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. – М.: Л., 1937, с. 187). Слово “*медовар*” впервые отмечено в Новгородской грамоте 1266 года, затем повторяется в ряде других новгородских грамот (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, с. 121).

Сеножать – сенокос, луг. В “Материалах...” И. И. Срезневского это двусловное существительное приводится с указанием на “Уставную грамоту 1150 года Смоленского князя Ростислава Мстиславича” (И. И. Срезневский. Материалы..., т. III, с. 897).

Самохоть – “собственная воля”. Слово документируется с XI века (“Изборник Святослава 1073 г.”). Ср. в архангельском говоре *самохоть* – “человек, сам вызывающийся на дело” (См.: Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852, с. 56).

Ухозвонь – “звон или шум в ушах (примета)”. В “Материалах” И. И. Срезневского слово документируется с XII в. С тем же значением (“звон в ухе, в ушах”) слово *ухозвон* фиксируется в Словаре Вл. Даля (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955, т. IV, с. 526).

Семантика названных слов, тесно связанная с бытом русских людей, употребление перечисленных существительных преимущественно в памятниках деловой письменности (*медовар*, *сеножать*), наконец, их использование в русских народных говорах (*самохоть*, *ухозвон*) – все это позволяет предположить восточнославянское происхождение анализируемых двусловных лексем.

Наличие слов *медовар*, *сеножать*, *ухозвон*, *самохоть* (последнее – с первой местоименной основой) в памятниках XI–XIII вв. позволяет судить, что словообразовательная модель бессуффиксных глагольных композитов функционировала в русском литературном языке старшего периода, но была малопродуктивной.

Слабая активность рассматриваемой модели в древнерусском литературном языке XI–XIII вв. становится особенно заметной на фоне того огромного числа суфигированных сложений, которые представлены в “Материалах...” И. И. Срезневского. Только сложносуффиксальных существительных со значением лица в словаре насчитывается свыше 400 (426). Большинство из них отмечено в ранних памятниках русской письменности.

Явный перевес сложносuffиксальных, в большинстве своем книжных и даже переводных существительных, над бессuffиксными композитами в русском литературном языке старшего периода заставляет вспомнить о влиянии старославянского языка на русский в области словосложения.

В системе словообразовательных моделей старославянского языка решающую роль играли сфигурованные образцы. Этот факт отмечался в лингвистической литературе. А. Вайан, анализируя памятники церковнославянской письменности, подчеркивал, что бессuffиксные существительные, и однокоренные, и двусоставные, были “весьма живыми в народном языке”, на который опирался старославянский. Однако старославянский язык как язык письменный, книжный “предпочитал им более книжные сuffиксные образования” (А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. – М., 1952, с. 228).

В памятниках древнерусской письменности, тяготеющих к старославянскому языку, например, в “Хронике Георгия Амартола”, переведенной на церковнославянский язык, но в русской его редакции, обнаруживаем явное преобладание сложносuffиксальных слов: из 310 сложных существительных только 2 являются бессuffиксными нефлексивными образованиями со второй глагольной основой (*злодѣи, лотодѣи*) (см.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. III; Греческо-славянский и славянско-греческий словари. – Л., 1930).

Особенности словообразовательной системы старославянского языка вообще и русского извода церковнославянского языка в частности требуют дифференцированного подхода к аксиоме о старославянском влиянии на древнерусский литературный язык в области словосложения.

Если русское сфигурованное словосложение развивалось при весьма активном содействии старославянских словообразовательных образцов и непосредственно сложносuffиксальных слов церковнославянского языка, то модель бессuffиксных глагольных композитов древнерусского письменного языка могла быть поддержана лишь очень небольшим количеством церковнославянизмов той же структуры (в “Материалах...” И. И. Срезневского – не более 10 слов), известных церковным жанрам русской письменности XI–XIII вв.

Следовательно, в древнерусский период в письменно-литературном языке модель бессuffиксных глагольных композитов хотя и была малопродуктивной, но питалась соками живой народной речи и функционировала почти вне церковнославянского влияния.

Новым этапом в истории словообразовательной модели бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой была эпоха формирования языка великорусской народности (XIV – первая пол. XVII вв.).

Развитие ремесел в Московском государстве вызвало появление в русском языке новых профессиональных наименований лица. В этот период возникают в русском языке новые агентивные словообразовательные средства, например, суффикс *-щик* (в памятниках фиксируется с XIII в.), приспособляются в семантической сфере *nomina agentis* и некоторые старые словообразовательные образцы, в частности модель бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой.

Активизацию этой модели в русском литературно-письменном языке памятники отмечают, начиная с XIV века. В грамотах Новгорода и Пскова XIV–XV в. (“Грамоты Великого Новгорода и Пскова”. – М. –Л., 1949 (принятое в статье сокращение – Н. Г.), в духовных и договорных грамотах Московских князей (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л., 1950 (сокращенно – Д. Г.), в сочинениях И. Пересветова (Сочинения Ивана Пересветова. – М.–Л., 1956 (Пересв.), в книге Гр. Котошихина “О России в царствование Алексея Михайловича” (О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. – СПб, 1840 (Котош.) и в некоторых других произведениях русской письменности XIV–XVII вв., а также в “Материалах для терминологического словаря Древней России”, собранных Г. Е. Кочиним, находим такие бессуффиксные сложения, не использовавшиеся в ранней русской письменности: *винокур* – Котош., *водоливь* – Срезн., I, 278; *дрововоз* – Коч., 104; *здоровель* (лесорубка) – Коч., 104; *кашавар* – Коч., 141; *квасовар* – Котош., 109; *коновал* – Котош., 65; *конокорм* – Коч., 151; *костолом* (болезнь) – Коч., 159; *кровопуск* (профессия) – Коч., 164; *медолаз* (сезон сбора меда) – Коч., 159; *пивовар* – Котош., 59; *солотоварь* – Срезн., III, 461; *часозвонь* – Срезн., III, 1475 и др.

Большинство названных слов – существительные группы *nomina agentis*. Использование бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой в качестве профессиональных наименований лица не было случайным.

Слова типа *квасовар*, хотя и имели два корня, были достаточно компактны и по объему почти не отличались от однокоренных агентивных слов (ср. *квасовар* – 8 звуков, 3 слога, *квасьникъ* – слово древнерусской письменности – 7 звуков, 2 слога).

В области же семантики двусловные агентивные существительные имели даже преимущество перед простыми: в отличие от однокоренных

агентивных слов они указывали не только на объект действия, но и на характер действия, т. е. очень точно квалифицировали деятельность человека. В истории русской письменности наблюдается процесс вытеснения некоторых однокоренных агентивных существительных двусосновными профессиональными наименованиями. Так, слово *квасъникъ*, известное памятникам с XV в. (Срезн., I, с. 372), в XVII в. заменилось более точным профессиональным термином квасовар (Котош., 109). Существительное *рыбникъ*, тождественное первоначально (по свидетельству И. И. Срезневского) сложному слову *рыболов*, впоследствии стало использоваться с другими, так сказать, более объектными значениями (ср. у Вл. Даля *рыбник* – “рыбный торговец”, в современном русском языке *рыбник* – 1) работник рыбных промыслов; 2) продавец рыбного магазина (см.: Словарь русского языка, сост. С. И. Ожегов. – М., 1953, с. 635).

Модель бессуффиксных глагольных композитов, активизируясь в литературно-письменном русском языке XIV–XVII веков, продолжала развиваться совершенно самобытно. Так называемое второе южнославянское влияние, призвавшее в русскую письменность московского периода сотни суффиксированных сложений, не имело никакого отношения к бессуффиксным глагольным композитам. Все названные выше существительные этого словообразовательного образца использовались в деловой письменности, отражающей народную речь: в грамотах, сочинении Гр. Котошихина. И наоборот, произведения церковнославянской ориентации, например, памятники письменности, относящиеся к Смутному времени, не дают примеров употребления новых бессуффиксных глагольных сложений (см.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. – Л., 1925).

Формирование русского национального языка вызвало демократизацию русской литературной речи, сопровождавшуюся бурным ростом словаря.

В истории интересующей нас модели XVIII в. можно считать датой начала той исключительной продуктивности словообразовательного образца бессуффиксных глагольных сложений, которую отмечаем для современного русского литературного языка.

Продуктивность бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой в русском литературно-письменном языке XVIII в. подтверждается, во-первых, количественными показателями, во-вторых, расширением семантических границ модели.

В “Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенного”, изд. 2, 1806–1822 гг., количество бессуффиксных глагольных

сложений с первой именной основой превышает цифру 100 (112). Преобладают, как и в русском литературно-письменном языке XIV–XVII вв., существительные со значением действующего лица (71 слово), однако состав этой группы становится разнородным. Кроме сложных по структуре профессиональных наименований *водовоз, водоход, китолов, мыловар, пчеловод, трубочист* и др., в русском литературном языке XVIII в. активно функционируют существительные той же структуры, называющие человека по качеству, признаку, связанному с поступками, действиями лица. Это слова *ветрогон, домосед, двороброд, головорез, концевод (сплетник), крючоктвор, крохобор*, характеризующиеся яркой эмоциональной окраской, чаще всего отрицательной метафоричностью значения (ср. *ветрогон, головорез*), эти существительные были теснейшим образом связаны со словопроизводством народной речи. В “Словаре Академии Российской” они приводятся с пометами “простонародное” и “просторечное”.

Процесс пополнения лексики русского литературного языка сложными словами-характеристиками типа *ветрогон, домосед, головорез* был активен только для XVIII в. В последующие периоды развития русского литературного языка этот процесс приостанавливается в связи с некоторыми общими закономерностями русского словообразования. Отмечая эти закономерности, В. В. Виноградов писал, что в русском языке XX в. “явно преобладают способы образования названий лиц по сферам производственной деятельности... и становятся все менее производительными такие словообразовательные типы, в которых суффиксы служат не только средством обозначения лица по какому-нибудь признаку, но и способом экспрессивной его характеристики” (Современный русский язык. Морфология, 1953, с. 54–55).

Словообразовательная модель бессуффиксных глагольных сложений в русском языке XVIII века функционировала не только в пределах группы *nomina agentis*. Ее семантические границы в этот период были достаточно широки. По образцу данной модели создаются и слова со значением действия, места и времени действия (*водопад, водоскат* и др.), а также наименования животных, птиц, насекомых, растений (*зверобой* – трава, *медосос* – птица, *головолом* – трава и т. д.) (Примеры взяты из “Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного”).

Единично представлены в “Словаре Академии Российской” бессуффиксные композиты, обозначающие орудия, предметы, которые являются производителями действия. В “Словаре” отмечаем *водопроводъ* и

тождественное *водоводъ*; ср. также сложные существительные, которые в “Словаре” даются как заменители иноязычных терминов: *водомеръ* (фонтан), *воздухомеръ*, *погодомеръ* (термометр) (“Словарь Академии Российской”, т. I, с. 607; т. IV, с. 1204).

В отношении сферы применения, семантических границ модели бессуффиксных глагольных сложений русский литературный язык XVIII века еще имел ряд отличий от современного русского литературного языка: активно использовались в XVIII веке бессуффиксные сложения со значением качественной характеристики лица, малочисленны были бессуффиксные сложения группы *nomina instrumenti*.

Продуктивность словообразовательной модели бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой в русском языке усиливается по направлению к XX в.

Новая вспышка продуктивности после XVIII в. относится ко II пол. XIX в. и особенно к XX веку. В связи с бурным ростом техники словообразовательный образец бессуффиксных глагольных композитов, как и некоторые другие модели группы *nomina agentis*, закрепляется в семантическом разряде слов, обозначающих орудия действия, инструменты.

В русском литературном языке XX в. словообразовательный образец бессуффиксных глагольных композитов с первой именной основой сосредотачивает свою активность в двух важнейших семантических разрядах слов, пополнение которых вызывается самой жизнью: 1) профессиональные наименования лица; 2) технические термины – обозначения неодушевленных орудий действия (машин, инструментов, приборов).

В этих же семантических сферах используются и некоторые образцы суффигированных сложений со второй глагольной основой, издавна известные русскому литературному языку и когда-то поддержанные влиянием старославянского языка (ср. напр., *молотобоец*, *канавокопатель*, *зернохранитель* и др.).

Однако, как показывают исследования русских языковедов, в частности диссертация А. Г. Лыкова (А. Г. Лыков. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке, с. 11), бессуффиксные глагольные композиты в современном русском языке обладают большей продуктивностью, чем суффигированные сложения. По подсчету А. Г. Лыкова в “Толковом словаре русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова из 530 сложных существительных со значением лица 45% создано по модели бессуффиксных сложений и только 17% приходится на суффигированные сложения.

Таким образом, общеславянская по своему происхождению, исконно присутствующая и русскому народному, и русскому литературному языку,

непродуктивная в древнерусской письменности, но развивавшаяся самобытным путем, почти вне старославянского влияния модель бессуффиксных глагольных сложений с первой именной основой в системе словосложения современной русской литературной речи занимает одно из ведущих мест, характеризуется высокой активностью словопроизводства в важнейших семантических разрядах русской лексики (*nomina agentis* и *nomina instrumenti*) и оттесняет на второстепенные позиции в этих разрядах образцы суффигированных сложений.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ СПЕЦКУРСА)

– Одесса : Изд-во Одесск. ун-та, 1971. – 60 с. (печатается с сокращениями)

Словообразовательное подполе микроэтнонимов в славянских языках

В словообразовательном поле деятеля одно из подполей составляют названия лиц по месту жительства и национальности. Эти названия (*nomina nacionalia et regionalia*) объединяются в единую словообразовательную категорию, в одно подполе, так как в каждом из славянских языков они выражаются одними и теми же словообразовательными типами.

Термин *nomina nacionalia* сейчас нередко заменяется общим термином *этнонимы*, совокупность этнонимов называется этнонимией, а раздел науки, в котором рассматривается их происхождение, – этнонимикой.

Этнонимикой занимаются и историки, и географы, и этнографы, и, конечно, лингвисты, так как этноним – слово и, как всякое слово, подчиняется законам языка.

Названия жителей села, города, края и даже страны (ср. *Бельгия – бельгийцы*, т. е. и валлоны, и фламандцы) не являются собственно этнонимами, хотя применительно к ним данный термин иногда используется¹ (ср. югославский термин *этник*, *этници*).

В последнее время лингвисты ведут оживленную дискуссию о том, оставлять ли названия жителей в сфере этнонимики и, если оставлять, то как терминологически выразить особенность таких названий внутри этнонимики.

¹ См. об этом подробнее в статье Н. В. Подольской и А. В. Суперанской о терминологии ономастики [38].

Как замена термина „названия жителей” (ср. укр. „назви мешканців”, болг. „жителска имена” и подобные) предлагаются и используются такие синонимические термины: регионалии [52], патронимы [25], географические псевдоэтнонимы [56], микроэтнонимы [49]. Первые два термина неудобны в связи с многозначностью, регионалиями, например, называются любые местные отклонения от нормы.

Связь названий жителей с этнонимами, которая в славянских языках выражается и словообразовательно, лучше всего подчеркивается терминами „географические псевдоэтнонимы” и „микроэтнонимы”; последний предпочтительнее, так как в качестве однословного создает возможность производных образований, в том числе и производного прилагательного (ср. *микроэтнонимический суффикс*).

Итак, названия жителей – микроэтнонимы, совокупность микроэтнонимов – микроэтнонимия, раздел лингвистики, изучающий микроэтнонимы, – микроэтнонимика. Микроэтнонимы славянских языков оказываются в одном словообразовательном поле с этнонимами, но с точки зрения словообразовательных связей, словообразовательной парадигматики они непосредственно указывают на топонимы, нередко являясь ценным источником для этимологии названия того или иного населенного пункта. Например, в украинском языке названия жителей часто образуется не от современной основы топонима, а от старой: ср. *ки-яни* (микроэтноним „появился до того, как топоним приобрел суффикс *-iv*” [12, с. 78], ср. русск. киевляне); *ужани* – жители села Ужок Закарп. обл.; микроэтноним связан с названием реки Уж, на которой стоит г. Ужгород.

Микроэтнонимика тесно связана с антропонимикой, так как названия жителей нередко потом становились фамилиями. Переход микроэтнонима в антропоним особенно часто осуществляется на тех славянских территориях, города и села которых активно заселялись пришельцами из других мест. Лингвисты, например, указывают, что в Воеводине (Югославия) в отличие от других краев этой страны (Черногория, Босния и Герцеговина) значителен процент фамилий микроэтнонимического происхождения.

Несомненный интерес не только для лингвистов, но и для историков представляют так называемые „скользящие” микроэтнонимы. Так, название жителей Одессы *одесситы* с необычным для русской микроэтнонимии греческим суффиксом *-ит* „в конечном счете связано с греческой колонией на месте нынешней Варны” [4, с. 132].

В славянских странах работа по сбору микроэтнонимов, их описанию, публикации в словарях еще только начата.

Структура микроэтнонимов славянских языков сравнительно рассматривалась в работах И. Лекова [28], И. Ковалика [20], однако словообра-

зовательным типам микроэтнонимов как частному вопросу славянского словообразования не было уделено в этих работах достаточного внимания: так, например, не были выяснены внутрисистемные отношения между формантами микроэтнонимов каждого славянского языка, степень продуктивности одноструктурных формантов в разных славянских языках и некоторые другие проблемы.

В лингвистике не раз подчеркивалось, что славянские языки в отличие от ряда других европейских характеризуются большим разнообразием суффиксов-микроэтнонимов [63].

Так, в русском языке, если учесть не только данные литературного языка, но и словообразовательные средства просторечия и диалектов, бытует около двадцати подобных суффиксов: *-ич* (*москвич, омич*), *-ак* (*туляк*), *-ит* (*одессит*), *-ец* (*новгородец*), *-анин / -янин* (*киевлянин*), *-чанин* (*горьковчанин*), а также *-ан* (*черепан*), *-арь* (*волгарь*), *-итянин / -тянин* (*лаотянин*), *-ат-а / -ят-а* (*чухломьята*), *-ач* (*леткач*, с. Летки), *-ень* (*островень* – г. Остров), *-уш-а* (*вохмуша* – с. Вохма), *-еиш-а* (*макареша* – г. Макарьев) и др. [25, с. 40].

Диалектные суффиксы русских микроэтнонимов в отличие от общелитературных, имеют семантическую надбавку к основному значению „житель”, нередко подчеркивают негативное, пренебрежительное отношение говорящего.

Большое количество суффиксов микроэтнонимов употребляется и в других славянских языках, ср., например, в сербохорватском: *-ац* (Неготин – *Неготинац*), *а-нац* (Вранье – *Враньянац*)², *-анин* (Београд – *Београдчанин*), *-чанин* (Загреб – *Загребчанин*), *-ак* (Тузла – *Тузлак*), *-ар* (Милна – *Милнар*), *-ель* (Бока – *Бокель*), *-лија* (Ниш – *Нишлија*), *-ез* (Генова – *Геновез*) и т. д.

Конечно, среди сербохорватских суффиксов микроэтнонимов много формантов устаревших (ср., например, суффикс *-лица*, заимствованный из турецкого языка²), малопродуктивных и даже единичных в сфере названий жителей (ср. *-ель*).

Эти форманты только в единичных словах представлены в литературном языке.

² В словаре Вука Караджича (1818 г.) [18] на 124 микроэтнонима представлено 7 слов с суффиксом *-лија* (Бечлија, Босанлија, Мостарлија, Нишлија, Новопазарлија, Саранлија, Стамболија), а в орфографическом сербохорватском словаре 1968 года [66] на 255 микроэтнонимов имеется всего два слова с формантом *-ија* (Нишлија, Сарајлија).

Малоупотребительные в сфере микроэтнонимии и заимствованные суффиксы в сербохорватском языке даже в диалектах нередко нормализуются присоединением формантов, активно действующих на всей территории сербохорватского языкового массива. Поэтому, например, суффикс *-ar*³ выступает и в усложненных вариантах: *-арац*, *-аранин*, *-арчанин*: ср. *Локварац* <– г. Локва, *Милнаранин* <– г. Милна, Сушин – *Сушарчанин* <– с. Сушине); ср. также варианты суффикса *-ез* (*ез* + ан; *-ез*, *-ежанин*): *Бокез*, *Бокезан*, *Бокежанин* <– г. Бока; *Пулежанин* <– г. Пула; *Геновез*, *Геновежанин* <– г. Генова (Генуя) и др.

Если оставить в стороне диалектные, а также устаревшие и малоупотребительные суффиксы, то окажется, что по инвентарю главных формантов микроэтнонимов славянские языки делятся на две группы.

К первой относятся восточнославянские и южнославянские языки (за исключением словенского), у которых структура географически не отмеченных главных суффиксов и их инвентарь полностью совпадает.

Вторая группа – западнославянские языки и словенский – неодинаковы по инвентарю суффиксов названий жителей с южно- и восточнославянскими. Внутри западнославянской группы языков также наблюдается структурная нетождественность основных формантов микроэтнонимов.

В языках восточных и южных славян главными оказываются такие суффиксы микроэтнонимов и этнонимов: *-ец* (сербохорв. *-ац* < *-ыць*), *-анин* / *-анин*, *-чанин*.

Какова же функциональная специфика использования главных суффиксов микроэтнонимов в каждом из восточно- и южнославянских языков?

Одинаковы ли позиции по степени продуктивности структурно тождественных суффиксов в разных восточно- и южнославянских языках?

Какова дистрибуция (распределение) синонимичных суффиксов по производящим основам?

Как влияет структура топонимов восточнославянских и южнославянских территорий на регулярность образований с тем или иным микроэтнонимическим формантом?

Эти вопросы являются основными при последовательном рассмотрении главных суффиксов микроэтнонимов каждого славянского языка.

Синхронному рассмотрению словообразовательного подполя *nomina nacionalia et regionalia* в каждом славянском языке необходимо предпослать сведения о структуре подобных названий в старославянском

³ Суффикс *-ар* как суффикс микроэтнонимов, также малопродуктивный, известен и болгарскому языку [14].

языке, ибо старославянский язык справедливо считают наиболее ярким историческим представителем праславянского периода.

Инвентарь суффиксов названного поля был в старославянском языке небогатым: *-инъ*, *-ан-е*, *-гън-е* (*-ан-инъ*, *-гън-инъ* в ед. числе): ср. *жидове – жидовинъ*; *роумы*, тв. множ. – *роуминъ*; *словѣне – словѣнинъ*; *солоуняне⁴ – солоунянинъ*, *римляне – римлянинъ* и др.

Названия людей по национальности и территориальной принадлежности употреблялись во множественном числе, суффикс сингулятива *-инъ* использовался для выделения единичного представителя и во множественном числе отсутствовал.

Не следует думать, что в отношении структуры микроэтнонимов и этнонимов в старославянском языке все было строго упорядоченным.

Старославянские названия лица по территориальной и национальной принадлежности появлялись в процессе перевода греческих микроэтнонимов, приспособления последних к славянским структурам. Нередко возникали микроэтнонимы-гибриды, содержащие и греческий, и славянский формант (ср. в словах *измаилитянинъ*, *израилитянинъ*).

Греческий микроэтноним нередко укорачивался за счет суффикса, несвойственного старославянскому языку, возникали бесформантные микроэтнонимы старославянского текста, в которых, по аналогии со старославянскими словами типа *руминъ*, лингвисты впоследствии стали видеть славянский словообразовательный суффикс *-ин⁵*.

Исследования древнейших памятников показывают, что названные суффиксы старославянского языка *-инъ*, *-анинъ*, *-гънинъ* были известны и другим славянским языкам, являлись структурной нормой в образовании этнонимов и микроэтнонимов в ранний период развития и южнославянских, и восточнославянских, и западнославянских языков⁶.

⁴ Старославянское йотированное а передается как я.

⁵ Псевдосуффиксальность элемента *-ин* в слове „эллин” в современном русском языке проявляется в том, что это слово является единственным из ряда других на *-ин*, имеющим особое ударение – на основе [13, 105].

⁶ Ни западнославянские, ни многие южнославянские древнейшие памятники не дают примеров этнонимов и микроэтнонимов с суффиксом *-ьць* и в этом смысле идентичны памятникам старославянского языка. Что же касается древнерусской письменности, то в памятниках, находившихся под влиянием старославянской письменной традиции, суффикс *-ан-е/-ън-е* сохраняет господствующее положение. Однако в русских летописях суффикс *-ьць* был уже представлен значительным количеством слов и конкурировал с суффиксом *-ан-е / -ън-е*. Микроэтнонимы и этнонимы в древнерусском языке создавались и с помощью формантов *-ичи*, *-итин*, *-ин* и др.

С. Роспонд подчеркнул, что типологический общеславянский характер образований с суффиксами *-ан-е*, *-ън-е* находит подтверждение в неоднократных повторениях слов с данными формантами (микроэтнонимов, этнонимов, топонимов) на различных славянских территориях. Так, слово *смоляне* известно не только восточнославянским, но и болгарскому языку, оно использовалось и в полабском; этническое название *поляне* (*Polanie*) употреблялось и в древнерусском, и в старопольском [16].

Восточнославянские языки

В истории восточнославянских языков движение главных суффиксов микроэтнонимов и этнонимов по стадиям продуктивности и хронология этого движения были одинаковыми или почти одинаковыми.

В древнерусской микротопонимии были продуктивны и *-ец* < *-ьць*, и *-анин* / *-янин*, а в этнонимии – *-ин*.

В русском языке вплоть до конца XVIII века широко используется суффикс *-анин* / *-янин* не только в книжных исторических заимствованиях из старославянского языка типа *карфагеняне*, *македоняне*, но и в живом словообразовании (ср. *устюжанин* – *Устюг*, *онежанин* – *Онега*, *торопчанин* – *Торопец* и т. д.).

На рубеже XVIII и XIX веков суффикс *-ец*, который всегда поддерживался стихией живой народной речи, окончательно закрепляется как основной и продуктивный, оттесняя форманты-соперники *-анин* / *-янин*, *-ин* и в микроэтнонимии, и в этнонимии в разряд малопродуктивных и непродуктивных [17, с. 64; 1, с. 85].

В середине нашего века активным соперником *-ец*, правда, только в микроэтнонимах, стал суффикс *-чанин*. „Новый” формант *-чанин* (в диалектах и *-ченин*) уже имеет многовековую историю. Он возник сначала как фонетический вариант суффикса *-анин* после основ на *к*, *ц*, *т*. Ср. *Валуйки* – *валуйчане*, *Городец* – *городчане*, *Нерехта* – *нерехчане* и др.⁷, ср. аналогичные образования в языке письменных памятников периода белорусской народности, например, *Друцк* – *дручане* [23].

„Отпочкование” суффикса *-чанин* от *-анин* на восточнославянской территории лингвисты относят к XVI–XVII вв. Как самостоятельный суффикс *-чанин* уже регистрируется во многих микроэтнонимах русского языка XVII в.: *Велиж* – *велижчане*, *Почап* – *Почепчанин*, *слобода Урыв* – *урывчанин* и др. [2, с. 69], ср. также староукр. *львовчани*, старо-белорусск. *мазувчанин*.

⁷ Примеры заимствованы из статьи А. А. Абдуллаева [2].

В современном русском языке в поле микроэтнонимов и этнонимов суффикс *-ан-* / *-ан-е* можно назвать суффиксом затухающей продуктивности, суффикс *-ец* – продуктивным, суффикс *-чан-е* – формантом все возрастающей продуктивности.

Подсчет, проведенный по „Словарю названий жителей РСФСР”, говорит о том, что сейчас в русском языке основной массив микроэтнонимов составляют названия с суффиксом *-ец* – 79,1%, с суффиксом *-ан-е* / *-чан-е* и его производными создано 18% названий, из них 11,9% образованы с суффиксом *-чан-е*. На долю остальных словообразовательных типов (с суффиксами *-ич*, *-ак*; бесформантные и др.) остается всего 3% [39].

Хотя активность суффикса *-ан-е* / *-чан-е* затухает, все-таки образования с ним не составляют еще замкнутый ряд. Носителям русского языка этот суффикс представляется более надежным, чем, например, редко встречающийся в наше время суффикс микроэтнонимов *-ич*. Поэтому возникают новообразования с наращением к суффиксу *-ич* суффикса *-ан-е* (*ич + ан-е*): ср. *гдовичане*, нов. *псковичане*, *томичане*⁸.

Ниже будет сказано о дистрибуции главных суффиксов по производящим основам, в частности о размежевании суффиксов по фонеморфологическим приметам основ, где также сохраняются возможности использования суффикса *-ан-е* / *-чан-е*.

В лингвистике отмечалось, что употребительность слов влияет на продуктивность словообразовательного типа, модели, форманта. В случае с суффиксом *-ан-е* / *-чан-е* наблюдается противоположный процесс: затухание активности способствует уменьшению массива слов с данным формантом в современном русском языке. Особенно это наблюдается в моделях, где суффикс *-јан-е* (*-ан-е*) вызывал чередование губных: ср. уст. *гдовлянин* – *гдовец*, уст. *кромляне* – *кромцы*, *кромчане*, уст. *гороховлянин* – *гороховчанин*.

Одну из причин утраты продуктивности суффиксом *-ан-е* / *-чан-е* лингвисты и видят в том, что словообразовательный тип с ним заменяют словообразовательные типы, не вызывающие чередований на стыке производящей основы и форманта⁹, а это находится в русле общей закономерности современного русского языка – ослабления чередований на морфемных швах [43, с. 26].

⁸ Суффикс *-ар* как суффикс микроэтнонимов, также малопродуктивный, известен и болгарскому языку [14].

⁹ Псевдосуффиксальность элемента *-ин* в слове „эллин” в современном русском языке проявляется в том, что это слово является единственным из ряда других на *-ин*, имеющим особое ударение – на основе [13, 105].

Продуктивность суффикса *-ец* в подполе *nomina nacionalia et regionalia* в современном русском языке неоспорима. Она подчеркивается большим количеством новообразований советской эпохи: ср. *Калинин* – *калининец*, *Салават* – *салаватец*, *Фрунзе* – *фрунзенец*, *Калининград* – *калининградец*, *Первомайск* – *первомайцы*; ср. также *Непал* – *непалец*, *Тунис* – *тунисец*, *Иокагама* – *иокагамец* и подобн.

Однако также неоспорим отмеченный в лингвистике процесс вытеснения микроэтнонимов (не этнонимов!) на *-ец* новообразованиями с формантом *-чан-е*: ср. *ростовцы* – *ростовчане*, *хабаровцы* – *хабаровчане*, *свердловцы* – *свердловчане* и др.

Слабость суффикса *-ец* лингвисты видят прежде всего в его многозначности: ср. *кировец* – и трактор, изготовленный на заводе им. С. М. Кирова, и рабочий этого завода, и житель города Кировска или Кирова.

Принципиально важным является то, что к микроэтнонимам на *-ец* в русском языке не всегда можно образовать женское соответствие на *-ка*. Это связано с рядом причин, главной из которых является обилие на восточнославянских территориях ойконимов на *-ка* типа русск. *Алексеевка*, *Федоровка*, *Александровка* и т. д.

Если житель села Алексеевки – *алексеевец*, то жительница – *алексеевка*, но подобный микроэтноним женского рода, как правило, не возникает в связи с омонимичностью топониму.

На ограничение продуктивности микроэтнонимического *-ец* влияют и фономорфологические особенности: бывшее когда-то обязательным чередование заднеязычных перед *-ец*, которое еще сохранилось в микроэтнонимах, соотносительных с ойконимами на „бург”: ср. *Гамбург* – *гамбургский* – *гамбуржец*, *Марбург* – *марбургский* – *марбуржец*, *Зальцбург* – *зальцбургский* – *зальцбуржец* и т. д.

Хотя чередование заднеязычных перед *-ец* в современном русском языке не является обязательным, появились микроэтнонимы типа *таганрогец*, *чикагец*, однако процесс устранения чередований в этом словообразовательном типе не стал еще регулярным, сочетания „гец”, „кец”, „хец” еще не вполне привились в языке, поэтому микроэтнонимы типа *иракец* обычно используются в форме множественного числа – *иракцы* или в форме косвенных падежей единственного числа – *иракцу*, *иракца* и т. д. Возрастающую продуктивность, „второе дыхание” суффикса *-чан-е* в русском языке (Суффикс *-чан-е* весьма активен и в других восточнославянских, ср. замену в белорусском *быхауцы* на *быхаучане*. О возрастающей продуктивности суффикса *-чан-е* в украинском и белорусском

см. работы В. А. Горпинича [10, с. 39; 9, с. 16]; ср. *ангарчане, котовчане, хабаровчане, ростовчане, свердловчане* и т. д.) лингвисты объясняют семантической однозначностью форманта, его специализацией только в микроэтнонимии, регулярностью в образовании женских соответствий на *-чанк-а* к мужским микроэтнонимам на *-чанин* (ср. *ангарчанин – ангарчанка, котовчанин – котовчанка* и т. д.) (Суффикс *-чанк-а* появляется там, где невозможен женский микроэтноним с *-к-а*, возникают смешанные микроэтнонимические ряды: ср. в украинском языке *Фурманівка* (Одесск. обл.) – *фурманівець, фурмановець*, но *фурманівчанка*; ср. в русском языке *Карсун – карсунцы, карсунец*, но *карсунчанка*. Интересны и случаи „выравнивания” суффиксов по женскому роду: ср. *Олександрівка* (Одесск. обл.) – *олександрівець*, но *олександрівчанка* и *олександрівчанин* [42, с. 55]) и некоторыми фонеморфологическими причинами, среди которых обычно подчеркивается, что суффикс *-чанин* не меняет фонематический облик производящей основы, не вызывает чередований.

Вопрос о продуктивности главных суффиксов словообразовательного подполя названий лица по национальной и территориальной принадлежности требует анализа дистрибуции формантов по производящим основам.

В дистрибуции суффиксов по производящим основам участвует несколько факторов: морфологический (морфологическая характеристика производящей основы), семантический (значение мотивированного слова), фонеморфологический (чередование на стыке морфем или отсутствие такового, перечень звуков, с которыми может сочетаться формант, слоговая природа производящей основы и суффикса, ударение) и структурный (структура мотивирующего слова).

В русской лингвистике больше внимания уделялось морфологическому и семантическому фактору в дистрибуции суффиксов микроэтнонимов по производящим основам, вероятно потому, что для русского языка эти факторы в подполе *nomina nacionalia et regionalia* являются решающими.

Размежевание по производящим основам в связи с их морфологической характеристикой наблюдается между модифицирующим суффиксом *-ан-е* (*-чан-е*), присоединяющимся непосредственно к основе топонима, и субстантивизирующими формантами *-ец* и *-чанин*, у которых семантически мотивирующее слово (топоним) не совпадает со структурно-мотивирующим – оттопонимическим прилагательным.

Хотя нелингвисты считают, что слово *ленинградец* и подобные образованы непосредственно от топонима (по данным опроса

Г. И. Петровичевой) [26, с. 52], цепочка топоним → оттопонимическое прилагательное с суффиксом *-ск-* → микроэтноним (с *-ец* или *-чанин*) в случаях несовпадения основы топонима и оттопонимического прилагательного видна очень четко: ср. *Уфа – уфимский – уфимец; Пенза – пензенский – пензенец; Горький – горьковский – горьковчанин; Красноселька – красносельский – красноселчанин* и т. д. (В лингвистической литературе, особенно в работах Е. Н. Левашова, подробно рассмотрены все случаи несовпадения семантически мотивирующей основы (топонима) и структурно мотивирующей основы (прилагательного) для микроэтнонимов на *-ец* и *-чанин*, подчеркивается атрибутивное происхождение ряда русских ойконимов (ср. названия городов на *-скъ* – в прошлом краткие прилагательные; ср. ойконимы на *-ин*, *-ино*, *-ов*, *-ово* – в прошлом притяжательные прилагательные и т. д.), говорится о словообразовательных моделях, в которых производящая основа прилагательного уменьшается не на *-ск*, а только на *к* и т. д.).

Лингвисты указывают не только на структурную, но и на семантическую связь оттопонимических прилагательных и микроэтнонимов. Прилагательные оттопонимического характера на *-скъ* еще в старославянском языке выступали иногда в роли микроэтнонима или параллельно с существительным-микроэтнонимом, в русском языке слова „орловский”, „брянский” являются одним из способов называния человека по месту жительства. В диалектах верхнелужицкого языка прилагательные на *-ski* как средство наименования жителя вытеснили микроэтнонимы-существительные [67].

Для современного русского языка характерно, что микроэтнонимы с модифицирующим формантом *-ан-е /-чан-е* уступают место микроэтнонимам, структурно связанным с прилагательными.

Одинаковые с точки зрения морфологии структурно-мотивирующего слова суффиксы *-ец* и *-чанин* в русском языке и подполе микроэтнонимов и этнонимов стремятся размежеваться семантически, причем формант *-ец* даже в пределах данного подполя оказывается по значению шире, чем его конкурент *-чанин*. Так, суффикс *-ец* используется при создании: а) этнических названий, б) названий жителей иностранных государств, в) жителей краев, г) жителей иностранных и русских городов и других населенных пунктов.

Семантическая амплитуда суффикса *-чанин* значительно уже: по значению (не по образованию!) этот формант всегда связан с ойконимами, причем в преобладающем большинстве названия с *-чанин* именуют только жителей населенных пунктов славянских территорий, т. е. *-чанин*

обычно соединяется только с восточнославянскими топоосновами в их атрибутивном виде.

Следует специально остановиться на словообразовательных проблемах современной русской этнонимике. В современной русской этнонимике среди формантных словообразовательных типов господствует тип с суффиксом *-ец*: ср. *австриец, голландец, ирландец, кубинец, норвежец, словенец, сириец, украинец, японец* и т. д.

Смена суффиксов в истории русской этнонимике шла по пути *-ин* (Ср. продуктивность форманта *-ин* в более ранний период, проявившуюся в „подгонке” под славянскую форму тюркских этнонимов на *-ар*: *татар – татарин, болгар (булгар) – болгарин* и под.), *-анин / -янин, -ец*.

Преобладание суффикса *-ец* среди других формантов в русской этнонимике фиксируется с XVIII в., когда многие старые этнонимы были заменены названиями на *-ец* (ср. уст. *литвин – литовец, уст. мордвин – мордовец*) или добавили формант *-ец* (ср. этнонимы XIX в. на *-ин, -ец*: *грузинец, лезгинец, осетинец, а также башкирец, венгерц* и др.).

Под влиянием господствующего словообразовательного типа на *-ец* многие этнонимы в XVIII–XIX вв. стали утрачивать старые форманты, как не соответствующие норме (ср. *персиянин – перс, сербин – серб*), т. е. появилась тенденция к увеличению бесформантных этнонимов.

В наше время процесс отпадения формантов в этнонимах захватил и названия на *-ец*, если этноним не является географическим, т. е. не образован от названия государства, а, наоборот, название страны создано по этнониму (ср. уст. *башкирец – башкир, уст. венгерц – венгр, уст. грузинец – грузин, уст. осетинец – осетин* и др.).

В современном русском языке, кроме специализировавшегося в сфере этнонимике словообразовательного типа с формантом *-ец*, широко употребительны и бесформантные образования, которых особенно много в названиях, где закрепились этнонимы самоназвания: ср. *киргиз, казах, узбек, нивх* и др.

В русском языке суффикс *-ец* является главным формантом не только в этнонимике, но и в названиях жителей иностранных государств, краев и городов, чему, вероятно, способствует малофонемный характер данного форманта, ибо именно малофонемные форманты в русском языке чаще соединяются с иноязычными основами, так как не „утяжеляют” их (ср. употребительность суффикса *-к-а* с иноязычными основами в русском языке).

По подсчетам, произведенным на материале выборок из газет „Известия” и „Неделя” [40], из 180 микроэтнонимов с иноязычной основой

160 созданы с формантом *-ец* (ср. *арканзасцы, ганцы, гуджаратцы, гамбиец, гибралтарцы, дакцы* (Дакка – Пакистан) [прим. ред.: на сегодня Дакка является столицей Бангладеш], *шокагамцы, камбоджийцы, кожлинцы* (Кожле – Польша), *лиможцы* (Лимож – Франция), *лаосцы, маврикийцы* и т. д., 10 названий оформлены суффиксом *-анин*, 5 – формантом *-чанин* (Поскольку в лингвистике высказывается мнение [26, с. 54], что суффикс *-чанин* уже перешел границы собственно восточнославянских основ в русском языке, следует остановиться на образованиях с *-чанин* в рассматриваемом материале: *пловдивчане, датчане, цюрихчане, сициличане* (но и *сицилийцы*) и *катангчане*. Появление *-чанин* в каждом конкретном случае объяснимо. *Пловдивчане* (г. Пловдив) выступает в форме, свойственной болгарскому языку, ср. использование микроэтнонима *дубровчане* – жители Дубровника – в форме, свойственной сербохорватскому языку. *Датчане* известно русскому языку давно, а варианты *датец, данец* не появились, вероятно, из-за возможных ассоциаций с глагольно-причастными основами, важна и длина слова. К названию *цюрихчане* с заднеязычным „х” в конце основы допустимо ед. число *цюрихчанин* (ср. несостоявшиеся *цюрихец* или *цюришец*). *Сициличане* имеет параллельное *сицилийцы* и только слово *катангчане* настораживает и говорит о наступательном характере форманта *-чанин*, который здесь не побоялся даже предшествующего сочетания, встречаются единичные образования только с основами на *ч, ц* (несовместимость аффрикат, ср. ед. число – *-чец, -цец*, мн. число *-чцы, -ццы*).

В связи с перегруппировкой микроэтнонимических суффиксов по позициям продуктивности в русском языке, в связи с яркой определенностью значения *-чанин* как форманта названий жителей только населенных пунктов, доминантным признаком распределения главных суффиксов (*-ец* и *-чанин*, т. к. активность *-анин* затухает) по основам сейчас в русском языке становится признак семантический.

Однако фонеморфологические ограничения в сочетаемости *-ец* и *-чанин* с производящими основами играют определенную роль.

Следует заметить, что *-чанин*, не вызывающий чередования основы, по несовместимости звуков на стыке морфем более уязвим, чем *-ец*: формант *-чанин* не фиксируется лингвистами после *ц, ч, ш, ж* (вопрос о несовместимости *-чанин* с конечными согласными производящей основы изучен в лингвистике недостаточно. Здесь можно пользоваться „Грамматикой современного русского литературного языка” [13, с. 104] и некоторыми статьями [21, с. 14], причем информация не всегда совпадает, что

свидетельствует о необходимости более глубоких исследований в этой области), редко встречается после сонорного *н* (традиционно устойчив здесь *-ец*), после *г, к, х*, сочетаний согласных (но ср. единичные примеры: *дискончане, полесчанин, спасчане* (ср. укр. *Черкаси – черкашани*, где сочетание „сч” в орфографии передается как „щ”), *катангчанин, нерехчане* и *нерехтчане, сысертчане*).

На незанятых позициях – после *ц, ч* не употребляется ни *-ец*, ни *-чанин* – в современном русском языке сохраняется активность форманта *-анин /-чанин*.

Основы на заднеязычные (*г, к, х* трудно сочетаются и с *-ец*, и с *-чанин*) при образовании микроэтнонимов нередко расширяются за счет интерфиксов *-ин, -ов* и т. д., расширение проходит обычно на уровне оттопонимического прилагательного: ср. *Лог – логовской – логовчанин* и др.

Определенную роль в выборе синонимических суффиксов *-ец* и *-чанин* в русском языке играет закон слогового равновесия между производящей основой и формантом, вызванный тенденцией языка сохранять среднюю длину слова в количестве трех слогов [31, с. 118].

Почти не образуются микроэтнонимы с *-ец* от односложных основ, но ср. *Бийск – бийский – бийчанин, Минск – минчанин, Крымск – крымчанин* и т. д.

Двукорневая (сложная) топооснова наоборот, как правило, соединяется с суффиксом *-ец* (ср. *Краснознаменск – краснознаменский – краснознаменец, Новомосковск – новомосковец, Северодвинск – северодвинец* и т. д.). Среди более 200 микроэтнонимов-композигов (по СНЖ) только 3,7% составляют слова с *-чанин* типа *кисловодчанин*. Строго регулярным, как справедливо отмечает В. А. Горпинич, является образование микроэтнонима с *-ец* от топонима со второй частью *град, город* [25] (ср. *красноградец, волгоградец, зерноградец* и др. микроэтнонимы советской эпохи).

Из фонеморфологических особенностей микроэтнонимов с *-чанин* следует отметить постоянное ударение на суффиксе, тогда как ударение микроэтнонимов на *-ец* такое же, как на мотивирующем прилагательном.

В восточнославянской микроэтнонимике наметилась тенденция различать словообразовательные типы структурно обусловленные и структурно не обусловленные. Законы структурной обусловленности типов практически подчинены фонеморфологии.

Так, структурно обусловленными оказываются микроэтнонимы на *-ан-е / -анин* от топонимов на *-ец* (ср. единичные отступления от правила в СНЖ: *Подосиновец – подосиновцы*, но и *подосиновляне*), *-цк, -цк-ое*,

а также *-тек, -дек, -тск-ое* (в произношении *-цк, -цк-ое*): ср. *Череповец – череповчане, Хотынец – хотынчане, Юрьевец – юрьевчане; Белорецк – белоречане, Донецк – дончане; Богородицкое – богородчане, Поречкое – поречане; Советск советчане, Петрозаводск – петрозаводчане, Большое Солдатское – большесолдатчане*. Однако структурная обусловленность микроэтнонима здесь (ср. укр. *Солдатське – солдачани* [8, с. 44]) предопределена фономорфологической закономерностью (неупотребительность *-ец, -чанин* после *ц*).

То же следует сказать о зависимости микроэтнонимов на *-ан-е / -анин*) от топонимов на *-ич, -ичи*: ср. *Котельнич – котельничане, Солигалич – солигаличане, Боровичи – боровичане, Гульчевичи – гульчевичане* и т. д., ср. также *Сергач – сергачане, Щучье – щучане*.

Правила структурной обусловленности образования микротопонимов могут зависеть и от закона омонимического отталкивания, так, от топонимов на *-ан, -чан* (прилагательные па *-анск-ий, чанск-ий*), *-анск* (в том числе односложных), *-анск-ое* названия жителей не создаются обычно с помощью суффиксов *-анин / -янин, -чанин*, а только присоединением форманта *-ец*: ср. *Магадан – магаданец, Неман – неманец; Брянск – брянец* (но и *брянчане*), *Канск – канцы, Манский (район) – манцы; Партизанское (село) – партизанцы* (исключение *Мурманск – мурманцы*, но и *мурманчане*).

Топонимы на *-ин, -ин-о, -инск, -инск-ое* (все атрибутивного происхождения; (у всех указанных ниже слов основа топонима совпадает с основой оттопонимического прилагательного на *-ск-ий*) также соотносительны обычно с микроэтнонимами, имеющими формант *-ец*: ср. *Калинин – калининец, Пушкин – пушкинец, Халтурин – халтуринец, Сусанино – сусанинец, Тушино – тушинец, Мичуринск – мичуринец, Правдинск – правдинец, Дзержинское – дзержинец*; ср. также микроэтнонимы с односложными основами: *Мга – мгинский (район) – мгинец; мстинский (район) – мстинец*.

Итак, форманты русских микроэтнонимов „избирают” производящую основу преимущественно по морфологическому и семантическому признаку, фонорморфологический принцип не является главным, так как нет резких разграничений между главными продуктивными суффиксами *-ец* и *-чанин* в отношении совместимости звуков на стыке морфем, хотя в некоторых частных случаях фонорморфологические причины и закономерности, с ними связанные, предопределяют употребление того или иного форманта.

Изучение географического распределения суффиксов русских микроэтнонимов еще только начинается, причем больше повезло древним,

ныне непродуктивным словообразовательным типам на *-ич*, *-ак*, и бесформантным, границы распространения которых, уместающиеся в европейских границах Московского государства XVI века, подробно, с приложением карты, описаны Е. А. Левашовым („Москвичи и иных мест люди”).

О географии главных формантов микроэтнонимов современного русского языка лингвистами сказано мало [9, с. 14], хотя были попытки выделить слабо выраженные ареалы суффиксов *-анин* /*-янин*, *-чанин* на территории Новгородской, Псковской (северо-запад) и др. областей, Ставропольского, Краснодарского края (юг).

В связи с проблемой географического распределения структурных типов *potina regionalia* важно подчеркнуть „закон ряда”, т. е. влияние микроэтнонимов соседних населенных пунктов на вновь возникающее название жителя. В русской лингвистике отмечалось, что употребительность слов определенного типа влияет на продуктивность этого типа.

Интересно в этом плане сопоставить русские микроэтнонимы советской эпохи *кировчане* и *кировцы* от топонимов (станция), *Кировский* (район) и т. д. По данным СНЖ преобладают *кировчане* (8 названий), дважды используются обе формы параллельно, но среди русских названий жителей в Северной Осетии господствует словообразовательный тип на *-ец*, встречается только *кировцы* (Кировский район) – СНЖ, 256.

В Украине идет подготовка словаря микроэтнонимов, поэтому украинские языковеды уделяют большое внимание степени продуктивности микроэтнонимических формантов и их географии.

География суффиксов микроэтнонимов в Украине, в той мере в какой названия жителей уже исследованы, заставляет обратить внимание на формант *-ан-и* / *-ян-и*, потому что на территории старожильческих („старожитніх”) говоров Украины образования с *-ан-и* / *-ан-и*, *-чан-и* составляют большинство среди микроэтнонимов: в Закарпатской области их около 70%, а названий жителей на *-ец* (*-ець*) только 30% [52, с. 247], в Сумской области формы на *-ан-и* / *-ан-и*, *-чан-и* составляют примерно 60% [12, с. 78].

Что касается говоров украинского Причерноморья („новожитніх”), то в Николаевской области образования с *-ан-и*, *-чан-и* составляют только 30%, а формы с *-ц-и* (*-ець*) – около 65% [12, 78], в собранных микроэтнонимах Одесской области слов с *-ец* (*-ець*) также несколько больше (55%), чем конкурентных форм [42, с. 51]. Так как география микроэтнонимов на Украине полностью не изучена, трудно делать какие-то обобщения. Можно предположить, что <...> микроэтнонимы на территории Одес-

ской, Николаевской и др. обл., заселявшиеся, в основном, в XVIII в., отражают временной рубеж в смене продуктивности микроэтнонимических суффиксов *-анин* и *-ець*.

В более широкой территориальной употребительности суффикса *-ан-и* / *-ан-и* в ряде областей Украины (ср. приводившиеся выше подсчеты использования суффиксов по СНЖ). Следует заметить, что украинские лингвисты собирают и описывают все микроэтнонимы, в том числе и названия жителей сел, а СНЖ дает только микроэтнонимы городов и районных центров; определенную роль сыграло то обстоятельство, что здесь представлены топонимы, основа которых заканчивается звуком *ц* и, следовательно, допускает только микроэтнонимический формант *-чанин*.

Кроме известных русским областям топонимов на *-ец* (укр. *-ець*, ср. *Трускавець*, *Буковець*, *Вербовець* и под.) и *-цк-ое* (укр. *-цьк-е*, ср. *Козацьке*, *Полянецьке* и др.), на Украине имеется большое количество названий населенных пунктов на *-овці*, *-инці* типа *Біловарці*, *Вілхівці*, *Чернівці* (В. А. Никонов называет топоформант *-овци*, *-ици* „дунайским” и приводит статистические данные употребления топонимов на *-овци*, *-ници* в различных областях Украины [33, с. 28]), ср. также топонимы на *-иця*, *-ця*, *-овиц-я* типа *Вінниця*, *Голиця*, *Теплиця*, *Ореховиця* и т. д., из всех восточнославянских территорий наиболее известные Украине.

Говоря о географии суффиксов *-ан-и* / *-ян-и*, *-чан-и* и *-ець* (*-ци*) в Украине, следует указать, что поляки – западные соседи украинцев, – широко используя микроэтнонимы с *-анин* / *-янин*, редко употребляют микроэтнонимический суффикс *-ец* (микроэтнонимический суффикс *-ец* не употребляется в польском литературном языке, где встречаются лишь отдельные слова, заимствованные из украинского, ср. совр. польск. *Ukrainiec* [6, с. 135]).

Суффиксы *-ан-и* / *-ан-и*, *-чан-и* известны в украинских диалектах и в сокращенной форме *-ан* / *-ан* / *-чан*. Ср. микроэтнонимы Одесской области: *анкешлян*, *кульнян*, *тополян*, *тузлян* и др. Такой суффикс широко используется в западнославянских (чешском, словацком) и словенском языках, знают его как микроэтнонимический и романские языки, например, молдавский (ед. ч. *-ян*, мн. ч. *-ень*), румынский (ед. ч. *-ean*, мн. ч. *-eni*) и др.

Некоторые лингвисты считают, что украинские диалектные микроэтнонимы с *-ан* / *-ан* / *-чан* возникли как результат регрессивного словообразования от более употребительных в микроэтнонимии форм множественного числа: ср. *веричани* – *веричан* [52, с. 249], ср. также [67, с. 302].

В лингвистике обращалось внимание, что микроэтнонимический *-ан / -ан / -чан* часто встречается в украинских селах, соседних с молдавскими поселениями. Ср. в Черновицкой области микроэтнонимы *глибочан* ← укр. село Глибока, *каменчан* ← село Кам'янка и названия жителей соседних молдавских сел: *берестян* ← с. Берестя, *фороснян* ← с. Форосна, *рингачан* ← с. Рингач [19, с. 166].

В Одесской области микроэтнонимы на *-ан / -ан / -чан* также создаются а) от неславянских (молдавских) топонимов, ср. с. Рошани – *рошан*, с. Анкешляни – *анкешлян*; б) от названий сел с молдавским составом населения, ср. с. Красная коса – *косян*, с. Борисовка – *борисян*; в) от названий украинских сел, соседних с молдавскими, ср. с. Тополи – *тополян* [42, с. 76].

Микроэтнонимы на *-ан / -ан / -чан* отмечены и в Закарпатской области, которая граничит с инославянскими, в частности, словацкими территориями [52, с. 249].

Не исключая воздействия других факторов, в том числе стремления в разговорной речи к усечению, к большей краткости микроэтнонимов (ср. русск. *черapan*, русск. *белозеры* вм. *белозерцы*), все-таки следует подчеркнуть, что украинский микроэтнонимический формант *-ан* активнее выступает на границах с инославянскими и романскими поселениями (в Югославии более активное использование *-ан / -ян / -чан* отмечается в Воеводине, где сербские села находятся в непосредственной близости со словацкими и румынскими [7, с. 177], а также на побережье Адриатики, где всегда были тесными славяно-романские контакты).

Из других вариантов суффикса *-анин* в украинских диалектах представлен и *-анець* (в украинских диалектах есть и единичные примеры самостоятельного употребления сложного суффикса *-чанець*: ср. Пушкше – микроэтноним только *пушкшчанець* [11, с. 45]) < *-ан / -ин, -ец, ср.* название жителей сел Сумской области, где данный суффикс закрепляется преимущественно в единственном числе, тогда как форма множественного сохраняет суффикс *-ан-и*: с. Гончари – *гончарянець, гончаряни*, с. Фартушне – *фартушанець, фартушани*, с. Турутине – *турутянець и турутяни* и т. д.

Формирование суффикса *-анець* свидетельствует о большей активности форманта *-ець*, чем форманта *-ан-и*.

Украинские лингвисты считают продуктивными в современном украинском языке все три главных форманта: *-ець, -анин / -янин, -чанин*. Однако степень продуктивности этих суффиксов неодинакова.

Поскольку в ряде областей Украины широко представлены микроэтнонимы на *-ан-и / -ян-и*, они по „закону ряда” оказывают известное

влияние на форму соседних названий жителей. Интересные примеры влияния „закона ряда”, местной традиции на структуру микроэтнонимов, соотносительных с омонимичными топонимами, приводит В. А. Горпинич: ср. с. Кашперівка (Киевская обл.) – *кашперяни*, с. Кашперівка (Николаевская обл.) – *кашперівці*; с. Високе (Ровенская обл.) – *височани*, с. Високе (Черниговская обл.) – *високівці* [12, с. 78].

Л. А. Роднина отмечает, что в современном украинском языке микроэтнонимический формант *-анин* еще не отказался от борьбы с конкурентными суффиксами, в ряде случаев он оказывается употребительнее среди других дублетных образований: ср. *житомирянин* и менее употр. *житомирець*, *подолянин* и разг. *подоляк*, *волинянин* и *волиняк*, *волинець* (к последнему нельзя создать форму женского рода *волинка*, омонимичную названию инструмента, но ср. *волинянка*) [41, с. 194].

Однако для выяснения степени продуктивности микроэтнонимических формантов и направления словообразовательных процессов наиболее точную информацию могут дать названия жителей, являющиеся новообразованиями нашего времени.

В украинской микроэтнонимике, в работах В. А. Горпинича [12, с. 77], на основании закона омонимического отталкивания и несовместимости звуков на стыке производящей основы и суффикса (ср. неупотребительность формантов *-ець / -чанин* после аффрикат *ц, ч*, иногда после заднеязычных) сделана плодотворная попытка дать учителям школы и всем нуждающимся в этом правила образования микроэтнонимов, если последние являются регулярными образованиями, мотивированными структурой топонимов или оттопонимических прилагательных (установление правил образования микроэтнонимов – дело сложное, т. к. отклонения, вызванные аналогией, употреблением диалектных суффиксов, неупорядоченностью законов создания оттопонимических прилагательных, традиционными названиями жителей без соотнесенности с ныне существующим топонимом и т. д., нередки). Например, даже такое четкое правило, что после сельских топонимов на *-ани / -ани*, городских на *-анськ / -анськ*, разноструктурных топонимов, образующих прилагательные на *-анський / -анський*, обычно употребляется *-ець*, имеет исключение: ср. *Коритняни* (Закарп.) – *коритнянчата* (диал. суффикс *-чата*), *Куп'янск* – *куп'янчани*.

Большинство микроэтнонимов украинского языка относятся к структурно не обусловленным образованиям. Так, основы топонимов на *-к-а, -к-и, -ів, -ов-е, -ин, -ин-е* (ср. замечание В. А. Горпинича в более ранних

его работах, что суффиксы *-ан(е)*, *-чан(е)* не вступают в словообразовательные связи с основами на *-ин*, которое на русском материале (СНЖ) целиком подтверждается), *-ськ*, *-ськ-е*, *-н-е*, *-ич* и некоторых бесформантных, если они совпадают с основами оттопонимических прилагательных, могут соединяться с любым из трех главных суффиксов.

Но при образовании названий жителей от топонимов советского времени, например, с топоформантами *-к-а*, *-ов*, *-ськ*, а также от разноструктурных новых топонимов, которые не обуславливают употребление определенного микроэтнонимического форманта, большинство украинских микроэтнонимов создается по модели с суффиксом *-ець* (ср. *Чапаївка – чапаївці*, *Красний Лиман – краснолиманці* и др.), затем идет суффикс *-чанин* (ср. *Котовськ – котовчани*, *Українське – українчани* и под.) и редко встречаются формы с *-ан-и* [11, с. 42–45].

Новые микроэтнонимы с *-ан-и* возникают обычно во избежание омоимии (ср. с. *Червоне – жители червоняни*, невозможен микроэтноним с *-ець*) от основ, заканчивающихся на Ц (ср. *Козацьке*, быв. *Рошани*, *Одесск. обл. – козачани*), от основ на заднеязычные (ср. с. *Дорогий – дорожани*) и т. д. Приведенные примеры говорят о том, что активность суффикса *-анин* не утрачена, но сильно снижена.

Несмотря на известную продуктивность форманта *-анин*, в современном украинском языке в конкурентной борьбе главных суффиксов активно происходят два процесса:

а) оттеснение названий на *-ан-и* (*-ян-и*) формами с суффиксом *-ці*: *Грунівка – груняни – грунівці*, *Матусів – матусяни – матусівці*;

б) оттеснение названий на *-ан-и* (*-ян-и*), *-ці-і* формами с суффиксом *-чан-и*: *Знамирівка – знамирівці – знамирівчани*, *Добротове – добротівці – добротівчани* [12, с. 79]. Суффикс *-ець*, являющийся главным формантом в этнонимах и микроэтнонимах с иноязычной основой, в отдельных словах украинского языка четче, по сравнению с русским языком, выравнивает этноним по основному словообразовательному типу: ср. уст. *англичанин* и совр. литер. *англієць*; ср. также совр. литер. *італієць*, вытеснившее малоупотребительное, уст. *італіянин* и заимствованное из русского (с романской морфемой „*ан*”). В лингвистике не раз говорилось и о необходимости освобождения некоторых украинских и русских микроэтнонимов (и оттопонимических прилагательных, ср. укр. *анголезський*, *анголезець* вместо возможных *ангольський*, *анголець* [51, с. 227]), *італіянець* (ср. также русск. *венгр* и укр. *угорець*).

Что касается фономорфологических особенностей суффиксов микроэтнонимов и этнонимов, то украинский язык в оттопонимическом сло-

вообразовании (и прилагательных, и существительных), в отличие от русского, устойчиво сохраняет чередование согласных звуков в конце производящей основы: ср. с. Перемога – житель *переможець*, с. Дальник – *дальничанин* и т. д.

Южнославянские языки

Современный **болгарский язык** не только по инвентарю основных суффиксов *nomina nacionalia et regionalia* (-*анин*, -*чанин*, -*ец*), но и по степени продуктивности данных формантов очень близок восточнославянским языкам, в частности, русскому.

Движение суффиксов этнонимов и микроэтнонимов по стадиям продуктивности в истории болгарского языка происходило так же, как и в восточнославянских: -*анин* (-*ин*) -*ец*, -*чанин*. Здесь идет речь не о взаимовлиянии, а о параллельных процессах в словообразовании родственных языков, импульсы которых, возможно, были заложены еще в общеславянский период.

Так, если в староболгарских памятниках XIV века в качестве формантов названий жителей и лиц по национальности использовались только суффиксы -*инъ*, -*анинъ*, -*гнинъ*, то в XV в. Влаховско-молдавские грамоты впервые дают письменное свидетельство об употреблении в сфере этнонимов и микроэтнонимов суффикса -*ецъ*: *молдовенинъ* и *молдовець* [24, с. 132].

В распространении микроэтнонимов с -*ецъ* (-*ьць*) в болгарской средневековой литературе обнаруживается тенденция к сближению книжного языка с разговорным.

Формант -*чанинъ* > (-*ченинъ*) в подполе микроэтнонимов появился в болгарском языке в средние века. Например, имя жителей города Солунь в болгарских дамаскинах XVI–XVIII веков дается в таких вариантах: *соланяне*, *солънчене* [24]. В варианте *солънчене* суффикс -*чен-е* имеет самостоятельное словообразовательное значение.

В современном болгарском языке, как свидетельствуют болгаристы, суффикс -*анин* является непродуктивным или очень мало продуктивным, а суффиксы -*ец* и -*чанин* квалифицируются как продуктивные [14, с. 863; 16, с. 130].

С помощью форманта -*анин* в болгарском языке были созданы многочисленные названия жителей различных населенных пунктов: ср. *одешанин*, *парижанин*, *скопянин* и др., в том числе от топонимов, основа которых заканчивалась на заднеязычный *к* или *ц*: *Батак* – *батачанин*, *Рудник* – *рудничанин*; *Перник* – *перничанин*; *Златица* – *златичанин*;

Бистрица – *бистричанин*; *Боровец* – *боровчанин*; *Костенец* – *костенчанин* и т. д.

Если топоним оканчивается на *-ец* или *-иц-а* (названия средних или небольших населенных пунктов Болгарии), и сейчас сохраняется словообразовательная активность *-анин*, ибо вследствие закона омонимического отталкивания здесь никогда не появляется микроэтнонимический *-ец*, а по фоновоморфологическим причинам не употребляется *-чанин*.

О „побледнении” активности суффикса *-анин* в названиях жителей свидетельствует образование в болгарском языке нового форманта микроэтнонимов *-анец*: ср. *София* – *софиянец* (в прилагательном *софийски* нет наращения *ян*), *Враца* – *врачанец* (но и *врачанин*) (Иордан Займов отмечает такой наращенный суффикс и в топонимии Болгарии. Так как активность топоформанта *-ан-е* для болгарского языка закончилась в XV–XVI веках, многочисленные болгарские топонимы на *-ан-е* нередко прибавляют другие суффиксы, в том числе *-ец-*, ср. *Долане* – *Доланец* [15, с. 10]).

Продуктивный в болгарском языке суффикс *-ец* используется:

а) как в названиях жителей Болгарии – *варненец*, *плевенец*, *панатюрец*, *русенец*, *тетевенец*, *самоковец*, *сливенец*, *ямболец*, *младогвардеец*;

б) особенно часто в названиях жителей других стран и лиц по национальности: *азиатец*, *арменец*, *германец*, *унгарец*, *италианец*, *латвиец*, *шведец*, *кубинец*, *мароканец*, *тунисец*, *гоанец*, *лаосец* и т. д.

В этнонимах суффикс *-ец* стал сейчас в болгарском языке единственным продуктивным формантом, ибо суффикс *-ин* обнаруживается только в названиях национальностей, усвоенных болгарам давно (*арабин*, *белорусин*, *българин*, *русин*, *сърбин*, *татарин*, *турчин*, *французин*, *хърватин* и др.). В болгарском языке, как и в других славянских, есть примеры замены суффикса: *-ин* на *-ец*, ср. уст. *румънин* и нов. *румънец*.

В этнонимии используется и суффикс *-анец*: ср. *Катанга* – *катангский*, житель *катангец*, но и *катанганец* (В этих примерах, заимствованных из работы Е. Станкуловой [45, с. 72], интересен и вариант *катангец* (с *-гец*) и вариант *катанганец*, употребляющийся, очевидно, в связи с необычностью заднеязычного *г* перед *-ец*).

Суффиксы *-ец* и *-чанин* в болгарском языке, как и в других славянских, являются субстантивированными, соединяются с основами оттопонимических прилагательных (ср. *Варна* – *варненски* – *варненец*), поэтому их дистрибуция не определяется морфологическими качествами производящей основы.

Доминантным признаком в распределении суффиксов *-ец* и *-чанин* по основам в болгарском языке является признак семантический. Причем

дистрибуция *-ец* и *-чанин* по семантическому признаку в болгарском языке проводится более четко и последовательно, чем в восточнославянских.

Суффикс *-чанин* как специализированный формант названий жителей населенных пунктов, в том числе городов, во-первых, широко представлен в микроэтнонимах Болгарии: ср. *пловдивчане*, *никополчане*, *драголевчане*, *родопчане*, *бургасчане* и др., также названия жителей болгарских сел: *богданчанин* (село Богдан), *ведровчанин* (село Ведрово) и др.

Обращает на себя внимание, что в этой группе слов суффикс *-чанин* захватил и микроэтнонимы-композиаты (ср. село Горско Косово – *горскокосовчанин*), причем для всех новых топонимов-композиатов со второй частью *-град* в болгарском языке названия жителей создаются обычно с помощью форманта *-чанин*: ср. *Ботевград* – *ботевградчане*, *Димитровград* – *димитровградчанин* (но и *димитровец*), *Крумовград* – *крумовградчане*, *Златиград* – *златиградчане* [15, с. 11].

Во-вторых, активность суффикса *-чанин* и его семантическая определенность в болгарском языке выразительнее, чем, например, в русском, ибо рассматриваемый формант проник и на „чужую” территорию: с его помощью создаются многочисленные названия жителей иностранных городов. Ср. *белградчане*, *берлинчане*, *варшавчане*, *виенчане*, *дрезденчане*, *краковчане*, *лондончане*, *мадридчане*, *московчане*, *киевчане*, *ленинградчане* и др. Болгарский суффикс *-чанин*, в отличие от русского, не различает местные и „чужие” (иноязычные) топоосновы.

Болгарский формант *-чанин* с точки зрения фонеморфологии в ряде случаев имеет меньше ограничений, чем аналогичный суффикс в русском языке. Он используется не только в многослоговых микроэтнонимах-композиатах, но и после *н* в морфемах *-ин*, *-ан*, после сочетаний согласных: ср. *берлинчанин*, *ньюйоркчанин*, *хамбургчанин* (Обращает на себя внимание, что сочетания трех согласных в микроэтнонимах на *-чанин* возникают тогда, когда первый согласный является сонорным (ср. упоминавшееся выше русск. *катангчанин*)).

Если судить по направлению словообразовательных процессов в подполе микроэтнонимов и этнонимов, то в болгарском языке суффикс *-чанин* стремится стать единственным формантом в названиях жителей сел и городов (в том числе и иностранных).

Наступательность форманта *-чанин* в болгарской микроэтнонимии создает большое количество дублетных форм [35, с. 189] и с *-ец*, и с *-чанин*, когда варианты с *-чанин*, еще не получив права литературности, широко бытуют в народной речи: *свиленградци*, но и *свиленградчане*,

плевенец, но и *плевенчанин*, *ямболец*, но и *ямболчанин*, *елховец* и *елховчанин*, *котленец* и *котленчанин*, *габровец* и *габровчанин* и т. д.

В сербохорватском языке главным, не уступающим свои позиции суффиксом микроэтнонимов является *-анин*. Некоторые югославские лингвисты считают, что с помощью этого суффикса создается $\frac{2}{3}$ всех микроэтнонимов и этнонимов. Второе место занимает суффикс *-ац* [63].

По существующей лексикографической традиции, которая берет свое начало от первого сербского словаря Вука Караджича, где представлено 124 микроэтнонима и этнонима [18], словари сербохорватского языка (и толковые, и орфографические) обычно включают названия лица по географической и национальной принадлежности. При включении в словарь микроэтнонимы, как правило, сохраняют местную структуру названия жителя, но фонетически подчиняются нормам литературного языка (Фонетические нормы сербохорватских наречий: чаковского, кайковского и штокавского (в отдельных диалектах) существенно отличаются от литературной нормы, что сказывается на местном произношении топонима и оттопонимических образований, например, в чаковском наречии в отличие от литературного языка нет эпентенического *л*, см. подробнее об этом [59]).

Поскольку в сербохорватском языке в подполе *nomina nacionalia et regionalia* соперниками оказываются суффиксы *-анин* и *-ац*, уместно поставить вопрос об их дистрибуции.

Выше говорилось, что дистрибуция суффиксов микроэтнонимов может определяться морфологией (основы существительных или основы прилагательных), этимологией (иноязычные и „местные” основы), семантикой (топонимы, обозначающие населенные пункты, и топонимы, именующие края и страны) и фономорфологией производящих основ.

В сербохорватском языке морфологическая дистрибуция суффиксов *-анин* и *-ац* обычна для всех славянских языков: формант *-анин* является модифицирующим, а *-ац* обычно присоединяется к основе прилагательного; ср. Приштина – *приштивски* – *Приштивца*.

Что касается семантических и фономорфологических принципов дистрибуции, то в сербохорватском языке суффиксы микроэтнонимов (и этнонимов) *-анин*, *-ац* „избирают” основы прежде всего по фономорфологическому признаку.

Суффикс *-ац* может соединяться только с основами, заканчивающимися на сонант, ср. *Загорац*, *Мостаран*, *Прекодолац*, *Земунац*, *Герцеговац*, *Вальевац* и др.

(В материалах из 68 микроэтнонимов с суффиксом *-ац* нет ни одного случая присоединения этого форманта к несонантной основе, но из-

вестны уст. *Београдац* (сейчас *Београдчанин*), арх. *Загребац* или кайк. *Загребец* (сейчас *Загрепчанин*), газетное *Брчац* (*Брчко*) вместо рекомендуемого словарем *Брчак* (Ср. фамилию *Брчанин*, отмеченную в Воюевине Св. Георгиевичем [7, с. 171]).

В местных названиях жителей, о которых писали П. Скок, М. Храсте, И. Смодлака, М. Пешикан и другие лингвисты [62; 59; 63; 37], редко обнаруживаются микроэтнонимы с *-ац* после основы, не заканчивающейся сонорным звуком; но ср. *Новиградац*, *Стариградац* и немногие другие.

Таким образом, и материалы литературного языка, фиксируемые словарями, и местные названия жителей свидетельствуют о тенденции микроэтнонимического суффикса *-ац* в сербохорватском языке к соединению только с сонорными звуками (Эта фонетическая закономерность не зависит от формальной структуры самого форманта *-ац*. Так, в названиях лица по качеству-свойству, в названиях животных, в деминутивных образованиях и др. «принцип сонорности» на омонимичный *-ац* не действует: ср. *глухац*, *слепац*; *лисац*, *мекушац* (рак); *хлебац*; *пољубац* (поцелуй), *лук* – *лучац*, *крух* (хлеб) – *крушац* и др.).

Очень четко фонематическое правило дистрибуции *-ац* и *-анин* обнаруживается в названиях жителей различных краев Югославии и других стран. Лингвисты отмечают, что в названиях жителей краев в сербохорватском языке как будто бы преобладает *-ац* но только после сонорных: ср. *Посавље* – *посавски* – *Посавац*, но *Полабље* – *полабски* – *Полабљанин*, *Покупље* – *покупски* – *Покупљанин*.

Указанная фонематическая закономерность является четкой только для суффикса *-ац*. Конкурирующий формант *-анин* возможен как при несонорных (*Одеса* – *Одешани*), так и при сонорных основах (*Задар* – *Задранин*, *Нови* – *Новљани*, *Корчула* – *Корчуланин*, *Рума* – *Румљани* и т. д.).

Кроме правила сонорности, на выбор суффикса микроэтнонима в сербохорватском языке влияет и структура топонима, общеславянский закон омонимического отталкивания, обусловленный тем, что в славянских языках в топонимии и микроэтнонимии часто действуют форманты-омонимы или близкозвучные суффиксы.

Общеславянский закон омонимического отталкивания в сербохорватской микроэтнонимии действует весьма специфично в связи с особой активностью в топонимии данного языка формантов с фонетическим элементом *ц* (Об активности „ц” формантов в топонимах сербохорватского языка см. работы В. Любаша [29, с. 112–113]).

Например, восточнославянским топонимам с суффиксом *-ка* типа *Богдановка, Ивановка, Алексеевка* и под. в сербохорватском языке соответствуют многочисленные ойконимы с топоформантом *-ица*: *Богданица, Иваница, Митровица* и т. д., исключающие возможность использования микроэтнонимического *-ац* (в связи с неудобством столкновения двух *ц*).

Широко представлен на сербохорватской языковой территории и топонимический тип с формантом *-ац*. В. А. Никонов пишет, что известный почти на всех славянских землях топоформант *-ец / -ац* „преобладает в Сербии и Хорватии” в названиях населенных мест [33, с. 27]), ср. *Књажевац – житель Књажевчанин, Карловац – житель Карловчанин, Крагујевац – Крагујевачанин, Кумровац – Кумровчанин, Лесковац – Лесковчанин, Щабац – Щабчанин* и т. д.

Естественно, что продуктивность топонимических типов на *-иц-а, -ац*, а также *-овци, -инци*, т. е. ойконимов с „ц” формантами, ограничивает продуктивность суффикса *-ац* в сербохорватской микроэтнонимии.

Суффикс *-ац* продуктивен (с уже указанными фонетическими ограничениями) в микроэтнонимах, соотносительных с топонимами на *-ин, -ов-о, -ска*, т. е. топонимами, являющимися по форме субстантивированными прилагательными: ср. *Гарчин – Гарчинац, Неготин – Неготинац, Сурчин – Сурчинац, Вальево – Вальевац, Панчево – Панчевац; Финска – Финац* (Микроэтнонимы типа *Финац, Ирац, Данац*, образованные от названий стран – субстантивированных прилагательных на *-ска* (с отпадением суффикса *-ск*), – говорят о том, что для суффикса *-ац* правило „слоговости” (количество слогов производящей основы) оказывается менее важным, чем правило сонорности конца основы) и т. д.

Микроэтнонимический формант *-ац*, как правило, обязателен, если топоним заканчивается на *-ани(е), -анин*: ср. с. *Гньилане – Гньиланац; г. Зреньанин – Зреньанац*.

Известно, что сербохорватский литературный язык имеет два узаконенных варианта: экавский и йекавский. Югославские лингвисты ставили вопрос о географии суффиксов микроэтнонимов *-анин, -ац (-ец)* в кайковских говорах и пришли к выводу, что ни один из этих суффиксов не закреплен только за экавским или только за йекавским вариантом (И. Смодлака, например, указывает, что формы на *-ац* менее обычны в западных краях, но ср. названия жителей сербских городов: *Београд – Београдчанин*, а на западе *Вараждинац* (г. Вараждин в Хорватии) [63, с. 132]).

Однако обращают на себя внимание факты большей или меньшей концентрации названий жителей с *-анин* и *-ац* на сербохорватской языковой территории. Например, в Хорватском приморье, да и вообще на побережье Адриатики суффикс *-анин* преобладает даже в тех случаях, когда фонетика производящей основы не препятствует присоединению суффикса *-ац*, т. е. производящая основа заканчивается сонантом: ср. *Задар – Задранин*, *Истра – Истранин*, *Макарска – Макаранин*, *Пула – Пуланин* (но и *Пульанин*), *Трогир – Трогиранин* и др. Преобладает структурный тип на *-анин* и в старочерногорских говорах: ср. *Цетинье – Цетиньянин*, *Котор – Которанин*.

На восточных территориях сербохорватского языкового массива суффикс *-ац*, по мнению лингвистов [63], в пределах его фономорфологических возможностей действует активнее, чем *-анин*.

В ряде случаев отмечается вытеснение формами на *-ац* микроэтнонимов с *-анин* и других конкурентных образований.

Смодлака пишет, что известные по народным песням *Пазаранин*, *Призреньанин*, *Мостаранин* уступили место микроэтнонимам *Новопазарац*, *Призренац*, *Мостарац* (От топонимов Нови Пазар и Мостар употреблялись в прошлом и формы *Пазарлија*, *Мостарлија*. См. словарь Вука Караджича [18, с. 539, 413]).

Использование суффиксов *-ац* и *-анин* в сербохорватской микроэтнонимии зависит от многих причин: фономорфология производящей основы (сонорность конца основы), структура мотивирующего топонима (его формант), география микроэтнонимических словообразовательных типов.

Суффиксы *-ац* и *-анин* (*-янин*) не просто сосуществуют, они являются конкурентными формантами.

Борьба суффиксов *-ац* и *-анин* в сербохорватском языке приобретает очень сложный характер. Это наблюдается в микроэтнонимах с иноязычной основой, а также в этнонимах.

Югославские лингвисты [62, с. 65] отмечают, что суффикс *-ац* в сербохорватском, как и *-ец* в восточнославянских языках, как будто бы преобладает в названиях жителей других стран и иностранных городов, т. е. выделяется семантически, но и здесь этот формант не может полностью закрепиться в связи с фонетической закономерностью употребления только после сонорных: ср. *Алжирец*, *Бразилац* (В сербохорватском языке государство именуется Бразил – житель *Бразилац*, а столица государства Бразилиа – житель *Бразилијанац*), *Ганац*, *Израелац*, но *Индонезанин* (Индонезија), *Лаошанин* (Лаос), *Тунишанин* (Тунис).

Даже чередование конечного звука основы не препятствует здесь употреблению *-анин*, если производящая основа не заканчивается сонорным (Если производящая основа заканчивается сонорным, *-анин* в образовании „чужих” микроэтнонимов не используется. Исключения редки, ср. *Псков – Псковльанин*, Кипар – *Кипранин*). Современная сербохорватская этнонимия характеризуется большим структурным разнообразием, чем этнонимия других восточнославянских и южнославянских языков. Кроме исторически закрепившихся, уже не функционирующих структурных типов на *-ин* (*Бугарин, Сербин, Турчин*), *-ак* (*Польак, Словак*), *-ез* (*Енглез, Кинез*) (*Кинез – Кина* (Китай) и бесформантных (*Рус, Чех*), здесь в качестве продуктивных используются три форманта: *-ац* (*Ирац (Ирац – Ирска* (Ирландия), *Финац*), *-анац* (*Аустријанац*), *-анин* (*Индонезанин*), хотя функции последнего в данной категории, кажется, ослаблены (ср. *Индонезанин* и *Индонезанац*).

О. И. Ревзина, говоря о градации суффиксов по продуктивности в системе одного словообразовательного поля или подполя, отметила, что максимально продуктивных суффиксов бывает немного: от одного до трех.

В подполе *nomina nacionalia et regionalia* в русском и болгарском языках продуктивными сейчас являются два форманта: *-чанин* и *-ец*. Сербохорватский язык удовлетворяется, в основном, также деятельностью двух суффиксов: *-ац* и *-анин*. Поскольку суффикс *-анин* еще активно действует в сербохорватском литературном языке и диалектах, новые суффиксы микроэтнонимов этого языка *-чанин* и *-анац* пока не стали достойными соперниками упомянутых главных формантов. Однако продуктивность суффиксов *-анац*, *-чанин* постепенно растет, и поэтому синхронный срез словообразования названий по территориальной и национальной принадлежности в сербохорватском языке без данных суффиксов не был бы полным.

Суффикс *-чанин* М. Стеванович [46, с. 522] и др. лингвисты характеризуют как сложный, образовавшийся из *ац-* – *-анин* (Аналогичную точку зрения на образование суффикса *-чанин* высказывал А. А. Дементьев, см. „Суффиксы *-ец* и *-анин* (*янин*)” // Русский язык в школе, 1946, № 5–6, с. 17): ср. Загреб – уст. *Загребац* (*Загребен*, кайковское) – *Загребчанин*.

Фнетический вариант суффикса *-анин* / *-чанин* очень часто появлялся в сербохорватском языке в микроэтнонимах от топонимов на *-ац*; ср. *Лесковац – Лесковчанин, Карловац – Карловчанин* и т. д. В этой группе микроэтнонимов идет и процесс выравнивания немногочисленных

исключений: ср. *Крушевац* – *Крушевлянин* (от сокращенной основы топонима без *-ац*), но и разг. *Крушевчанин*.

Однако суффикс *-чанин* уже давно получил в сербохорватском языке права самостоятельности, о чем свидетельствуют такие сербские фамилии, как *Вировчанин* (топоним *Вир, Мирово*), *Ивчанин* (топоним *Иве*), *Сомборчанин* (г. Сомбор) [7, с. 171].

Хотя югославские лингвисты не пишут еще в грамматиках о самостоятельном микроэтнонимическом суффиксе *-чанин*, данные словарей, язык прессы, диалектологические исследования, где фиксируются „сельские” микроэтнонимы, позволяют судить, что количество названий жителей с этим суффиксом постепенно растет. Ср. *Загреб* – *Загребчанин* (уст. *Загребес* или *Загребцац*), *Вуковар* – *Вуковарчанин* (уст. *Вуковарац*) (Замена микроэтнонимов на *-ац* микроэтнонимами на *-чанин* (от топонимов *Загреб, Беловар, Вуковар*) отмечалась и описывалась лингвистами [30, с. 36]), ср. также *Кладово* – *Кладовчанин*, *Кральево* – *Кральевчанин*, *Лубљана* – *Лубљанчанин*, *Прилеп* – *Прилепчанин*, *Светозарево* – *Светозаревчанин*, *Чуприца* – *Чупричанин*, *Бор* – *Борчанин* (От названия города Бор микроэтноним с *-ац* – *Борац* – не возникает в связи с омонимией (в сербохорв. *борац* „борец”) и „сельские” микроэтнонимы с *-чанин*: *Батиньани* – *Батиньанчанин*, *Виньани* – *Виньанчанин*, *Окучани* – *Окучанчанин*, *Угљани* – *Угљанчанин*).

Югославский лингвист С. Маркович пишет, что суффикс *-чанин* стал в известной мере продуктивным в сербохорватском языке” [30, с. 36]. Это же подчеркивал и И. Смодлака, который заметил, что под влиянием весьма употребительного *Загребчанин* в газетах появляются даже *Берлинчани* [63, с. 134].

Итак, в сербохорватском языке обнаруживается общий для всех восточнославянских и южнославянских языков процесс утверждения самостоятельности микроэтнонимического форманта *-чанин* и наступления его на другие суффиксы. Но в сербохорватском языке суффикс *-чанин* не стал еще таким же продуктивным формантом, как в восточнославянских и болгарском. Активность формантов *-анин* и *-ац* пока препятствует самоутверждению суффикса *-чанин* на сербохорватской территории.

Суффикс *-анац* является новым продуктивным суффиксом сербохорватского литературного языка. Происхождение его двояко. Он появляется как из контаминации романского *ан* (*яан*) с суффиксом *-ас*, так и в результате соединения славянского *-ан* (*-ин*) + *-ац*. В сербохорватском литературном языке суффикс *-анац* становится продуктивным в этнонимах и названиях жителей государств, образования с *-анац* нередко вытесняют

конкурентные дублетные формы с *-ац* и *-анин*: ср. *Аустриіац* и *Аустрианац*, и *Аустраліанац*, уст. *Америчанин* и *Американац*, уст. *Афричанин* и *Африканац*, *Индонезанин* и *Индонезанац*, *Камбоджанин* и *Камбоджанац*; ср. также *Индианац* (*Иншианас* – индеец (Северная Америка), но ср. *Индианац* – житель Индии), *Сирианац*, *Перуанан*, *Чилеанац* и др.

Лингвисты отмечают, что в отличие от многофункционального и капризного в фонетическом отношении суффикса *-ац* формант *-анац* однозначен и обладает способностью присоединения к основам, заканчивающимся на различные согласные и гласные звуки [37].

В собственно югославских микроэтнонимах формант *-анац* (и его вариант *-чанац*) еще не получил широкого распространения, хотя образования с ним известны и на юго-востоке (ср. Вранье – *Враньянац*, Скопье – *Скопьянац*), и на западе Югославии (ср. Драганичи – *Драганичанац*).

В лингвистике отмечено, что и на Адриатическом побережье (Истра, Далмация) наряду с весьма употребительными микроэтнонимами на *-анин* встречаются формы на *-анац*: ср. дублеты Шибеник – *Шибенчанин* – *Шибенчанац* (Конечно, если активность суффиксов *-чанин*, *-анац* будет расти, то в сербохорватском языке в подполе *nomina nationalia et regionalia* постепенно изменится и градация суффиксов по продуктивности, и принципы дистрибуции суффиксов по производящим основам, и, наконец, понятие регулярности образований в данном классе слов. Ср. „незаконные” образования типа *Виньянчанин* (топоним на *-ани* – *Виньяни*, казалось бы, не допускает ни *-анин*, ни *-чанин*, а обуславливает микроэтноним на *-ац* и под.) [59, с. 63].

В литературном македонском языке среди суффиксов *nomina nationalia et regionalia* *-анин* (*-чанин*) (ср. *вербичани* – с. Вербица, *балдовчани* – с. Балдовци, г. Куманово – *кумановчанин*), *-ец* (ср. *Австриец*, *Албанец*, *Македонец*), *-анец* (*-чанец*) (ср. *Англичанец*) последний стал самым продуктивным и в названиях жителей населенных пунктов, и в названиях представителей народностей [6, с. 136].

Сравнительная новизна суффикса *-анец* (*-чанец*) и связь по происхождению с суффиксом *-ан-и* (*-ан-ин*) проявляется в том, что во множественном числе микроэтнонимы на *-анец* (*-чанец*) имеют формы *-ан-и*: ср. *селанец*, но *селами* (Аналогичное явление, как было сказано выше, отмечается в украинских диалектах, где суффикс *-анец* (*-чанец*) употребляется только спорадически).

Словенский язык имеет два основных суффикса для обозначения национальной и территориальной принадлежности: *-ее* и *-јати* (*-ан*, *-сан*) и по инвентарю суффиксов этнонимов и микроэтнонимов занимает

срединное положение между южнославянскими и западнославянскими языками. С западнославянскими языками словенский объединяет *-jan (-an, -can)* (Близость словенского языка в словообразовании к западнославянским отмечалась лингвистами и в гибридных дериватах (соединение заимствованных формантов с собственно славянскими производными основами) [27, 10]), а с южнославянскими – суффикс *-ec* и, кроме того, употребительный в диалектах микроэтнонимический суффикс *-ap* (ср. *Bregar, Bregarji* – живущие на берегу, *Dolar, Doljari* – живущие в долине, *Dragar (draga* – ров, овраг), *Gricar, Gricarji (gric* – холм) и др. (см. подробнее об этом в статье проф. И. Дуриданова [14, с. 868]. См. также использование форманта *-ap* как этнонимического в немецком, ср. старонемецкое *Beheimare* (чехи) [161, с. 33]), который только в южнославянских языках (из славянских) является формантом названий жителей.

Взаимоотношения между главными суффиксами *-ec* и *-jan* внутри подполя *nomina nationalia et regionalia* базируются, в основном, на дистрибуции по семантике основ. Суффикс *-ec* очень продуктивен:

а) в названиях по национальности (если этноним является географическим, т. е. произведен от топонима) (См. подробнее об этом: [14, с. 868]; ср. также использование форманта *-ap* как этнонимического в немецком, ср. старонемецкое *Beheimare* (чехи) [161, с. 33]); б) в названиях жителей стран и краев (иностраннных, а также областей Югославии и Словении). Реже суффикс *-ec* функционирует в названиях жителей городов.

Антон Баец [53] отмечает, что суффикс *-ec* в словенском, как и в других славянских, обычно соединяется с основами прилагательных (в словенском, как и в других славянских, многие названия стран и краев являются по форме субстантивированными прилагательными). В словенском языке суффикс *-ec* отмечается преимущественно в соединении с сонорными, но этот фонеморфологический принцип здесь (в отличие от сербохорватского) не выдержан так четко.

В некоторых словах элемент *-an* появляется из какого-либо романского этнонима или микроэтнонима, приспособившегося к структуре словенского языка: ср. итал. *Italiano* – слов. *Italian*, латинск. *poganus* – слов. *pogani* (язычник). Суффикс *-jan (-an)* часто вызывает чередование звуков на стыке с основой: *g – z, z – z, c – c, k – c, t – c*. Самостоятельно (не как вариант форманта *-jan*) иногда выступает и *-can*: ср. *Dunajcan* (Dunaj), *Moskovcan* (Moskva, moskovski), *Kanadcan* (Kanada). Суффикс *-can* иногда появляется как сложный (*-ec- / -jan*), что обнаруживается

в смене названий жителей главного города Словении – Любляны: ср. *Ljubljana* (топоним этнонимического происхождения, вероятно, первоначально *Ljubljana* -> уст. *Ljubljanec* – *Ljubljancan* [53, с. 110].

В западнославянских языках: чешском, словацком, верхнелужицком и нижнелужицком (в последних двух только в литературных вариантах, а не в диалектах: см. 67, с. 303) главным суффиксом и этнонимом, и микроэтнонимом является суффикс *-an (-jan)*.

В чешском и словацком языках суффикс *-an (-jan)* является семантически не отмеченным, он используется в названиях жителей городов и сел Чехословакии, в названиях жителей краев, стран, а также в существительных, обозначающих лицо по национальной принадлежности: ср. чешск. *Brnan, Plzenan, Hradecan (Hradec), Moravan, Bosnan, Evropan, American, Moskovan, Varsavan*, словацк. *Holandan, Egyptan* и др.

Продуктивность суффикса *-an (-jan)* в микроэтнонимах с иноязычными основами в западнославянских языках подтверждается новыми образованиями типа чешск. *Angolan, Goan, Indonesan, Kambodzan* и пр.

Суффикс *-an (-jan)* является модифицирующим, он образует этнонимы и микроэтнонимы от полных (ср. *Prah(a)* – *Prazan* и усечённых (ср. *Sy(rie)* – *Syran*) основ топонимов.

И в чешском, и в словацком языках намечается тенденция к устранению чередований на стыке основы и суффикса *-an (-jan)* или тенденция к непереходному смягчению согласных (*d-d'*, *t-t'* и т. д.).

Массив слов на *-an* пополнялся в чешском и словацком языках за счет структурной „подгонки” латинских прилагательных на *-anus*. Ф. Травничек указывал, что суффикс *-itan* в микроэтнонимах *Neapolitan, Samaritan* не является словообразовательным формантом чешского языка. „Оба эти имени являются по происхождению субстантивированными иностранными прилагательными на *-anus*, принявшими чешскую форму” [48, с. 187].

Суффикс *-can* возник в западнославянских как вариант *-jan*, однако продуктивность самостоятельного форманта *-can* сейчас резко возрастает: ср. словацк. *Bratislavcan, Plzencan, Partizancan* и др. (словацкие лингвисты говорят, что вспышки продуктивности *-can* имели место и раньше в словацком языке [58, с. 94]).

Суффикс *-ec* менее употребителен, чем *-an (-jan)*, но все же продуктивен, особенно в именах, означающих принадлежность к нации, народности, стране, краю: ср. чешск. *Moravec*, словацк. *Malajec, Korejec*.

Морфологическая характеристика производящей основы для суффикса *-ec* та же, что и в других славянских языках (основа прилагательного на *-sky*).

Суффикс *-ec* участвует и в славянизации латинских прилагательных на *-anus*, *-inac*: ср. *Dalmatinec*, *Bizantinec*, *Levantinec* и др.

Используют чешский и словацкий языки суффикс *-ec* и в „местных” микроэтнонимах, особенно соотносительных с топонимами на *-any*: ср. словац. *Topolcan(y) -ec* и т. д.

Суффикс *-ak*, более активный в западнославянских языках, чем в восточно- и южнославянских, в чешском и словацком обычно выступает в разговорных, дублетных формах, не имеющих прав литературности, нередко несущих оттенок грубоватого и даже бранного слова: ср. словацкий разг. *Bratislavak* и лит. *Bratislavcan*, разг. *Plzeniak* и лит. *Plzencan*; ср. также чешские разг. *Moravak* и лит. *Moravan*, разг. *Slezak* и лит. *Slezan*.

Однако встречаются формы с *-ak* и в качестве единственных микроэтнонимических названий: ср., например, словац. *Bosniak*.

Польский литературный язык использует три главных суффикса для образования микроэтнонимов и этнонимов: *-ak*, *-anin*, *-czyk* (В диалектных микроэтнонимах польского языка эти суффиксы (за исключением *-czyk*) также являются основными, но, кроме них, используются форманты *-ec*, *-owiec*, *-ik*, *-in* и *-arz* (редко) (*Język polski*, XII, I, s. 79).

Инвентарь главных суффиксов микрополя *nomina nationalia et regionalia* в польском языке как западнославянском специфичен. Во-первых, благодаря форманту *-anin* польский язык сближается с восточно- и южнославянскими. Во-вторых, суффикс *-czyk* в качестве микроэтнонимического и этнонимического известен только польскому языку и отделяет польский от всех других славянских.

Главные суффиксы микроэтнонимов и этнонимов появились в польском языке в разные исторические периоды: наиболее древним является *-anin*, восходящий к праславянской эпохе; давность форманта *-ak* в этнонимической функции свидетельствуется словом *Polak*, заменившим более древнее *Polanin* в XIV–XV веках [64, с. 267], вторичный суффикс *-czyk*, возникший в результате переразложения производящей основы под влиянием *-czuk* стал очень продуктивным и в этнонимах, и в микроэтнонимах уже в XVI–XVII веках: ср. устар. *Azjatzcyk* и совр. *Azjat*, устар. *Ukraińczyk* и совр. *Ukaiinieci*, устар. *Krakowczyk* и совр. *Krakowianin* и др. [57, с. 203].

В современном польском языке главные суффиксы названий лица по географической и национальной принадлежности стремятся к дистрибуции по основам, обусловленной происхождением мотивирующего слова-топонима: форманты *-ak* и *-anin* преимущественно используются в названиях жителей Польши (ср. Podhale – *Podhalanin* – житель польских Татр и т. д.), а суффикс *-czyk* соединяется обычно только с иноязычными топоосновами (ср. *wiedeńczyk* (житель Вены)).

Говоря о распределении формантов по основам, следует различать современное словопроизводство и словоупотребление некоторых микроэтнонимов и, особенно, этнонимов с суффиксами *-ak* и немногие другие подобные (В. Дорошевский подчеркивает, что „названия на *-ak* образуются скорее от названий городов, чем краев” [56, II, с. 539]); ср. также редкий „местный” микроэтноним с суффиксом *-czyk* – *Poznańczyk*, структура которого, возможно, объясняется законом омонимического отталкивания.

Местные суффиксы польских микроэтнонимов *-anin* и *-ak* часто образуют дублетные формы, особенно в названиях жителей польских городов: ср. *warszawianin* и *warszawiak*, *lublanin* и местн. *lubelak* (прил. *lubelski*).

Микроэтнонимы-дублеты с формантом *-ak* носят разговорный, фамильярный характер, но, по мнению польских лингвистов, в частности В. Дорошевского, эти формы в современном польском языке утратили присущий им прежде негативный оттенок [56, I, с. 616]. Однако, несмотря на большую активность суффикса *-ak* в польском, слова-дублеты типа *warszawiak* пока не оказались победителями в конкурентной борьбе с названиями жителей на *-anin*. Микроэтнонимам на *-ak* мешает не только „разговорность”, но и отсутствие параллельных форм женского рода типа *warszawiaczka*, в которых обязательно почувствовался бы оттенок неприязни к называемому лицу: названия жительниц на *-czka* имели бы сниженную эмоциональную окраску из-за звучания, ср. узаконенные формы женского рода *warszawianka* [56, I, с. 617].

Суффикс *-anin* обычно вызывает чередование последней согласной основы. Процесс утраты чередования или смягчения конечного согласного перед суффиксом *-anin* в польском языке наблюдается обычно только в том случае, если основа – иноязычный топоним: ср. *Amerukanin*.

Суффикс *-czanin* (-чанин), известный другим славянским языкам, не отмечается польскими грамматистами как самостоятельный формант, хотя в качестве варианта он регулярно появляется в польских микро-

этнонимах после основ, заканчивающихся на согласные *c* или *k*: *Kielce* – *kielczanie*. Однако в газетах встречаются и единичные „неправильные” формы с самостоятельным суффиксом *-czanin*, которые пока вызывают осуждение лингвистов [55, с. 159].

Суффикс *-anin* в диалектах на юге Польши выступает в сокращенном варианте *-an* (в польском литературном языке используется математический термин *krakowian*, образованный в честь польского математика Тадеуша Банахеви́ча, родом из Кракова) [56, II, с. 227]).

Специфичный для польского языка суффикс *-czyk* является продуктивным не только в микроэтнонимах с иноязычной основой, но и в этнонимах географического происхождения: ср. *Angolczyk*, *Meksykańczyk* (хотя новые названия лица по национальной принадлежности в польском языке нередко создаются с помощью суффикса *-czyk* (если этноним и название жителя страны совпадают), в целом польская этнонимия характеризуется значительным структурным разнообразием (с небольшими островками слов на *-ak*, *-anin*), обусловленными конкретной историей отдельных слов-этнонимов, а также отсутствием специальных, собственно этнонимических словообразовательных типов, каким когда-то был тип с формантом *-in* (ср. устар. *Węgrzyn*, *Turczyn* и др.). О структурном разнообразии польской этнонимии свидетельствуют такие примеры: *Anglia* – *Anglik*, *Albania* – *Albańczyk*, *Austria* – *Austriak*, *Francja* – *Francuz*, *Słowenia* – *Słoweniec*, *Turcja* – *Turek*, *Hiszpania* – *Hiszpan*, *Holandia* – *Holender* и др.).

Продуктивность суффикса *-czyk* подчеркивается появлением в языке газет параллельных форм с этим суффиксом к старым этнонимам, например: *Fin* и *Finlandczyk*.

Очень активный в подполе этнонимов и микроэтнонимов суффикс *-czyk* выступает и в усложненных вариантах *-ijczyk*, *-ańczyk* (ср. *Kongijczyk*, *Malijczyk*, *Somalijczyk*, *Samończyk* и другие новые образования).

Кажется, что суффикс *-czyk* стремится размежеваться с другими главными суффиксами микроэтнонимического характера *-ak* и *-anin* не только семантически, но и морфологически.

Так, польские лингвисты подчеркивают обязательную соотносительность форманта *-ijczyk* и суффикса оттопонимических прилагательных *-ijski*: ср. *Kongo* – *kongijski* – *Kongijczyk*, *Togo* – *togijski* – *Togijczyk*, ср. также *Europa* – *Europejski* – *Europejczyk*.

В приведенных примерах формант *-czyk* присоединяется не к основе топонима, а к адъективной основе, выступает как субстантивизирующий суффикс, чем отличается от модифицирующих микроэтнонимических формантов *-anin* и *-ak*.

Разумеется, нельзя абсолютизировать путь „оттопонимическое прилагательное – микроэтноним”, потому что нередок и обратный процесс: ср. польск. *Zakopian – zakopiański, bukowian – bukowiański*; ср. также укр. с. *Ужок – ужани*, прилагательн. *ужоцький* и *ужанський*.

Выводы

1. Хотя словообразовательные подполя *nomina nationalia et regionalia* по инвентарю формантов, их продуктивности, дистрибуции по основам имеют существенные различия в разных славянских языках, обнаруживаются и **общеславянские тенденции** в словообразовательных процессах и структуре названных микрополей.

а) Все славянские языки захватил процесс образования новых суффиксов микроэтнонимов, которые в древнейший период существования славянских языков, засвидетельствованный в письменности, не использовались как самостоятельные форманты. Это суффиксы с фонетическим элементом Ч: ср. восточнослав. и южнослав. *-чанин*, южнослав. *-чанец*, западнослав. и словенск. *-can*, польск. *-czyk*.

б) Славянские языки в их современном состоянии характеризует явление специализации суффиксов в подполе этнонимов и микроэтнонимов, резкий разрыв между немногими главными продуктивными суффиксами (от одного до трех) и суффиксами малопродуктивными, устаревшими и диалектными.

в) Словообразовательное подполе *nomina nationalia et regionalia* во всех славянских языках оказывается внутренне упорядоченным не только в связи с четкой специализацией, но и потому, что среди главных суффиксов в каждом славянском языке наблюдается тенденция размежевания по производящим основам в соответствии с семантическим, фонеморфологическим и морфологическим принципом. Морфологическая дифференциация по основам является общей для всех славянских; так, например, суффиксы *-eu*, *-au* относятся обычно к субстантивизирующим, а суффиксы *-janin* (*-анин*), *-jan* (*-ан*) – к модифицирующим.

Разделиться по основам главные суффиксы микроэтнонимов и этнонимов должны обязательно, потому что в литературных языках они не имеют дополнительных смысловых оттенков, выступают как абсолютно тождественные по значению, с единой семантикой: наименование лица по географической или национальной принадлежности.

г) Для славянских языков характерен процесс суффиксального выравнивания, славянизации с помощью собственных формантов иноязычных

этнонимов и микроэтнонимов. Функцию славянизации чужих названий в большинстве славянских языков выполняет формант *-eц(-ec)*, *-aц* (в сербохорват.): ср. русск. *конголезец* < фр. *Kongolais* + *eц*; сербохорв. *Далматинац* < ит. *dalmatin/o* + *eц.*; слов. *sicilianec* < ит. *sicilian/o* и т. д.

В сербохорватском языке функцию славянизации может выполнять и суффикс *-janin-*. ср. *Malta – Maltez(e)janin – Maltezanin*. Процесс славянизации может осуществляться и отсечением в иноязычном микроэтнониме чужого суффикса.

д) Ряд славянских языков захватила тенденция к выравниванию основы микроэтнонима по основе топонима, к исчезновению чередований на стыке основы и суффикса в подполе этнонимов и микроэтнонимов. Фонетическая неизменяемость основ в конечном итоге устанавливает более тесную связь микроэтнонимов с топонимами. Эта тенденция ярче проявляется в русском, чешском, словацком; но данный процесс еще не получил своего выражения в украинском, польском, сербохорватском.

е) Для славянских языков характерна градация по степени действенности фонеморфологических законов (при образовании микроэтнонимов и этнонимов). При одновременном воздействии на словообразовательный процесс нескольких фонеморфологических закономерностей более действенными, первостепенными являются правила „отсутствия чередования на стыке с основой или наличия такового” и „совместимости или несовместимости звуков конца производящей основы и суффикса”. Менее действенными являются правила „слогового равновесия основы и суффикса”, „постоянного или непостоянного ударения в деривате”.

2. Восточнославянские и южнославянские языки в подполе этнонимов и микроэтнонимов характеризует:

а) одинаковый инвентарь главных суффиксов и рост продуктивности самостоятельного форманта *-чанин*;

б) различная степень продуктивности структурно единых суффиксов: ср. суффикс *-janin (-anin)* – непродуктивен в болгарском, мало продуктивен в русском, продуктивен в сербохорватском, где он соединяется с иноязычными топонимами и славянизирует чужие этнонимы и микроэтнонимы; суффикс *-чанин* – весьма продуктивен в болгарском, продуктивен в восточнославянских, значительно менее продуктивен в сербохорватском;

в) различный доминантный принцип размежевания суффиксов по производящим основам: в восточнославянских и болгарском языках форманты „избирают” основы по семантическому признаку, причем в болгарском он более выдержан, в сербохорватском фонеморфология основы определяет употребление того или иного суффикса.

3. **Восточнославянские** языки характеризуются семантическим критерием (в разграничении главных суффиксов *-чанин* (названия жителей населенных пунктов) и *-ец* (этнонимы и микроэтнонимы с иноязычной основой) и общим процессом затухания активности суффикса *-анин* (*-анин*), продуктивность которого, кажется, неодинаково проявляется по отдельным языкам.

4. **Южнославянские языки** отделяют от восточнославянских наличие в литературных языках нового суффикса *-анец*, проявляющего неодинаковую продуктивность в сербохорватском, македонском и болгарском.

Южнославянские языки отличаются от всех славянских и использованием диалектного микроэтнонимического *-ар* (*-ar*).

5. **Западнославянские языки** и словенский объединяются наличием основного суффикса микроэтнонимов и этнонимов *-ан*. Особняком среди западославянских и всех славянских вообще стоит польский язык, имеющий микроэтнонимический формант *-czyk*.

6. При изучении микроэтнонимов славянских языков обязательным является сопоставление суффиксов названий жителей со структурой топонимов каждого отдельного славянского языка.

Закон „омонимического отталкивания”, обусловленный структурной тождественностью формантов в славянской топонимии и микроэтнонимии, а также фономорфологическая несовместимость конца основы некоторых топонимов (и оттопонимических прилагательных) с определенными формантами названий жителей предопределяют регулярность ряда словообразовательных типов микроэтнонимов.

В своеобразии топонимии каждого славянского языка заложены причины большей или меньшей и продуктивности, и регулярности использования микроэтнонимических формантов.

7. Сопоставление подполя микроэтнонимов и этнонимов в разных славянских языках дает основание высказать некоторые соображения (Поскольку сбор микроэтнонимов на славянских территориях еще очень далек от завершения, эти предварительные выводы будут в дальнейшем уточняться) об **ареалах распространения микроэтнонимических суффиксов на славянских территориях.**

Все восточнославянские и южнославянские языки объединены главными суффиксами *-ец* (*-ac*), *-јанин* (*-анин*), *-чанин*. Словенский язык соединяет с южнославянскими суффикс *-ес*.

Польский близок восточнославянским по наличию *-јанин* (*-анин*), которого не знают другие западославянские; польский язык, несмотря на все своеобразие структур микроэтнонимических формантов этого языка, с другими западославянскими объединяет суффикс *-ак*.

География славянских микроэтнонимов еще не изучена до конца, од-

нако обращает на себя внимание, что восточнославянские и южнославянские языки в диалектах знают главный микроэтнонимический суффикс западнославянских языков *-an*), особенно на границе с инославянскими и романскими поселениями.

Список использованной литературы

1. Абаев В. И. Этнические названия на *-ец* в русском языке // Вопросы культуры речи, 1959, № 2.
2. Абдуллаев А. А. Давно ли появились *-чане*? // Русская речь, 1967, № 1.
3. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. – М., 1949.
4. Арутюнов С. А. „Этнонимы” (рецензия) // Вопросы языкознания, 1971, № 4.
5. Белич А. Основы истории сербохорватского языка. Фонетика. – Београд, 1969.
6. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. – Київ, 1966.
7. Св. Георгиев. Наш език, VII, св. 5-6, Београд, IV.
8. Горпинич В. О. Матеріали до словника назв жителів Сумщини. Глухівський державний педагогічний інститут. Тези доповідей та повідомлень звітної-наукової конференції. – Глухів, 1966.
9. Горпинич В. А. Словообразование имен прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1966.
10. Горпинич В. О. Словотвір назв мешканців на *-чани* в східнослов'янських мовах // Питання словотвору східнослов'янських мов. – Київ, 1969.
11. Горпинич В. О. Словотвір сучасних назв мешканців // Повідомлення української ономастичної комісії. – Київ, 1968.
12. Горпинич В. О. Назви мешканців в українській мові // Українська мова і література в школі, 1971, № 3.
13. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
14. Дуриданов И. Един непознат словообразователен тип в български жителски имена на *-ар* // Известия на Института за български език, кн. XIX.
15. Займов И. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров // Проучаване на жителските имена в българската топонимия. – София, 1967.
16. Захаревич Е. А. Производные основы со значением лица в со-

- временном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М., 1959.
17. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. – М., 1964.
 18. Вук Ст. Караџић. Српски рјечник, 1818 (Београд, 1964).
 19. Карпенко Ю. О. Слов'яно-романські взаємини у буковинській топонімії // Славистичний збірник. – Київ, 1963.
 20. Ковалик І. І. Словотворча категорія слов'янських назв осіб за їх національною і територіальною приналежністю // Питання слов'янського мовознавства, кн. 5. – Львів, 1958.
 21. Кожин А. И. О роли звукового фактора при формировании слова // Питання словотвору східнослов'янських мов. – Київ, 1969.
 22. Коневски Б. Граматика на македонскиот литературен јазик, I–II. – Скопје, 1967.
 23. Косовский Б. И. К вопросу о типах суффиксального словообразования существительных в языке белорусской народности // Уч. зап. Белорусского университета, вып. XXVII, сер. филологическая. – Минск, 1956.
 24. Кочева Е. За някои особености на жителските и народносните названия в дамаскните // Славистичен сборник. – София, 1968.
 25. Левашов Е. А. Москвичи и иных мест люди. – Л., 1968.
 26. Левашов Е. А. Ростовчане, псковичи, кокчетавцы // Русская речь, 1971, № 5.
 27. Леков Иван. Распространението на един смесей вид на словообразуване в славянските езици // Славистичен сборник, т. 1. – София, 1958.
 28. Леков И. Словообразователни склонности на славянските езици. – София, 1958.
 29. Лубаш В. Посесивна функция суффикса *-ица* у јужнословенской топонимии // Наш језик, кн. XV, св. 1–2. – Београд, 1966.
 30. Маркович С. // Наш језик, кн. XIII, 1–2. – Београд, 1963.
 31. Москович В. А. Глубина и длина слова в естественных и искусственных языках // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969.
 32. Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. – М., 1970.
 33. Никонов В. А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии, сб. 58, – М., 1962.
 34. Першина К. Словообразовательные типы топонимов Донбасса // Питання словотвору східнослов'янських мов. – Київ, 1969.

35. Петканов И В. Наставките *-ин и -ист* в българския език // Български език, XX, 1970, кн. 2–3.
36. Петровичева Г. И. Живут ли „мамки” в поселке Мама? // Русская речь. 1967, № 6.
37. Пушикан М. Наш језик, кн. IX, св. 5–6, – Београд, 1958/1959.
38. Подольская Н. В., Суперанская А. В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания, 1969, № 4.
39. Потиха З. А., Гончарова Т. А. О названиях жителей РСФСР // Материалы XXI научной конференции. – Волгоград, 1966.
40. Прокопчук О. Д. Русские названия жителей иностранных городов и государств. – Одесский госуниверситет, кафедра общего языкознания, 1970.
41. Роднина Л. О. Варіанти назв осіб за місцем проживання і національністю в сучасній українській мові // Славистичний збірник. – Київ, 1963.
42. Сиркизюк Е. И. Названия жителей Одесской области. – Одесский госуниверситет, кафедра общего языкознания, 1970.
43. Словообразование современного русского литературного языка. – М., 1968.
44. Словарь названий жителей РСФСР. – М., 1964 (СНЖ).
45. Станкулова Е. За образуването на нови народности названия за лица в славянските езици // Славистичен сборник. – София, 1963.
46. Стеванович М. Савремени српскохрватски језик, I. – Београд, 1964.
47. Спасова А. Словообразователната функция на суффикс *-ец* в днешния книжовен български език // Български език, II. 1952.
48. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. – М., 1950.
49. Ухмылина Е. В. Названия и прозвища русского населения Горьковской области. Этнонимы. – М., 1970.
50. Членов М. А. О некоторых индонезийских этнонимах (к вопросу об этнонимической классификации). Этнонимы. – М., 1970.
51. Чучка П. П. До питання нормалізації словотвору відтопонімічних прикметників // Про культуру мови. – Київ, 1964.
52. Чучка П. П. Назви жителів Закарпаття за місцем їх проживання або народження. Питання ономастики. – Київ, 1965.
53. Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. – Ljubljana, 1950.
54. Brodowska-Honowska M. Nazwy mieszkańc6w w језыku staro-cerkiewno-slowiańskim // Onomastica. – Wrocław-Krak6w,

1960. Bacność // *Język polski*, XXXV, 2.
55. Doroszewski W. O kulturze słowa // *Poradnik językowy*, t. I. Warszawa, 1962, t. II, Warszawa, 1968.
 56. Klemensiweicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. *Gramatyka historyczna języka polskiego*. – Warszawa, 1955.
 57. Horecky I. *Slovotvorna sustava slovinciny*. – Bratislava, 1959.
 58. Hraste M. Tvorba etnika i ktetika u hrvatskosrpskom jeziku // *Jezik*, XII, 1964 / 1965, sv. 4.
 59. Hraste M. Genovezanin ili Genovez // *Jezik*, XII, 1964 / 1965, sv. 4.
 60. Rospond S. *Onomastica slavogermanica*, II, Wrocław, 1968.
 61. Skok P. Tvorba imena stanovnika od imena naselja i oblasti // *Jezik*, II, 1954, sv. 3.
 62. Smodlaka J. Imena niesta i mestana na tlu Jugoslavije // *Prilog Vjesnika za archeologiju i historiju dalmatinsku*, sv. LII. – Split, 1946.
 63. Slisz M. Polanin – Polak – Polska // *Język polski*, 4, 1971.
 64. Pomianowska W. Klasyfikacja rzeczowników odrzeczownikowych. *Prace językoznawcze*, 35. – Wrocław–Warszawa–Kraków, 1963.
 65. *Pravopis hrvatskosrpskog jezika*. – Zagreb, Novi Sad, 1968.

К ВОПРОСУ О ДИСТРИБУЦИИ ФЕМИННЫХ СУФФИКСОВ В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

// *Зборник за филологију и лингвистику*. – Нови Сад, 1974. – Књ. XVII / 2. – С. 111–117.

Существительные с феминными суффиксами образуют особое лексико-словообразовательное микрополе *nomina feminina*, где действуют синонимичные словообразовательные форманты, дистрибуция которых по основам обычно специфична для каждого славянского языка при условии относительно одинакового инвентаря главных феминных суффиксов во всех славянских.

Микрополе *nomina feminina* в некоторых славянских языках подвергалось специальному изучению, причем следует отметить, что большое внимание славянским феминным суффиксам уделяли русские и украинские лингвисты (см. 4; 5; 6; 7).

В сербохорватском языке группа феминных суффиксов (в русской лингвистике „феминные” суффиксы называются иногда „суффиксами

женскости”) целиком (в их связях с производящими основами, в соотношениях формантов по позициям продуктивности и т. д.) пока еще достаточно не изучена. К главным феминным суффиксам сербскохорватского литературного языка лингвисты относят *-иц-а*, *-к-а* (и его сложные варианты), *-ињ-а*, *-кињ-а*.

Наиболее интересные наблюдения над некоторыми феминными суффиксами сербскохорватского языка представлены в известной монографии Радосава Бошковица „Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници” [3].

В соответствии с основной задачей своего исследования – выделить структурно и функционально особые суффиксы в южнославянских языках по сравнению с другими славянскими – Радосав Бошковиц детально изучает суффикс *-иц-а*, активное использование которого в моционной функции отделяет южнославянские, особенно сербскохорватский, от всех иных славянских.

Автор рассматриваемой монографии сопоставляет образования с суффиксом *-иц-а* и его конкурирующим феминным формантом *-к-а*, менее активным в южнославянских языках, особенно в сербскохорватском ареале, по признаку коррелятивности с существительными мужского рода различного структурного оформления: с суффиксами *-ач*, *-ар*, а также *-аш*, *-ац* и др. (Р. Бошковиц в качестве производящих основ рассматривает только маскулинные образования со славянскими (не иноязычными) формантами).

Очень интересными являются наблюдения Р. Бошковица о том, что суффикс *-к-а* в моционной функции в сербском и хорватском языке никогда не корреспондирует с названиями мужского рода на *-ач*, *-аш*, но может, параллельно с суффиксом *-иц-а*, употребляться при создании женских коррелятов к существительным мужского рода на *-ар*, *-ац*.

В настоящей статье речь пойдет о синонимичных феминных суффиксах *-к-а* и *-кињ-а* и принципах их дистрибуции в сербском и хорватском языке. Форманту *-кињ-а* в отличие от его конкурентов *-к-а* и *-иц-а* пока еще не уделялось достаточное внимание в лингвистике.

Суффикс *-к-а*, хотя он, по мнению Бошковица, ограниченно продуктивен в моционной функции в сербскохорватском языке вообще, весьма активен как феминный суффикс в этом языке в словообразовательном микрополе *nomina nationalia et regionalia*. Поэтому целесообразно начать рассмотрение словообразовательных связей суффикса *-к-а* с производящими основами именно на материале указанного микрополя.

Инвентарь феминных суффиксов *nomina nationalia et regionalia* в ли-

тературном сербскохорватском языке ограничен формантами *-к-а*, *-ак*, *-иц-а*. Суффикс *-иц-а* в данной категории слов в литературном сербском и хорватском языке сохраняется только лексически и отмечается лишь в немногих словах: *Немица*, *Хрватица*, *Мађарица*, *Сремица* (но и *Сремка*, *Сремкиња*).

Основными суффиксами женскости в микрополе *nomina nationalia regionalia* являются *-к-а* и *-кињ-а*, причем в югославской лингвистике не раз подчеркивалось, что „можно отметить только тенденцию, что преобладает суффикс *-к-а*” [14, с. 78], что „суффикс *-кињ-а* продуктивен, в основном, там, где суффикс *-к-а* неудобно употреблять” [8, с. 205].

Если суффикс *-к-а* в каких-то случаях неудобно употреблять, то необходимо было изучить его дистрибуционные ограничения в микрополе *nomina nationalia et regionalia*.

Акад. Петар Скок еще в 1954 году писал, что *-кинја* появляется вместо *-к-а*, если основа существительного мужского рода заканчивается одним из таких суффиксов: *-ez* < ит. *ese* (ср. *Englez – Engleskinja*); *-in* (ср. *Srbín – Srpkinia*), *-јак*, *-ак* (ср. *Poljak – Poljakinja*, здесь, по сути дела, речь идет о суффиксе *-инја*) или основа мужского рода односложна (ср. *Rus – Ruskinja*) [14, с. 78]. Возникает вопрос, не подчиняются ли эти отдельные правила какой-то одной общей закономерности.

Митар Пешикан, продолжая наблюдения П. Скока, заметил, что в названиях жительниц суффикс *-киња* редко употребляется от основ на сонант, в то время, как его конкурент – формант *-к-а*, как правило, используется после основы с сонантным концом [8, с. 203]. В извлеченном нами материале из Обратного словаря сербскохорватского языка (М. Р) обнаружено 263 названия жительниц и этнонимов женского рода с суффиксом *-к-а* и его вариантами (*-анка* при относительности с *-анин*, *-чанка* – при соотносительности с *-чанин*) 49 слов с суффиксом *-кињ-а*.

Несмотря на большую активность суффикса *-к-а* в микрополе названий лица по месту жительства и национальности, данный формант морфонологически ограничен только основами на сонант, т. е. употребляется после *l, lj, j, n, nj, m, r, v* (к сонантам в сербскохорватском языке относятся *л, ль, р, н, нь, м, в, ј*; см. 2, с. 55). Исключения, т. е. употребление *-к-а* после несонантной основы, единичны; *Arapka* (но есть и *Arapkinja*), *Srpka* (уст.) – совр. *Srpkinja*.

Морфонологические особенности *-к-а* в рассматриваемом микрополе, вероятно, вторичны, вызваны к жизни тем обстоятельством, что в сербском и хорватском литературном языке главным суффиксом этнонимов и названий жителей мужского рода является суффикс *-анин*, часть которо-

го сохраняется при образовании форм женского рода; вторым суффиксом названий жителей является суффикс *-ац*, фонетически ограниченный употреблением только после основ на сонорный [8, с. 203].

В тех сербских и хорватских диалектах, где в отличие от литературного языка не укрепились тенденция сохранять в структуре производящей основы *-ан-* (из *-анин*), суффикс *-к-а* оказывается менее капризным в морфонологическом отношении. Это в первую очередь относится к диалектам Хорватского приморья (Истра, Далмация, Кварнеры), ср. названия жительниц на островах Адриатики: остров *Brač*, житель *Bračanin*, жительница *Bračka*; город *Jelsa*, житель *Jelšanin*, жительница *Jelaška* (но и *Jelšanka*) [16]. Ср. также диалектные *Zeniuaк* (житель), *Zeniuka* (жительница) и подобные, отмеченные Д. Брозовичем в Боснии и Герцеговине [13].

Суффикс *-kinja* – менее продуктивный в категории *nomina nationalia et regionalia* – не имеет вместе с тем морфонологических ограничений, свойственных *-к-а* в данном микрополе. Формант *-kinja* употребляется и после основ на сонант (В случаях, когда после сонорного употребляется *-kinja* (*Dankinja*, *Finkinja*, *Švajcarkinja* и др.), выбор его вместо *-к-а*, возможно, обусловлен желанием избежать близости в звучании топонимов и названий жительниц (ср. страны *Danska*, *Finska*, *Švajcarka* и несостоявшиеся *Danka*, *Finka*, *Švajcarka*), а также и длиной, точнее, краткостью производящей основы (ср. *Gana* – *Ganac*, но не *Ganka*, а *Gankinja*), и после согласных *p*, *s*, *t*, *š*, *č* т. е. в тех случаях, где *-к-а* невозможен (ср. *Arapkinja*, *Čerkeskinja*, *Beloruskinja*, *Azijatkinja*, *Koruškinja*, *Češkinja*, *Zeničkinja* и др.).

Следует заметить, что если основа существительных мужского рода заканчивается *h* (*x*) или *к* (в том числе в составе суффикса), то используется суффикс *-inja*: ср. *Vlahinja*, *Uzbekinja*, *Tadžikinja*.

Таким образом, есть единое правило дистрибуции суффикса *-к-а* в микрополе *nomina nationalia et regionalia* – данный формант используется только после сонорных, т. е. является фонетически отмеченным суффиксом.

Сопоставляя данные словаря Вука Караджича [ВР], созданного в начале XIX века, и толковых словарей сербскохорватского языка XX в. (РМС / МХ) можно отметить, что суффикс *-киња* не сразу закреплял свои позиции в языке. Поэтому В. Караджичем фиксируется только *Arapka* (к *Arapin*), *Arнаутка* (к *Arнаутин*), *Бијоградка* (к устар. *Бијоградац*), а в РМС находим *Arapka* – *Arapкиња*, *Arнаутка* (пушка), *Arнауткиња* (женщина), *Београђанка*, *Београдкиња*, к *Београђанин*) и т. д.

Процесс дистрибуции суффиксов *-к-а* и *-кинь-а* по фонетическим признакам шел, очевидно, параллельно с процессом укрепления в языке и расширения активности *-кинь-а* (Относительная новизна форманта *-кинь-а* сказывается в том, что образования с ним как с самостоятельным суффиксом (но ср. *Грекини*, где *-хини* вариант *-ишь-и*) еще не фиксируются в древнесербских текстах, как о том свидетельствует словарь Джуры Даничича [ДР]).

Уместно поставить вопрос, как действует моционный *-к-а* в других словообразовательных категориях, не только в микрополе *nomina nationalia et regionalia*. Анализ первых четырех томов Словаря сербскохорватского литературного языка — РМС / МХ позволяет говорить о том, что для феминного *к-а* (суффикс *-к-а*, использующийся для создания отглагольных существительных (ср. *грешка*), а также других словообразовательных разрядов — не феминный — не подчиняется правилу „сонорности конца основы”. Ср. замечание И. С. Улуханова о том, что „распределение морфов связано не с формальной структурой соседнего морфа, а с соседним морфом в целом как носителем определенного значения” [12, с. 13]), существует тенденция соединения только с основами, оканчивающимися сонантами.

В числе 529 слов с *-к-а* в моционной функции 499, т. е. свыше 94 процентов, характеризуются основами с исходом на сонант. Обнаруживается только 30 исключений, к большинству из которых (25 слов) словари дают параллельные формы с суффиксами *-кинь-а* или *-иц-а*, а реди параллельных образования с *-к-а* нередко оказываются устаревшими: ср. *Арапка* и *Арапкиња* (ср. замечание в одном из словарей сербскохорватского языка: „Арапка (болье Арапкиња)” [II, с. 184]. В сербскохорватском языке слово „арапка” используется еще в таких значениях: кобыла арабской породы и сорт груш [см. РМС, I, с. 94]). РМС, I, с. 94, *Загренка* и *Загренкиња*, уст. и диал., см. *Загренчанка* (РМС I, с. 97–98); *Новосатка* и *Новосаткиња* уст., см. *Новосађанка* (РМС, II, с. 309) и др.

Вероятно, феминный *-к-а* закрепился первоначально в сербскохорватском языке, как и в других славянских, в микрополе *nomina nationalia et regionalia* (В. П. Токарь в исследовании форманта *-к-а* на материале древнерусских памятников заметил, что „первыми в письменных памятниках засвидетельствованы существительные с суффиксом *-к-а*, обозначающие лиц по национальной и территориальной принадлежности” [II, с. 12]). В этой группе слов образования с суффиксом *-к-а*, как указывалось выше, обычно мотивировались существительными с сонантным концом основы. Разумеется, были и отклонения, ср. старосерб. *Српка* и современное *Српкиња*. Частая повторяемость основ на сонант сдела-

лась закономерностью в сербскохорватском литературном языке во всей группе образований, создаваемых по модели „основа существительного + феминный *-к-а*” (среди исключений нередки асимметричные женские номинации другой структуры: с отглагольной основой, ср. *неротка* и *нероткиња*, *неродица*; *довотка* и *довоткиња*; *прворотка* и *првацкиња*, *првороткиња*, образованные из предложных словосочетаний; ср. *бездетка* и *бездетница* – без детета, без деце и др.).

Эта закономерность в литературном языке поддерживается влиянием некоторых диалектов, например, в черногорских диалектах после сонантной основы вообще невозможен другой моционный суффикс, кроме *-к-а* [8, с. 205].

Фонетическое правило сочетаемости феминного *-к-а* только с сонантом хорошо иллюстрируется соединением данного форманта с иноязычными основами. Суффикс *-к-а* в моционной функции свободно соединяется с основами существительных мужского рода, заканчивающихся турецкими по происхождению суффиксами *-џија*, *-лија* (ср. *кафеџија*; *касаблиј-ка*; иноязычными формантами *-ер*, *-ор*, *-тор*: ср. *кондуктерка*, *волонтерка*, *дезертерка*, *агитаторка*, *експлоататорка*, *демонстраторка* и др.

Что же касается иноязычных заимствований на *-ист*, *-ент*, *-ант*, то они не имеют в сербскохорватском литературном языке женских соответствий с *-к-а* в связи с морфонологией данного феминного форманта. К моменту обильного пополнения словаря сербского и хорватского литературного языка иноязычными словами такой структуры (конец XIX и начало XX вв.) феминный суффикс *-к-а* уже окончательно закрепился за основами на сонант и фонетически (по дистрибуции основ) размежевался с суффиксами *-киња* и *-иџ-а*.

Сфера иноязычных основ на *-ист* (заслуживает внимания замечание Мате Храсте, что „в новое время все больше употребляется суффикс *-кинја* в существительных женского рода, которые образуются от существительных мужского рода, заканчивающихся на *-ист*” [15, с. 106]. Присоединение *-киња* (*-кинја*) к маскулинным основам на *-ист(а)* характерно, очевидно, для обоих вариантов сербскохорватского литературного языка), *-ант*, *-ент* в западном варианте сербскохорватского языка была использована продуктивным феминным *-иџ-а*, а в восточном — формантом *-кињ-а*: ср. *журналистиџа* и *журналисткиња*; *абитуриентиџа* и *абитуриенткиња*, *лаборантиџа* и *лаборанткиња*; *студентиџа* и *студенткиња*; ср. также *адвокаткиња*, *кандидаткиња*, *косманаткиња* и подобные с *-кињ-а* после „т” в основе [15, с. 105–106].

Поскольку Радосав Бошкович, который первый начал детальное учение ограничения функций суффикса *-к-а* в сербскохорватском языке, пользовался методом сопоставления феминных образований с мужскими коррелятами той или иной структуры, приводим таблицу наличия и отсутствия образований с *-к-а* в моциональной функции как параллелей к существительным мужского рода.

Материал таблицы говорит о том, что структурные ограничения в использовании суффикса *-к-а* можно свести к единому и обобщенному правилу – тенденции к неупотребительности в сербскохорватском литературном языке феминного *-к-а* после основ с несонорным концом (Следует заметить, что в других славянских языках феминный *-к-а* не подчиняется таким строгим морфонологическим запретам и используется как после основ с исходом на сонорный, так и после основ с исходом на несонорный согласный [9]).

Несмотря на то, что морфонологические преобразования в известной мере автономны, не являясь полностью тождественными историческим фонетическим процессам, все-таки показательно, что сонорности исхода мотиваторов придерживаются суффиксы, в вокалическом зачине которых был когда-то редуцированный: *-к-а < -ьк-а*; *-ац < -ьць* (Историки словообразования пишут, что в древнерусском языке суффикс *-ец < -ьц* в названиях жителей также предпочитал сонорный исход мотиватора (17, с. 6).

Список использованной литературы

1. Белић А. Савремени српскохрватски језик. Наука о грађењу речи. – Београд, 1949.
2. Белић А. Основи историје српскохрватског језика, I, Фонетика. – Београд, 1969.
3. Бошковић Р. Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. – Београд, 1936.
4. Золотова В. С. Существительные женского рода со значением лица в современном польском языке // Ученые записки ЛГУ, № 316. – Ленинград, 1962.
5. Ковалик І. І. Словотворчий розряд суфіксально-загальних назв живих істот жіночої статі у порівнянні з іншими слов'янськими мовами // Питання українського мовознавства, кн. 5. – Львів, 1962.
6. Ковалик І. І. Словотворчий розряд назв живих істот жіночої статі в сучасній нижньолужицькій мові // Славістичний збірник. – Київ, 1963.

7. Нешименко Г. П. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения, т. XIX. – М., 1960.
8. Пешикан М. О грађењу имена становника у односу на имена земаља и места // Наш језик, 1958 / 1959, IX, св. 5–6.
9. Смольская А. К. О морфонологическом аспекте типологии славянских феминных суффиксов // Тыпалогія славянскіх моў і узаємодзеянне славянскіх літаратур: Тэзісы дакл. і паведамл. 2 расп. канф. – Мінск, 1973. – С. 198 – 199.
10. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик, I. – Београд, 1964.
11. Токарь В. П. Очерк исторического образования имен существительных в украинском языке (суффиксы -к-а, -ок, -иц, -ик и их производные). – Одесса, 1963.
12. Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967.
13. Brozović D. Neki etnici u novom izdanju „Pravopisa“ // Jezik, 1952 / 1953, sv. 2.
14. Skok P. Tvorba imena stanovnika od imena naselja i oblasti // Jezik, II, 1954, sv. 3.
15. Hraste M. Tvorba imenica ženskog roda od stranih imenica muškog roda sa završetkom „t“ // Jezik, 1956/1957, sv. 4.
16. Hraste M. O izvopenju etnika od geografskih imena // Jezik, 1952/1953, sv. 1.
17. Горпинич В. А. Словообразование имен прилагательных и названий жителей в восточнославянских языках. – Автореф. дис. ... канд. наук. – К., 1966.

Словари

1. Даничић Ђ. Речник из књижевних старина српских, Дио 1–3. – Београд, 1863. – Д. Р.
2. Карачић Вук Ст. Српски рјечник, 1818 (в переизданији, Београд, 1964) –В.Р.
3. Правопис српскохрватског књижевног језика. Нови Сад – Загреб, 1960 – П.
4. Речник српскохрватског књижевног језика, књ. I–III, Нови Сад – Загреб, 1967–1969, књ., 4, Нови Сад, 1971 – РМС/МХ
5. Matešić, J. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen, Wiesbaden, 1965, Lieferung I – MR.

ДИСТРИБУЦІЯ ФЕМІННИХ СУФІКСІВ У СЕРБСЬКОХОРВАТСЬКІЙ МОВІ

// Українське слов'янознавство. – Львів, 1975. – Вип. 11. – С. 71–75.

Іменники з фемінними суфіксами утворюють особливе лексико-словотворче мікрополе *nomina femininitatis*, де діють синонімічні словотворчі форманти, дистрибуція яких за основами звичайно специфічна для кожної слов'янської мови при умові відносно однакового інвентарю основних фемінних суфіксів.

Мікрополе *nomina femininitatis* у деяких слов'янських мовах піддавалося спеціальному вивченню: велику увагу слов'янським фемінним суфіксам приділяли радянські лінгвісти (Див.: Золотова В. С. Существительные женского рода со значением лица в современном польском языке // Ученые записки ЛГУ, № 316, 1962; Ковалик І. І. Словотворчий розряд суфіксально-загальних назв живих істот жіночої статі у східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами // Питання українського мовознавства, кн. 5. – Львів, 1962; Ковалик І. І. Словотворчий розряд назв живих істот жіночої статі в сучасній нижнолужицькій мові // Славістичний збірник. – К., 1963; Нецименко Г. П. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Уч. зап. ин-та славяноведения, т. 19. – М., 1960).

Що стосується сербсько-хорватської мови, то в югославському мовознавстві в граматиках і спеціальних роботах по словотвору суфікси групуються не за семантичною, а за фонетичною ознакою: суфікси з основним елементом *к, ц, н* і т. д. (див.: Белић Александар. Савремени српскохрватски језик. Наука о творењу речи. – Београд, 1949; Стевановић М. Савремени српскохрватски језик, I. – Београд, 1964, с. 474–567). Повністю група фемінних суфіксів в сербсько-хорватській мові (у її зв'язках з твірними основами, у співвідношеннях формантів за позиціями продуктивності і т. д.) поки що не вивчалась.

До основних фемінних суфіксів сербсько-хорватської мови лінгвісти відносять *-иц-а, -к-а* (і його складні варіанти), *-иња, -киња*.

Найбільш цікаві спостереження над деякими фемінними суфіксами сербсько-хорватської мови представлені у відомій монографії Радосава Бошковича (*Бошкович Радосав*. Развитие суфикса у јужнословенској језичкој заједници. Београд, 1936, с. 13–39 та ін.).

У відповідності з основним завданням свого дослідження – виділити структурно і функціонально особливі суфікси в південнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими – Радосав Бошкович детально вивчає суфікс *-иц-а*, активне використання якого в моціонній (в югославській лінгвістиці поряд з терміном „фемінални наставци” (фемінні суфікси) використовується і термін „моціона функція наставка” – моціонна функція суфікса, тобто вживання словотворчого форманта як показника жіночого роду по відношенню до іменників чоловічого роду) функції відділяє південнослов'янські, особливо сербсько-хорватську, від інших слов'янських. Автор зіставляє утворення з суфіксом *-иц-а* та його конкуруючим фемінним формантом *-к-а*, менш активним у південнослов'янських мовах, особливо у сербсько-хорватській, за ознакою корелятивності з іменниками чоловічого роду різного оформлення: з суфіксами *-ач*, *-ар*, а також *-аш*, *-ац* та ін.

Дуже цікавими є спостереження Р. Бошковича про те, що суфікс *-к-а* в моціонній функції у сербсько-хорватській мові ніколи не кореспондує з назвами чоловічого роду на *-ач*, *-аш*, але може, паралельно з суфіксом *-иц-а*, вживатися при створенні жіночих корелятивів до іменників жіночого роду на *-ар*, *-ац* (Бошкович Радосав. Назв. праця, с. 38–39).

В даній статті мова піде про синонімічні фемінні суфікси *-к-а* та *-киња* і принципи їх дистрибуції у сербсько-хорватській мові.

Суфікс *-к-а*, хоч і обмежено продуктивний в моціонній функції у сербсько-хорватській мові взагалі, вельми активний як фемінний суфікс у словотворчому мікрополі *nomina nationalia et regionalia* (етнонімів і назв жителів).

Очевидно, це не випадково. В лінгвістиці були спроби висвітлити питання про первинні і вторинні функції фемінних суфіксів і про відносну давність таких формантів. Так, Р. Бошкович у згаданій уже роботі вважав співвідношення „продуктивний *-к-а*, менш продуктивний *-иц-а*”, які відзначаються в болгарській мові, більш давніми, ніж співвідношення „продуктивний *-иц-а*, менш продуктивний *-к-а* в моціонній функції” (сербськохорватська мова). Хоча в словнику Джури Даничича є лише одне слово з моціонним *-к-а* „христианка”, Р. Бошкович вважає, що *-к-а* поряд з *-киња* використовувався для створення етнонімів та назв жителів у старосербській мові (Там само, с 52–53).

З цими зауваженнями Р. Бошковича цікаво зіставити спостереження В. П. Токаря, який у дослідженні суфікса *-к-а* на матеріалі давньоруських і давньоукраїнських пам'яток підкреслив ту обставину, що „першими в писемних пам'ятках засвідчені іменники з суфіксом *-к-а*, які позначають

осіб за національною і територіальною приналежністю” (Токарь В. П. Очерк исторического образования имен существительных в украинском языке (суффиксы *-к-а*, *-ок*, *-ац*, *-ик* и их производные). – Одесса, 1963).

Інвентар фемінних суфіксів мікрополя етнонімів і назв жителів в літературній сербськохорватській мові обмежений формантами *-к-а*, *-киња* (*-иња*) та *-иц-а*.

суфікс *-иц-а* в даній категорії слів у літературній сербсько-хорватській мові зберігається лише лексично і відзначається тільки в небагатьох словах: *Немица*, *Хрватица*, *Мађарица*, *Сремица* (але і *Сремка*, *Сремкиња*).

Основними суфіксами жіночності в мікрополі *nomina nationalia et regionalia* є *-к-а* і *-киња*, причому в югославській лінгвістиці неодноразово підкреслювалось, що „можна відмітити лише тенденцію, що переважає суфікс *-к-а*” (Skok Petar. *Tvorba imena stanovnika od imena naselja i oblasti. Jezik*, II, 1954, sv. 3), „суфікс *-киња* продуктивний, в основному, там, де суфікс *-к-а* незручно вживати” (Пешикан М. О грађењу имена становника у односу на имена земаља и места // Наш језик, 1958–1959, 9, св. 5–6, с. 203). Якщо суфікс *-к-а* в якихось випадках незручно вживати, то необхідно вивчити його дистрибуційні обмеження в мікрополі *nomina nationalia et regionalia*.

Петар Скок ще в 1954 р. писав, що *-kinja* з’являється замість *-к-а*, якщо основа іменника чоловічого роду закінчується одним із таких суфіксів: *ez* < італійськ. *ese* (пор. *Englez* – *Engleskinja*); *-in* (пор. *Srbin* – *Srpkinja*); *-jak*, *-ak* (пор. *Poljak* – *Poljakinja*, – тут мова йде про суфікс *-inja*) або якщо основа чоловічого роду односкладна (пор. *Rus* – *Ruskinja*) (Skok P. Назв. праця, с. 65–66).

Виникає питання, чи не підпорядковуються ці окремі правила певній загальній закономірності.

Мітар Пешікан, продовжуючи спостереження П. Скока, відзначив, що в назвах жителям суфікс *-киња* рідко вживається від основ на сонант, в той час як формант *-к-а*, як правило, використовується після основи з сонантним кінцем (Пешикан М. Назв. праця, с. 202–203).

У досліджуваному матеріалі із зворотного словника сербськохорватської мови (Matešić, J. *Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen, Wiesbaden*, 1965) виявлено 263 назви мешканок і етнонімів жіночого роду з суфіксом *-к-а* та його варіантами *-анка* (*-анка*) при співвідносності з *-анин* (*-анин*), *-чанка* (*-чанка*) при співвідносності з *-чанин* (*-чанин*) і 49 слів з суфіксом *-kinja* (*-киња*).

Незважаючи на велику активність суфікса *-к-а*, в мікрополі етнонімів і назв жителів даний формант фонеморфологічно обмежений лише

основами на сонант, тобто вживається після *l, lj, j, n, m, r, v*. (Див.: *Белић А. Основи историје српскохрватског језика, 1, фонетика.* – Београд, 1969, с. 55).

Винятки, тобто вживання *-к-а* після несонантної основи, поодинокі: *Arapka* (але і *Arapkinja*), *Srpka* (застар.) – суч. *Srpkinja*.

На наш погляд, фonomорфологічні особливості *-к-а* вторинні, викликані тією обставиною, що в сербсько-хорватській літературній мові основним суфіксом етнонімів і назв жителів чоловічого роду є суфікс *-анин*, частина якого *-ан* зберігається при утворенні форми жіночого роду; іншим суфіксом назв жителів є суфікс *-аи*, фонетично обмежений вживанням лише після основ на сонорний (Смольская А. К. Словообразование в славянских языках. – Одесса, 1971, с. 39).

У сербсько-хорватських діалектах, де на відміну від літературної мови не закріпилась тенденція зберігати в структурі твірної основи *-ан* (з *-анин*), суфікс *-к-а* виявляється менш примхливим у фonomорфологічному відношенні. Це в першу чергу відноситься до діалектів Хорватського примор'я (пор. назви житељок на островах Адриатики: острів Брач, житељ *Bračanin*, житељка *Bračka*; місто Jelsa, житељ *Jelšanin*, житељка *Jelaška* (але і *Jelšanka*) (*Hraste Mate. O izvodjenju etnika od geografskih imena // Jezik, 1952–1953, sv.1, s. 23*); пор. також, діалектні: житељ *Leničak*, житељка *Lenička* і подібні, відзначені Д. Брозовичем в Боснії та Герцеговині) (*Brozović Dalibor. Neki etnici u novom izdanju „Pravopisa“ // Jezik, 1952–1953, sv. 2, s. 55*).

Суфікс *-kinja* (*-киња*) менш продуктивний в категорії етнонімів і назв жителів, не має разом з тим фonomорфологічних обмежень, властивих *-к-а* в даному мікрополі. Формант *-kinja* вживається і після основ на сонант, і після приголосних *p, s, t, š, č (n, c, m, ш, ч)*, тобто в тих випадках, де *-к-а* неможливий (пор. *Beloruskinja, Cerkeskinja, Aziatkinja, Koruskinja* та ін.).

Якщо основа іменників чоловічого роду закінчується на *h (x)* чи *k* (в тому числі у складі суфікса), то використовується суфікс *-inja*: пор. *Vlahinja, Cehoslovakinja, Uzbekinja, Tadžikinja*.

Єдине правило дистрибуції суфікса *-к-а* в мікрополі *nomina nationalia et regionalia* – даний формант використовується тільки після сонорних, тобто є фонетично відзначеним суфіксом (у випадках, коли після сонорного вживається *-киња* (*Данкиња, Финкиња* та ін.), вибір його замість *-к-а*, можливо, зумовлений бажанням уникнути близькості в звучанні топонімів і назв житељок (пор. країни Данска, Финска і ті назви, що не відбулись – *Данка, Финка*), а також довготою твірної основи (пор. Гана – *Ганац*, але не *Ганка, а Ганкиња*).

Зіставляючи дані словника Вука Караджича (*Караџић Вук*, Српски рјечник, 1818 (у перевиданні, Београд, 1964), створеного на початку минулого століття, і тлумачних словників сербсько-хорватської мови нашого часу, можна відзначити, що суфікс *-киња* не зразу закріпив свої позиції в мові. Тому В. Караджичем фіксується лише *Арапка* (до *Арапин*), *Арнаутка* (до Арнаутин), *Бијоградка* (до застар. *Бијоградац*), а в РСХК (Речник српскохорватског књижевног језика, књ. 1–3. – Нови Сад; Загреб, 1967 – 1969; књ. 4. – Нови Сад, 1970. – РСХК) знаходимо *Арапка* – *Арапкиња*, *Арнаутка* (гармата), *Арнауткиња* (жінка), *Београђанка*, *Београдкиња* (до *Београђанин*).

Процес дистрибуції суфіксів *-к-а* і *-киња* за фонетичними ознаками йшов, очевидно, паралельно з процесом закріплення в мові і розширення Активності *-киња*. Відносна новизна форманта *-киња* виявляється в тому, що утворення з ним як з самостійним суфіксом (але пор. Грк – Гркиња) ще не фіксуються в давньосербських текстах, про що свідчить словник Джури Даничича (Див.: Даничић Д. Рјечник из књижевних старина српских, Дио 1–3. – Београд, 1863).

Доречно поставити питання, як діє моціонний *-к-а* в інших словотворчих категоріях, не лише в мікрополі етнонімів і назв жителів.

Аналіз перших чотирьох томів „Словника сербсько-хорватської літературної мови” (РСХК) дозволяє говорити про те, що для фемінного *-к-а* (Суфікс *-к-а*, який використовується для створення віддіслівних іменників, а також інших словотворчих розрядів – не фемінний – не підпорядковується правилу „сонорності кінця основи”) в сербсько-хорватській існує правило з’єднання лише з основами, які закінчуються сонантами.

В числі 529 слів з *-к-а* в моціонній функції знаходимо більше 20 винятків, до більшості з яких словники дають паралельні форми з суфіксами *-киња* чи *-ица*. Пор. *Арапка* (і *Арапкиња*), *Арнаутка* (і *Арнауткиња*), *бездетка* (і *бездетница*), *доморотка* (і *домороткиња*), *гувернантка* (і *гувернанта*, *гувернантица*), *институтка* (і *институткиња*).

Очевидно, фемінний *-к-а* закріпився спочатку в сербсько-хорватській мові, як і в інших слов’янських, в мікрополі *nomina nationalia et regionalia*. У цій групі слів утворення з суфіксом *-к-а*, як вказувалось вище, звичайно мотивувались іменниками з сонантним кінцем основи. Зрозуміло, були і відхилення (пор. старосерб. *Српка* і сучасне *Српкиња*). Часта повторюваність основ на сонант стала закономірністю в сербсько-хорватській літературній мові в групі утворень, створюваних за моделлю „основа іменника +*-к-а*”.

Ця закономірність у літературній мові підтримується впливом деяких діалектів, наприклад, в чорногорських у мікрополі *nomina nationalia et regionalia* після сонантної основи взагалі неможливі інші моціонні суфікси, крім *-к-а* (М. Пешикар, Названа праця, с. 204).

Фонетичне правило сполучуваності фемінного *-к-а* лише з сонантом добре ілюструється з'єднанням даного форманта з іншомовними основами.

Суфікс *-к-а* в моціонній функції вільно сполучається з основами іменників чоловічого роду, які закінчуються турецькими за походженням суфіксами *-džija*), *-лија (-lija)*, іншомовними формантами *-ер, -ор, -тор (-er, -or, -tor)*; пор. *кондуктерка, волонтерка, дезертерка, агітаторка, експлуататорка, демонстраторка*.

Іншомовні запозичення на *-ист (-ist)*, *-ент (-ent)*, *-ант (-ant)* не мають у сербсько-хорватській літературній мові жіночих відповідностей з *-к-а* у зв'язку з морфонологією даного фемінного форманта. На час багатого поповнення словника сербсько-хорватської літературної мови іншомовними словами такої структури (початок нашого століття) фемінний суфікс *-к-а* уже остаточно закріпився за основами на сонант і фонетично (по дистрибуції основ) розмежувався з суфіксами *-киња* і *-иц-а*.

Сфера іншомовних основ на *-ист, -ант, -ент* в західному варіанті сербськохорватської мови була атакована продуктивним фемінним *-иц-а*, а в східному – формантом *-киња*: пор. *виолинистица і виолинисткиња, журналистица і журналисткиња, абитуриєнтица і абитуриєнткиња, лаборантица і лаборанткиња, студєнтица і студєнткиња*; пор. також *адвокаткиња, кандидаткиња* і подібні з *-киња* а після *т* в основі.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СЛЕДЫ В ТОПОНИМИИ ЮГА УКРАИНЫ

// *Onomastica Jygoslavica*. – Zagreb, 1975. – № 5. – С. 67–80 (У співавт. з Ю. О. Карпенком).

Наиболее компактное и мощное переселение сербов на Украину связано с созданием здесь в 1751–1753 гг. Новой Сербии и Славяно-Сербии. Из этих двух крупных военно-земледельческих граничарских селений сербов в пределах украинского Северного Причерноморья оказалась Новая Сербия, занимавшая северную часть нынешней Кировоградской области на Украине.

В историческом аспекте Новая Сербия, ее создание, ее жизнь, ее роль и ее значение в укреплении связей восточных и южных славян изучены

достаточно подробно¹. Топонимические же, как и вообще лингвистические последствия возникновения Новой Сербии исследователями почти не затрагивались². Между тем топонимия – память земли, и она хорошо хранит ее историю. И справедливо заметил М. Барьякторович, что „теперь от сербов на Украине остались лишь названия отдельных населенных пунктов”³.

Какие же следы в топонимии Северного Причерноморья оставила Новая Сербия?

Как отметил еще А. А. Скальковский, южнославянские основатели Новой Сербии „занятые своими поселениями урочища или усадьбы, называли именами для них драгоценными: сел или городов Сремской области”⁴. В 1753 г. И. Хорват в своем прошении сенату жаловался, что роты (населенные пункты Новой Сербии) „разными от простонародства урочищами названы”, на что и последовало разрешение именовать их по усмотрению самого Хорвата⁵. Однако это разрешение лишь официально утвердило свершившийся факт. Еще в 1751 г. на карту данной территории, ранее составленную де Боскетом, было за подписью И. Хорвата нанесено 40 селений (рот, иначе шанцев) Гусарского и Пандурского пехотного полков с наименованиями (см. 6), среди которых фигурировало 24 несомненно перенесенных и 3, по-видимому, перенесенных.

И дело здесь не в „усмотрении” Хорвата, а в объективной закономерности: миграция населения вызывает и миграцию названий. Прибывшие на юг Украины сербы привезли с собой и свои родные, привычные географические названия. Названия эти принадлежат преимущественно последнему месту обитания спасавшихся от турецкой экспансии сербов-границаров, то есть взяты не только с территории современной Сербии (преимущественно Воеводины), но также Венгрии и даже Румынии⁷.

Вот эти названия по данным 1751 г., с указанием предполагаемого источника перенесения. В Гусарском полку их 13:

Печка (2 рота), ср. г. Печ на юге Венгрии, у истоков Дравы: название роты — прилагательное от ойконима Печ;

Надлак (4 рота), ср. г. Надлак на севере Румынии, у р. Муреш;

Семлик (6 рота) – это название упоминает среди перенесенных из Сремской области А. А. Скальковский;

Мартонош (8 рота), ср. с. Мартонош в районе Сента Воеводины;

Панчев (9 рота), ср. г. Панчево в Воеводине;

Канижь (10 рота), ср. с. Канижа в районе Сента Воеводины;

Сента (11 рота), ср. г. Сента в Воеводине;

Вуковарь (12 рота), ср. г. Вуковар в Славонии (Хорватия); название

Вуковар означает буквально „селение Вука”, с компонентом венгерского происхождения -вар, очень продуктивным в сербскохорватском языке; селение это упоминается генералом С. Пищевичем, сербским офицером, служившим и в Славяно-Сербии, и в Новой Сербии: „в нижней Славонии в городе Вуковаре”;

Федварь (13 рота) – по структуре этот ойконим аналогичен предыдущему; он и обозначал в Новой Сербии соседнюю 13-ю роту, однако более вероятно его транспортировка „в готовом виде”, а не создание на месте по образцу названия Вуковарь; перенесенным из Сремской области считает название Федварь и А. А. Скальковский;

Субботиц (14 рота), ср. г. Суботица в Воеводине;

Мошарин (16 рота), ср. г. Мошорин в районе Нови Сад Воеводины;

Самбор (18 рота), ср. г. Сомбор в Воеводине;

Бершац (20 рота) ср. г. Вршац в Воеводине.

Первоначальный список рот Пандурского полка содержал 11 названий с четко выраженными признаками перенесения:

Зимунь (5 рота), ср. г. Земун у Белграда;

Пиляжницы (8 рота) – можно предполагать перенесение: Пилъужићи в Боснии и Герцеговине; название в списке 1751 г. трансформировано по восточнославянской модели;

Ковинь (9 рота), ср. х. Ковин в районе Панчево Воеводины;

Сланкамень (11 рота), ср. Стари Сланкамен и Нови Сланкамен в районе Стара Пазова Воеводины;

Бечеа (12 рота), ср. с Бечей в районе Врбас Воеводины;

Вараждин (13 рота), ср. г. Вараждин в Хорватии;

Глаговац (14 рота) – справочник административно-территориального деления Югославии отмечает 6 селений с названием Глаговац¹⁰, одно из которых и было перенесено; менее вероятно независимое образование ойконима на месте по продуктивной топонимической модели от *глог* „боярышник”;

Шолношь (16 рота) – это название А. А. Скальковский приводит в списке перенесенных из Сремской области;

Чонград (17 рота), ср. г. Чонград в Венгрии;

Павлиш (18 рота), ср. с. Павлиш в районе Вршац Воеводины;

Сентомашь (20 рота) – С. Пищевич в своих мемуарах пишет, что он выехал из Петроварадина „до первого ночлега до местечка Сентомаша”.

Возможно, перенесенными являются названия еще 3 новосербских рот, указанных в списке 1751 г. Это **Вингошь** (6 рота), **Чанадь** (7 рота) и **Мондорлок** (19 рота) в составе Пандурского полка. Источники этих

вероятных перенесений нами не обнаружены. Однако появление данных ойконимов именно во время организации Новой Сербии свидетельствует о перенесении. Во всяком случае, в контексте местной топонимической системы они расшифровке не поддаются.

Остальные 12 первоначальных рот Новой Сербии (одна рота на карте 1751 г. осталась непоименованной) сохранили свои местные, восточнославянские наименования. Это, по карте 1751 г., Новый Миргород, Петроострово, Калниблять (в старых записях это название часто искажается: Калнибляшь, Калниболошь; речь идет об известном украинском названии гидронимического происхождения Кальниболото, означающем «грязное болото»), Архангельская, Цибулев, Дмитровка, Глинск в Гусарском полку и Крылов (это самое древнее из всех селений, на базе которых возникла Новая Сербия: оно основано еще в XII в.), Табурино, Крюков, Каменка, Енова в Пандурском полку.

Из этих названий Новый Миргород тоже перенесен, но перенесен с украинской территории, ср. г. Миргород в Полтавской области. До создания Новой Сербии эта территория входила в состав Миргородского полка, военно-административной единицы Украины тех лет. Ранее здесь была деревня Тресяги, но после создания укрепления на границе России с Польшей, оно получило новое имя Новый Миргород, „что явно указывает на основание его начальствующими лицами Миргородского полка” (11). Известно даже, что: „Новомиргород назван в память первого осадного этих мест, миргородского полковника Капниста” (12). Новомиргород стал центральным селением, столицей и для И. Хорвата. По этому поводу А. Пищевич (сын генерала С. Пищевича) заметил в 1806 г., что главное селение свое Хорват звал Мироградом (13), то есть, что это – сербский топонимический неологизм. Однако форма Мироград другими источниками не подтверждается и должна быть отнесена к фактам вторичной сербизации восточнославянских топонимов, подобным записи Петроострово (ср. сербохорв. острово „остров”, со средним родом) или Каниблять (замена восточнославянского полногласия *оло* южнославянским *ла*).

Из 12 восточнославянских названий рот Новой Сербии до сегодняшнего дня сохранилось 9, то есть 75 %. Теперь это селения Кировоградской области **Новомиргород, Петроострів, Калниболота, Новоархангельск, Цибулеве, Дмитрівка, Глинск, Кам’янка** и, только как железнодорожная станция, **Крюків**.

Иначе сложилась судьба 27 названий рот Новой Сербии, принесенных с собой югославами. Из них до нынешнего дня сохранилось также

9 ойконимов, но это составляет лишь 33 %. Сохранились названия Вершаці в Черкасской области, на самой ее границе с Кировоградской, и в Кировоградской области Павлиш, Каніж, Надлак, Панчеве, а также, с некоторыми изменениями Мошорине (средний род вместо мужского появился под влиянием слова село), Мартоноша конечное *-а* – результат влияния топонима Золотоноша), Суботці (перестройка из старого Субботиц создала стандартную для ойконимии плюральную форму) и Букварка. В последнем таится старое название Вуковарь, которое уже в 1766 и 1775 г. было: как Буковарь, а затем путем народной этимологии преобразовалось в Букварка, сблизившись с апеллятивом букварь „начальный учебник”.

18 сербскохорватских названий рот Новой Сербии исчезло. При этом 6 из них, наименования рот Пандурского полка **Вингошь, Чанадь, Пилажницы, Ковинь, Мондорлок и Сентомашь**, ни в каком другом источнике, кроме списка 1751 г., не фигурируют. Это означает, что в действительности роты с такими названиями созданы не были, что названия эти – письменный проект, не ставший топонимической реальностью.

Говоря о прочих 12 названиях, уместно еще раз сослаться на А. Пищевича, считавшего, что после отмены в 1764 г. Новой Сербии как особой административной единицы „селения, до того носившие сербские наименования, переименованы большей частью по речкам или урочищам, на которых они поселены, или по именам тех казаков, которых хутора в тех местах находились до прихода в сей край сербов” (см. 14).

Однако роль переименований А. Пищевич сильно преувеличивает. В большинстве случаев топонимический процесс заключался не в переименовании, а в конкуренции параллельных названий: роты Новой Сербии (кроме пяти) создавались на базе уже существовавших селений, которые, следовательно, уже имели и более старые, более привычные для местного населения названия.

Происходил естественный и закономерный процесс утверждения более приемлемого для большинства жителей названия. Так, уже по данным 1859 г. бытовали только названия Андрусовка (вместо Чонград), Диковка (вместо Сомбор; до поселения югославов здесь был хутор сотника Дика, см. СНМ 1859, №№ 584, 674). Все они существуют и поныне как с. Велика Андрусівка и Дяківка в Кировоградской области.

Для 4 селений в 1859 г. еще сохранялись сербскохорватские названия, но уже как неосновные, дополнительные: Коробчина (Печкова), Косовка (Логоватец), Протопоповка (Ворождын) – до приезда югославов здесь был зимовник казака по прозвищу (ироническому) Протопоп, – Скале-

вое (Семлик), см. СНМ 1859 (СНМ 1859 – Список населенных мест по сведениям 1859 г. – Херсонская губерния. – СПб, 1868.), №№ 2086, 550, 549, 549, 1921. И здесь обращает на себя внимание не только сужение сферы употребления югославских ойконимов, но и их значительное видоизменение под восточнославянским влиянием.

Ойконим Печка приобрел стандартный формант *-ова*: Печкова (засвидетельствована и форма Печковка, с суффиксом *-овка*). Глоговац потерял начальное Г и тем самым сблизился с местным географическим термином лог „углубление”. Структура ойконима также изменилась под давлением продуктивной местной модели на *-оватка*, *-оватец*, ср. Розсохуватка, Розсохуватец и под.¹⁵ Казалось бы незначительное фонетическое изменение Вараждин в Ворождын сблизило этот ойконим с глаголом ворожить „гадать” (народная этимология). Только название Семлик здесь не трансформировано, но в других источниках и оно претерпело изменения народно-этимологического типа. Известна, в частности, его форма Съомлик, сближенная с укр. съомий „седьмой”, хотя название это обозначало шестую, а не седьмую роту.

Помимо перенесенных названий, топонимы создавались из югославских антропонимов и этнонимов, причем создавались они уже по местным топонимическим моделям. Иначе говоря, сербские лексемы служили строительным материалом для этих топонимов, но образованы они были восточными славянами.

В Новой Сербии возникали не только военные поселения – роты, но и владельческие деревни. Как отметил Н. А. Попов, „офицерам земли раздавались в вечное владение в количестве соответственно их рангам, и они строили хутора и деревни и заселяли их людьми, выходящими из польской Украины и становившимися через то „их собственными поданными” (см. 16). Такие хутора и деревни именовались, как правило, по фамилиям владельцев, что было в те времена типичным для ойконимии юга Украины.

По-военному точный Симеон Пищевич составил полный список старших офицеров сербского происхождения, служивших в его время в русской армии¹⁷. И если сличить этот список со старыми перечнями селений Александрийского и Елизаветградского уездов Херсонской губернии (именно здесь народилась Новая Сербия), то в них обнаружатся очень многие сербские фамилии.

До сих пор сохранилось, впрочем, лишь несколько таких названий. Так, майор Иван Вукотич оставил память в названии села Новоархангельского района Кировоградской области **Вукитичеве**. Характерно, что

соседнее село именуется **Ивановкой**. Кстати, СНМ 1959 тоже фиксирует на одной и той же территории селения **Вукотичева** и **Ивановка** (№№ 1925, 1926). Надо полагать, что в топонимию вошли и фамилия, и имя Ивана Вукотича. Другой майор, Алексей Пантазий, доньне увековечен названием села Знаменского района **Пантазівка**. Меньше повезло полковнику Лазарю Текели. Название села с его фамилией **Текелиевка** или **Текельевка** трансформировалось до неузнаваемости, превратившись в Текелине, а в 1967 г. вообще присоединено к с. Васильевка Долинского района.

Но большинство подобных „именных” владельческих сел либо исчезло, либо утратило свои прежние названия. Различные причины (перемена владельца, образование названий от имен, а не фамилий и др.) и обусловили то, что офицерский список С. Пищевича, так богато отраженный старой ойконимией, почти совсем не сохранен современными названиями.

Разумеется, списком С. Пищевича не исчерпываются сербскохорватские антропонимические источники южноукраинской ойконимии.

С. Пищевич остановился на майорах, а деревни основывались и капитанами, и офицерами чином пониже. Явно от сербских фамилий образованы названия ныне существующих в Кировоградской области сел **Душенкевичеве**, **Диковичеве**, **Ружичеве**, **Бабичівка** и **Любовичка**. Все это села старые, засвидетельствованные еще в СНМ 1859 (последнее – в форме **Любовичевка**). Сербскохорватское личное имя Жеван – в основе названий сел **Живанівка**, Компанеевского района, и **Жеванівка**, Новоархангельского района. Это – тоже старые села. Среди сербских офицеров, поселившихся в Новой Сербии, было несколько Живанов.

Еще больше ойконимов, созданных на базе сербскохорватских фамилий, утратилось. На основе материалов, приведенных в связи со списком С. Пищевича, нетрудно подсчитать, что число засвидетельствованных в СНМ 1859 названий от сербских фамилий относится к числу сохранившихся доньне как 10 к 1. Такова же приблизительно сохранность и прочих отфамильных образований. На 5 названных выше уцелевших ойконимов приходится более 50 селений Александрийского и Елизаветградского уездов, имеющих, по данным СНМ 1859, в основе названия сербскую фамилию.

Несомненно, что в местах, исторически связанных с Новой Сербией, эта связь каким-то образом отложилась и в микропонимии. И здесь надо прежде всего вспомнить об этнонимии. Этнонимические названия в селениях со смешанным национальным составом типичны. Давно от-

мечено, что часть Новомиргорода именовалась *Черногорией*. А. Шмидт описал даже расположение этой части города и сообщил, что „здесь поселились черногорцы, вышедшие сюда в 1756 году”¹⁸. М. Барьяктович информирует, что **Черногорией** называется и часть села Софиевки у Новомиргорода¹⁹. Надо полагать, что подобных фактов имеется значительно больше, однако соответствующий микротопонимический материал еще не собран.

Факты югославской миграции в Россию имели место и до создания Новой Сербии, и после того, как она прекратила свое существование. В топонимии юга Украины эти факты наиболее четко отложились на территории Одесской области. И поскольку здесь речь идет о небольших переселенческих группах, оседавших в одном населенном пункте, то соответствующая ойконимия почти полностью является этнонимической, указывая на основной в данном случае отличительный признак переселенцев – национальный.

Еще до создания Новой Сербии возникло с. **Сербы** в Кодымском районе Одесской области, упоминаемое в 1734 г.²⁰ Само переселение здесь было минимальным. Старая легенда говорит всего о сербе („сербине”) с семьей, а ныне бытующее предание сообщает о двух братьях сербах, бежавших сюда в леса от турецкого гнета начавших здесь заниматься овцеводством²¹. Поэтому плюральная форма названия свидетельствует не о множественности первопоселенцев, а лишь о постепенном позднейшем разрастании села. Форма эта имеет ныне конечное ударение: Сербы, что отвечает локальной топонимической модели.

Значительно позже, 5 мая 1805 г., было основано с. **Сербка**, ныне Коминтерновского района, Одесской области. Основали его 22 семьи (97, по другим данным – 101 человек) герцеговинцев во главе с сердаром Миной Никшичем. Они бежали из разоренного турками с. Требеса в Герцеговине²². И весьма знаменательно, что хотя село было основано на пустом, безымянном месте, первопоселенцы не перенесли сюда свое родное название **Требеса**, а избрали этническое наименование.

Сначала это наименование было более длинным, А. А. Скальковский сообщает, что данное селение „именуется” колониєю „**Никшичей** или **Славено-Сербскою**”²³, а в СНМ 1859, № 2337, оно названо **Славяно-сербка (Сербка, Дворянское)**. История этой ойконимической группы любопытна и поучительна.

Название **Славяносербка**, которое позже вышло из официального употребления, но в речи местных старожилов сохранилось до сих пор, произведено от этнонима славяносербы, точнее – от его прилагательного.

В XVIII—XIX вв. этот несколько искусственный этноним употреблялся и в сербскохорватском (см. 24), и в русском (см. 25) языках.

В своей стилистической окраске этот этноним никогда не терял оттенка книжности. Тем легче и быстрее произошло отпадение первого компонента в ойкониме **Славяносербка**. Форма **Сербка**, как мы видели, зафиксирована уже в СМ 1859. Позже она неуклонно расширяет сферу своего употребления, вытесняя старый вариант Славяносербка. Победа формы **Сербка** объясняется не только отсутствием в ней книжного оттенка. Она утвердилась и потому, что была короче, то есть экономнее, и потому, что была точнее – в том смысле, что ориентировалась на более употребительный этноним сербы.

Что касается суффиксального оформления ойконима **Славяносербка (Сербка)**, то оно является результатом типичной восточнославянской субстантивации топонима-прилагательного. Прилагательное **Славяносербка** (колония) с помощью суффикса *-ка* топонимизировалось, стало “полноправным” ойконимом. Географические справочники фиксируют в Югославии около 30 ойконимов, образованных от этнонима Србин (см. 26). Здесь есть *Србац*, *Србица*, *Србовац* и др., есть *Српска*, но нет ойконима Сербка (Српка). Этот факт, как и сами обстоятельства развития названия Славяносербка, свидетельствует, что суффикс вошел в название уже на восточнославянской, а не южнославянской почве.

Возникновение Сербки вызвало некоторую топонимическую иррадиацию. Почти сто лет справочники вблизи этого селения указывали отдельную деревню (позже хутор) с названием, образованным от фамилии **Никшич**. Среди первопоселенцев Сербки фамилию Никшич имели только две семьи. Но эта фамилия оказалась для всех поселенцев привлекательной, так как давала права на дворянство. Поэтому все поселенцы “стали су се звати и писати Никшићи разних фамилий, т. е. Драгичевићи-Никшићи, Ђурковићи-Никшићи, Симоновићи-Никшићи” (см. 27). СМ 1859, № 2584, именует соседнюю деревню **Никшичева** (с типичным для местной топонимии “владельческим” суффиксом *-ев*). В 1916 г. это селение упоминалось как х. **Никшич** (суффикс отпал) и в 1923 г. – как х. **Никшика** (см. 28). Последняя форма, если это не опечатка вместо х. Никшича, интересна вторичным выделением форманта *-ика*, который указывает скорее на южнославянскую, а не восточнославянскую трансформацию ойконима. В позднейшее время селение это слилось с Сербкой.

Особый случай топонимической иррадиации представляет с. **Слав’яносербка** в Великомихайловском районе Одесской области.

Село это основано в 1862 г. (см. 29), когда после отмены крепостного права здесь получили земельные наделы жители с. Максимовки, почти слившейся к середине XIX в. с описанной выше Сербкой.

Переселенцы привезли с собой название села с корнем “серб”. И привезли в форме, наиболее употребительной в то время – **Слав’яносербка**. Форма эта сохранилась до сих пор и в письменной, и в устной речи, хотя в ряде старых справочников указывались параллельные названия **Сербка** и **Ново-Сербка**, а в речи населения наряду с вариантом **Слав’яно-Сербка** нередко звучит и более экономная форма **Сербка**.

Неподалеку от с. Сербки, в Березовском районе Одесской области, есть село **Чорногірка**, в устной речи – **Чорногорка**, возникновение которого связано с переселением на юг Украины в 1815 г. 22 семей (50 человек) черногорцев. Документальных доказательств этой связи нет, но прибывшие черногорцы были первоначально поселены именно в районе нынешнего с. Черногорка (см. 30). Кроме того, известно, что село это в старину называлось еще **Цетинка** (см. 31). И название это может указывать только на Черногорию, так как взято от имени ее старой столицы Цетиње, или реки, протекающей в этом городе. Оба ойконима, и **Черногорка**, и **Цетинка**, оформлены всесильным у восточных славян топоформантом -ка. При этом в Черногорку он попал, как и в Сербку, по-видимому, через стадию прилагательного, а в Цетинку – по аналогии к названию Черногорка.

В 1838 г. земли Черногорки перешли в руки немецких колонистов, после чего село получило немецкое название **Гелененталь**. Однако местное население продолжало употреблять название **Черногорка**, которое и сохранилось до сегодняшнего дня.

На украинской земле связи между южными и восточными славянами были особенно интенсивными в Северном Причерноморье. И поэтому именно здесь географические названия запечатлели их наиболее выразительно.

Список использованной литературы

1. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. – Одесса, 1838. – Ч. 1. – С. 41–63; Загоровский Е. А. Славянская колонизация Новороссии в XVIII веке. Сербские военные поселения. – К., 1913; Костић М. Српска насеља у Русци. – Нова Србија и Славеносрбија // Насеља и порекло стаковништва. – Београд, 1923. – Кн. 14. – С. 75–79 и

- др. Впрочем, и историческая проблематика Новой Сербии не может считаться исчерпанной.
2. В сербской филологии большее внимание уделяется отражению факта переселения сербов на Украину в художественной литературе.
 3. Мирко Бар'яктарович. Сербі на Україні // Народна творчість та етнографія. – 1971. – № 3. – С. 41.
 4. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса, 1980. – Ч. 1. – С. 224.
 5. Загоровский Е. А. Указ. соч. – С. 13.
 6. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... – С. 41, где приведен список всех рот Новой Сербии по этой карте.
 7. Два названия взяты с территории Хорватии.
 8. Скальковский А. А. Опыт статистического описания... – С. 224.
 9. Известия о походе Симеона Степановича Пишчевича (1731–1785) / Под ред. Попова Н. А., 1884. – С. 252.
 10. Именик места. Преглед свих места и општина, народних одбора, срезова и пошта у Југославији. – Београд, 1956. – С. 167.
 11. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Херсонская губерния. – СПб., 1868. – С. XVII.
 12. Скальковский А. А. История Новой Сечи. – Одесса, 1846. – С. 172.
 13. Примечания Александра Пишчевича на Новороссийский край // Киевская старина. – 1884. – Т. VIII. – С. 113.
 14. Там же. – С. 118.
 15. Отин Е. С. Суффикс *-оват* в украинской топонимии // *Onomastica*. – 1973. – Т. XVIII. – С. 99 и след.
 16. Попов Н. А. Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. – 1870. – № 7. – С. 609.
 17. Там же. – С. 612–613. – Список Пишчевича, приведенный в статье Н. А. Попова, включает 86 человек от генерал-поручиков до майоров, но разных фамилий гораздо меньше, так как почти все неоднократно повторяются.
 18. Шмидт А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. – СПб., 1863. – Ч. II. – С. 811.
 19. Бар'яктарович М. Указ. соч. – С. 42.
 20. Архив Юго-западной России. – К., 1876. – Отд. III. – Т. 111. – С. 69.

21. Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. – Каменец-Подольск, 1901. – Вып. IX. – С. 49–50.
22. Маркович А. И. Архива сердара Малише и капетана Бошка Бућића- Никшића // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1986. –Т. XIX. – С. 59–104.
23. Скальковский А. А. Опыт статистического описания... – С. 225.
24. Историја Југославије // Написао Владимир Ђоровић. – Београд, 1989. – С. 417 и далее.
25. Маркович А. И. Указ. соч. – С. 84.
26. Именик места... – С. 403–404, 406.
27. Казыванѣ стары требѣшана и архива сердара Малише и капетана Бошка Бућића- Никшића – Београд, 1842. – С. 70.
28. Одесская губерния. Административное описание. – Одесса, 1924. – Ч.1. – С. 70.
29. Історія міст і сіл Української РСР. Одеська область. – К., 1969. – С. 410.
30. Скальковский А. А. Опыт статистического описания... – С. 226.
31. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – СПб., 1869. – Вып. 1. – С. 29.

ЕДНОСТРУКТУРНИ ФОРМАНТИ В СЛАВЯНСКИТЕ ЕЗИЦИ. СУФИКСЪТ *-ЧАНИН* В РУСКИЯ И В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

// Език и литература. – София, 1977. – № 2. – С. 11–18.

Още в своего начало сравнителната граматика на славянските езици е отделяла известно внимание и на въпросите на словообразуването [1]. Обаче изучаването на словообразователните процеси в сравнителен аспект през XIX в. се е свеждало главно до изброяване на инвентара на формантите и до установяване на техния общ произход (обикновено праславянски).

XX в., особено неговата втора половина, се характеризира с бурно развитие на теорията на деривацията (вж. работите на Г. О. Винокур [2], М. Докупил [3], В. Дорошевски [4], И. И. Ковалик [5], И. Леков [6] и др).

Сред многото постижения на лингвистичната славистика на наше време трябва да отбележим и системния подход към анализа на словоо-

бразователните явления, който успешно се използва при изучаване на словообразуването на отделните славянски езици.

Очевидно тези понятия и процедури, които са създадени от дериваголозите в процеса на изследване на словообразуването на отделните езици, трябва да се използват и при сравнителните изследвания.

Възникналият в последно време интерес към типологическите изследвания в езикознанието все още малко засяга работите по сравнително словообразуване в славянските езици. Въпреки че в наши дни вече не се спори по въпроса, дали са възможни типологични изследвания на родствени езици [7], макар че става дума вече за външна типология (на неродствени езици) и вътрешна типология (на родствени езици), изследванията на славянската деривация на нивото на вътрешна типология все още са единични.

При типологичното изучаване на родствените езици се откриват много външно съвпадащи структури (в словообразуването – на афиксите, на типовете, на полетата). Но тези външно съвпадащи структури във функционален план често се оказват нетъждествени и даже много далечни. Функционалните различия на едноструктурните елементи представляват интерес за лингвистичната типология, тъй като типологията не се свежда само към регистриране на общи сходства (съвпадения).

И така, ако сравнителната граматика на славянските езици през XIX в. в областта на словообразуването отделя формално съвпадащите елементи и установява техния общ произход, типологичната лингвистика се интересува не само от „съвпаденията” (сходствата), но и от функционалните различия на едноструктурните афикси, обяснявайки тези различия системно, т. е. изхождайки от системата на словообразователните полета на всеки славянски език.

От гледна точка на сравнителната типология заслужава внимание функционалната характеристика на суфикса *-чанин* в руския и в българския език.

Суфиксът *-чанин* (срв. рус. *ростовчанин*, *братчанин* и под.; бълг. *пловдивчанин*, *родопчанин* и др.) в славянските езици се отнася към словообразователното поле на названията за лица, към микрополето *nomina nationalia et regionalia*. Този формант се характеризира с рядка за славянските афикси моносемантичност – с негова помощ се създават главно названия на жители. Семантичната еднозначност съответствува на младостта на дадения формант: известно е, че всички славянски удължени форманти са по-млади от неудължените и че всички „млади” афикси са по-малко многозначни.

Формантът *-чанин* не се отнася към праславянската епоха, макар че импулсите за неговото възникване са били заложени именно в този период. Афиксът *-чанин* възниква на базата на праславянския *-јанин* след основа, завършваща на *к, ц, т* [8]; *ч* (срв. рус. *Валуйки – валуйчанин, Городец – городчанин, Нерехта – нерехчанин, Котельнич – котельничанин*, бълг. *Перник – перничанин, Златица – златичанин, Петрич – петричанин*). Някои лингвисти смятат, че суфиксът *-чанин* е могъл да се по яви и по пътя на съединяване (наслагване) на афиксите *-ец* и *-анин* [9].

В славянските езици суфиксът *-чанин* се явява в пълния си вариант (в български, полски, руски, сърбохърватски и др.) и във варианта *-чан (-čan)*: срв. словенски *Ljubljāčan*, словашки *Bratislavčan*, чешки *Plzeňčan*.

В пълния си вариант суфиксът *-чанин* е продуктивен и в българския, и в руския език. Полските и югославските лингвисти или подчертават продуктивността на суфикса *-чанин* [10] или говорят за него като за вариант на суфикса *-анин*.

В българския и в руския език суфиксът *-чанин* (от *-јанин*) е станал самостоятелен приблизително по едно и също време, в XVI–XVII в., както свидетелствуват изследванията на Е. Кочева и А. Абдулаев върху историческото словообразуване на българския и на руския език [11].

Всички съвременни граматика на български и на руски език подчертават продуктивността на суфикса *-чанин* в наши дни.

В руския език „второто раждане” на форманта *-чанин* и неговото активизиране в средата на XX в. предизвикаха спорове не само сред лингвистите, по и в писателските кръгове.

През 50-те години суфиксът *-чанин* стана предмет на дискусии. Някои писатели говореха за „тронавостта” на суфикса *-чанин*, иронично питаха „в коя бъчварска работилница са изработени тези чаны?” [12].

Интересно е да се отбележи, че лингвистите, отстоявайки правото на суфикса *-чанин* на свое място в словообразователната система на руския език, се позоваваха на българския език, където този формант се отличава с висока продуктивност [13].

За славянското словообразуване възникването на суфикса *-чанин* се явява като частна езикова универсалия: този формант в историческия период се появява във всички славянски езици, но се закрепва в тях с различна степен на продуктивност.

И така суфиксът *-чанин* в руския и в българския език се явява самостоятелно възникнал формант, структурно и семантично тъждествен и продуктивен.

Двата признака за „схождане“ – структурната и семантичната еднаквост, са обусловени от връзката на суфикса *-чанин* с неговия „прародител“ – праславянското *-janin*.

Що се отнася до продуктивността, ако тя се разглежда не емпирично, не само като възможност за нови образования с *-чанин*, а системно, т. е. системата на всички синоними на форманта *-чанин* афикси, установявайки с кой род от производните основи наинтересуващия ни афикс се съединява, тук вече започват различията, т. е. тези функционални различия, които така много интересуват лингвистите-типолози.

Тълковните речници и съдържащите тяхната лексика обратни речници на руски и на български език почти не съдържат названия на жители. Затова материалът за съпоставителен анализ на лексиката със суфикса *-чанин* се извлича от специални речници с названия на жители (за руския език) [14], а така също от работите на дериватолозите [15], топонимистите [16], диалектолозите [17] (за българския език).

Освен това материали се извличат от периодичния печат и се използва така нареченият психолингвистичен метод. Беше проведена анкета сред студентите-русисти от Пловдивския университет. Анкетиранияте посочиха имена на жители от населени места в България и от чуждестранни градове (на български език). В случай че формата не е ясно отразен в речниците, такова анкетиране е целесъобразно. Като основа за съпоставяне границите на продуктивността на суфикса *-чанин* в двата родствени езика послужи разглеждането на произвеждащите основи. Доколкото суфиксът *-чанин* образува названия на жители, изясни се съединява ли се той само с топооснови [18] или се съединява и с апелативни съществителни. Важен е въпросът, как суфиксът *-чанин* се отнася към „своите“ (руски, български, по-общо казано, славянски) и към чуждите основи. Накрая се обръща внимание на това влияе ли на суфикса *-чанин* дължината на произвеждащата основа (количеството на корените и сричките).

В съвременния руски език суфиксът *-чанин* като правило се съединява само с топоосновите.

За единичните случаи на съединявания на *-чанин* с апелативни основи ще споменем по-надолу. От топоосновите суфиксът *-чанин* лесно се съединява с „местните“, със своите. Така например старите названия на жители от руски градове на *-ец* често се заменят с названия на *-чанин*. Например: *ростовец – ростовчанин*. Названията на жителите от новите руски градове също се образуват със суфикс *-чанин*: *Братск – братчанин*, *Никель – никельчанин*. От местните топооснови суфиксът *-чанин* не се

съединява като правило с двукоренни основи. От топоними-композити на *-град, -город, -горек, -морск, -водск, -полъ, -бад, -славль* и др. в руския език не се образуват като правило названия на жители с *-чанин*. Като изключения могат да се посочат названия на жители от Ставрополския край. Там се срещат и *ставро-польчани*, и *минводчани*, и *кисловодчани*, и *железноводчани*, и *пятигорчани*. Очевидно е, че действа характерният за топонимичните и от-топонимичните названия закон за реда: в един ареал да се използва един словообразователен тип.

Както показват изледваните речници за названията на жителите, формите с *-чанин* се образуват само от географските названия на славянските територии на Русия, Украйна и Беларусия. Трябва да се отбележи, че в украинския и в белоруския език суфиксът *-чанин* също е продуктивен.

Въпреки голямата продуктивност на суфикса *-чанин* в руския език даденият формант много рядко се съчетава с чуждоезични топооснови. Изключение правят лексемите *кызыльчани* – г. Кызыл, Тува, и *моздокчани* – г. Моздок, Северная Осетия [19].

В руската лингвистика се изказва мнение, че суфиксът *-чанин* е излязъл извън границите само на „своите“ основи [20], че с този суфикс се създават названия на жителите на чуждестранните градове.

Само че в приложението към речника на названията на жителите на СССР, което се нарича „Названия на жителите на градовете на чужди страни“, се открива пълно господство в руския език при тази категория думи на конкуриращия се със суфикса *-чанин* формант *-ец*, т. е. преобладават названия на жители от типа *вашингтонец, лондонец, мадридец* и подобни. От всичко 12 названия на жители на чуждестранни градове, създадени със суфикса *-чанин*, 10 са наименования на жители на славянски градове: 3 полски, 3 югославски, 4 български (*габровец* и *габровчанин, пловдивец* и *пловдивчанин, радмирец* и *радмирчанин, тырновец* и *тырновчанин*). Влиянието на езика-източник в дадения случай не може да не се отчете, както не може да не се обърне внимание и на това, че първи, даже и за българските територии, се дават руските названия със суфикса *-ец* (срв. *пловдивец* и *пловдивчанин*).

С неславянските корени суфиксът *-чанин* се съединява само при названията на жителите на двата швейцарски града Берн и Цюрих. При тях наименованията с *-чанин* се явяват като вариантни: Берн – *бернец, бернци, бернчанин, бернчани*; Цюрих – *цюрихци, цюрихчани, цюрихчанин* [21].

И така за руския език досега не е характерно съединението на суфикса *-чанин* с чуждоезични топооснови. Огромното мнозинство от названията на жителите не само на чуждите държави, но и на чуждестранните градове се създава в руския език със суфикса *-ец*.

Доколкото се отнася до „излизането” на суфикса *-чанин* извън границите на топоосновите, може да се назоват само няколко думи от типа *сельчане* (възможно е да е от *односельчане*): *аульчане, заводчане* [22], които още не са признати от литературната норма, а в речниците на руския език засега не се фиксират [23].

В българския език суфиксът *-чанин* като специализиран формант на названия на жители на населени пунктове (и градове, и села) е широко представен в *potina regionalia* на България: срв. *видинчанин, брезовчанин, ломчанин, пловдивчанин, родопчанин, сопотчанин* и др.

В тази група думи суфиксът *-чанин* е обхванал и названия-композици, т. е. производни от двусричкови основи. Всички български градове на *-град* (*Асеновград, Благоевград, Ботевград, Велинград, Димитровград, Златоград, Момчилград, Михайловград, Свиленград* и др.) имат жителски названия, създадени с помощта на суфикса *-чанин* [24].

В българския език семантичната определеност на суфикса *-чанин* (формант на жителските названия) е по-изразителна, отколкото в руския, тъй като разглежданият суфикс е проникнал и на „чужда” територия: с негова помощ се създават многочислени названия на жители на чужди градове както славянски, така и неславянски (срв. *белградчани, берлинчани, виенчани, киевчани, Кировградчани, лондончани, мадридчани, московчани, одесчани, хамбургчани* и др.).

В българския език суфиксът *-чанин* е по-активен, отколкото в руския, и излиза извън границите на топоосновите. Към литературното *столичанин* може да се добавят и диалектните *горчанин, селчанин* и др. [25].

В българските диалекти суфиксът *-чанин*, съхранявайки своето основно значение – да показва лицето по местоживеене, се съединява с основи на съществителни нарицателни, с основи на местоимения, междуметия, частици.

Образованията с *-чанин* (в диалектните варианти *-чанин, -чънен, -чанен, -чен*) понякога назовават жителите вече не по географски признак, а по особености на речта (срв. *рековчанин* – частицата *ре, жекучени* – частицата *же* вместо литературното *ще*), по семейни отношения (срв. *титучени* – титу – “чичо”) и т. н. [26].

И така в българския език суфиксът *-чанин* обхваща по-голям кръг производни основи, следователно той функционира по-активно, степента

на неговата продуктивност е по-висока, отколкото продуктивността на същия формант в руския език.

С какво може да се обясни по-голямата продуктивност на суфикса *-чанин* в българския език?

Смята се, че при определяне на продуктивността трябва да се премине от синхронния анализ към плана на диахронията. Старобългарският език, както е известно, е познавал само суфиксите *-ин*, и *-анин* като форманта на жителски названия [27]. Суфиксът *-ец* в тази си функция се е появил в старобългарския език едва през XV в. [28] Продължителното използване на форманта *-анин* (*-јанин*) по-нататък довежда до по-голяма честота и активност на неговия удължен вариант *-чанин*.

В руския език суфиксът *-анин* още от древни времена е имал силен съперник – форманта *-ец*: жителски названия със суфикс *-ец* се фиксират от руските паметници още от XI в. [29]. Естествено е, че суфиксът *-ец* се оказва в руския език по-конкурентоспособен, сравнително рано си е завоювал специален кръг от произвеждащи основи – чуждоезични корени.

В съвременния руски език в словообразователното микрополе на жителските названия суфиксът *-ец* продължава да заема стабилни позиции, като ограничава в известна степен продуктивността на суфикса *-чанин*.

Бележки

1. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. – Wien, 1876.
2. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
3. Dokulil M. Tvoreni slov v češtině. I, Teorie odvozování slov. – Praha, 1962.
4. Doroszewski W. Monografie slowotwórcze // Prace filologiczne, т. 13, 1928.
5. Ковалик І. І. Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами. – Львів, 1958.
6. Леков И. Словообразователни склонности на славянските езици. – София, 1958.
7. Ярцева В. Н. Типология языков и проблема универсалий // Вопросы языкознания, 1976, кн. 2, с. 6.
8. След основи на т само в тези езици, където т+j> ч.
9. Дементьев А. А. Суфигиси -ец и -анин (-янин). Русский язык в школе, 1946, кн. 5–6, с. 17.

10. Вж. забележката на югославския лингвист Св. Марковић: *-чанин* е станал в известна степен продуктивен в сърбохърватския език: Св. Марковић, Нака запажења о речнику у нашем новом правопису // Наш језик, кн. XIII, св. 1–2. – Београд, 1963.
11. Кочева Е. За някои особености на жителските и народните названия в дамаскините // Славистичен сборник, 1968; А. А. Абдулаев. Давно ли появились *-чане*? // Русская речь, 1967, кн. 1.
12. Петровичев Г. Ростовец или ростовчанин // Русская речь, 1967, кн. 1.
13. Вж. А. А. Абдулаев. Цит. Съч., с. 67.
14. Словарь названий жителей РСФСР, М., 1964; Словарь названий жителей СССР, М., 1975.
15. Петканов И. Наставките *-ин* и *-ист* в българския език // Български език, XX, 1970, кн. 2–3.
16. Займов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров, проучване на жителските имена в българската топонимия. – София, 1967.
17. Кочев И. Диалектни категории и типове при словообразуването на съществителното име // Известия на Института за български език, кн. XX; Максим Младенов. Названия и прозвища на групи българско население // Известия на Института за български език, кн. XII.
18. Под топоосновите се разбират не само основите на географските названия-съществителни, но и основите на оттопонимичните прилагателни.
19. Смольская А. К. Словообразование в славянских языках. – Одесса, 1971.
20. Лопатин В. Рождение слова. – М., 1973, с. 25.
21. И в двата случая появяването на *-чанин* е възможно да е предизвикано от морфонологични причини: едносричковата основа по силата на закона за сричкото равновесие привлича двусричков суфикс (*Берн – бернчанин*), основа на задноезичен (Цюрих) избягва суфикса *-ец*, който традиционно предизвиква редуване на *к, г, х* в единствено число.
22. Лопатин В., цит. съч., с. 25.
23. Впрочем *сельчане* вече не може да се смята за оказионализъм, тъй като тази лексема се среща даже в телевизионните предавания, в речта на московските говорители.

24. Цойнска Р. Ленинградчани или „ленинградци” // Български език, 1967, кн. 5, С. 486-487.
25. Умленски И. Лексика в кюстендилския говор // Известия на Института за български език, кн. XVI, с. 513.
26. Младенов М., цит. съч., с. 218.
27. Brodowska-Honowska M. Nazwy mieszkańc6w w j6zyku staro-cerkiewno-słowiańskim // Onomastica, Wrocław – Krak6w, 1960.
28. Кочева Е., цит. съч., с. 132.
29. Абдулаев А. А., цит. съч., с. 6; Горпинич В. А. Словообразование имен прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1966, с. 7.

ЈЕЗИЧКА НОРМА И ФЕМИНИНУМИ У СПРСКОХРВАТСКОМ ЈЕЗИКУ

// Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1980. – Т. 10.
– С. 109–115.

У савременој лингвистици постоје појмови норме употребе и норме кодификације који су актуелни и за сербокроатистику.

Са становишта употребе заслужују пажњу српски и хрватски фемининуми, који су обично проучавани са акцентом на облик форманта и границу морфеме. Али за словенске фемининуме специфична је не само деривациона структура, већ и норме функционисања у књижевном и говорном језику, као и њихова посебна веза са категоријама рода и лица.

Постоје фемининуми код којих нема подударања граматичког и природног рода. До сада они нису били предмет лингвистичке анализе, мада је ова категорија речи за неке словенске језике актуелна.

Испитивање фемининума у односу на категорију рода актуелизира проблеме словенског система родова, помаже упоређивању словенских језика по функционалности родова, нарочито по функционалности средњег рода.

У појединим словенским системима родова постоји тенденција ка упрошћавању инвентара на рачун средњег рода, што се нарочито запажа у савременом руском језику, где се дати род, изгубивши везу са категоријом лица и губећи везу са именицама које означавају жива бића, сада јавља само „као апстрактни облик обезличене предметности”.

Југословенски лингвиста такође запажају смањивање продуктивности средњег рода у српскохрватском књижевном језику, које је пре свега изазвано маскулинизацијом нових туђица које се завршавају на „о” и „е”. У српскохрватском језику, међутим, средњи род по традицији чува везу са именицама које означавају жива бића. У средњем роду јављају се и неке личне номинације за особе женског пола. Ове номинације, које се јављају у облику суфиксалних деривата или као супстантиви, и биће предмет наше анализе.

Суфиксални деривати средњег рода који означавају лица женског пола у српскохрватском језику углавном се граде помоћу форманта, који постају од *et*. Ови форманти и преводе фемининум у другу парадигму: *-e* < *ę* (уп. девојка > девојче, са алтернацијом *k* > *č*); *-че* (уп. жена – женче). У стварању фемининума средњег рода учествује и суфикс *-енце*, којим се постиже хипокористика другог степена (уп. девојче – девојченце), а такође аугментативно-пејоративни формант *-иште* (уп. девојка, дијал. девојчиште, жена – жениште).

Мада је познато да се српскохрватски језик, што се тиче чувања продуктивности оваквих деривата, у неплуралним облицима понаша као представник јужнословенске ситуације (којој су блиски чешки и словачки језик и, делимично, украјински), потребно је утврдити састав фемининума средњег рода, прецизирати њихову семантику, граматичке карактеристике и норме употребе у савременом српскохрватском књижевном језику. Грађу смо прикупили из речника српскохрватског језика и књижевних текстова XX века.

Суфиксални деривати средњег рода који именују лица женског пола деле се на две групе: на праве фемининуме и личне номинације које нису маркиране према полу.

У прву групу спадају суфиксалне изведенице са именичком основом, која обавезно упућује на особу женског пола. Инвентар ових фемининума средњег рода је ограничен: *девче* – *дева*; *девојче* – *девојка*; *женче* – *жена*; *цурче* – *кура*. Уп. и већ споменуте хипокористике и аугментативе на *-енце*, *иште*.

У набројаним лексемама носилац фемининалне ознаке је корен речи, а суфикс средњег рода уноси само допунску нијансу младости или експресивности. Речи типа „девче” можемо назвати семантичким фемининумима, јер су и граматички, тј. парадигматски (флексије, проширење основе), и синтаксички (моделу слагања) средњег рода. Конгруенција према граматичком роду се тиче контактних лексема, док је код дистантних обично семантичка. Изузетак од овога представа следећи пример:

„Плаво девојче звало се црномањастим именом Марица и ја га упитах” (Нушић).

Од наведених најфреквентнија је реч *девојче*, у чијој семантици речници фиксирају или конотативно (хипокористичка нијанса) (РМС I), или денотативно значење (РСАНУ I): тј. означавање лица женског пола у прелазним годинама између дечјег и девојачког узраста. Уп. „Старија кћер је била већ девојка у годинама... Млађа је била још девојче. Она се још гласно смијала и замуцкивала у говору” (Андрић).

У денотативном значењу реч девојче је стилски неутрална, о чему говори њена употреба. Она се користи не само у говорном језику него и у књижевном (у пишемом казивању у уметничким делима, као и у неким жанровима публицистике). „И тако је девојче тога лета све чинило како би постало излог своје лепоте”... (Кош). „Devoјče је још stajalo usred šipgražja“ (Назор).

Реч „девојче” постоји и у другим јужнословенским језицима (осим у словеначком), у српскохрватском језику, међутим, ову реч подржава активна употреба истоосновних лексема, са којима се укључује у заједнички низ синонима, где се чува принцип градијације: *девојчица*, *девојче*, *девојка*.

За разлику од речи „девојче”, фемининуми „девиче”, „женче”, „цурче” представљају и малофреквентне, и стилски обојене лексеме – разговорне и експресивне. Суфикс *-че* у овим речима ређе има значење незрелости (али, уп. „младо девче”, РМС I), а чешће деминутивно и експресивно значење (уп. „ситно цурче” – РМС VI, „оноличко жгебаво женче” – РМС II). Значење незрелости уопште се не везује за лексему *женче* < *жена* (женска особа, супруга), зато се у Српскохрватском речнику Н. И. Толстоја реч *женче* не преводи случајно са *бабенка* и *женушка*. На све мању функционалност речи *женче* и сличних утиче конотативност њихове семантике, јер је у српскохрватском језику доста значајна конкуренција деминутивно-хипокористичких деривата: уп. *женче* и *женица*; *цурче* и *цурица*, *цуртак*.

Фемининуми средњег рода познати су свим јужнословенским језицима, али не у подједнакој мери: уп. буг. *буле* – *булка*, *булче* – *булка*, *девојче*, *моме* дијал. < *мома*, *момиче*, *сестриче*, *рускинче* – *рускиња*, *слугинче* – *слугиња*, *срџкинче* – *срџкиња*, *шопкинче* – *шопкиња*, *јунакинче* – *јунакиња*, мак. *моме* – *мома*, *девојче*, *женче*, *невевче*, *сестриче*, *момиче*; слов. *dekle* (девојка).

Са аспекта инвентара лексема и њихове структуре разноврснији су фемининуми средњег рода бугарског језика, у којима поред *-е*, *-че*

функционише и формант *-иче* (*момиче, сестриче*). У бугарским семантичним фемининумима шоп-кин-че, срљб-кин-че, рус-кин-че и сличним значење женскости не носи коренска већ суфиксална морфема, која претходи форманту средњег рода. У словеначком језику збир фемининума средњег рода је мали. Словеначки језик не зна за суфикс *-че*, који је у српскохрватском ареалу продуктиван само у штокавским говорима, који се граниче са бугарским и македонским језиком. Словеначко *dekle* (средњи род), које стоји одвојено у систему женских личних номинација, према запажањима М. Ивић подлеже синтаксичкој феминизацији: израз *naša dekle* је обичан, неутралан, за разлику од експресивно обојеног *naše dekle*.

У другу групу суфиксалних деривата средњег рода спадају *личне номинације које нису маркиране према полу*.

а) То су пре свега деривати на *-е, -че* са двојаком мотивацијом, који су настали од именица мушког и женског рода са значеним лица: уп. *унуче-унук* и *унука*. При грађењу сличних деривата суфикс са значењем незрелости додаје се или на неизведену (уп. *унуче, кумче*), или, пак, на скраћену именичку основу (Ст. Бабић говори о основи генитива), која губи деривационе показатеље мушког (*-ин, -иц, -ак*) или женског рода и пола (*-к-а, -иц-а, -кињ-а*); уп. *јединче – једин(иц) и једин(иц)а; пасторче – пастор(ак) и пастор(к)а; Францушче – Француз и Францус(кињ)а* итд. Речи типа *јединче* означавају, у складу са својом семантичко-деривационом структуром, лице уопште, лице које није пунолетно или изазива одговарајућу експресију код онога који говори.

Овакве лексеме потенцијално су неједнозначне. Оне указују на лица оба пола. Идентификација лица према полу могућа је у контексту уз помоћ допунских речи: заменица које имају облик рода, придева „женско” и других: уп. „Она је јединче па к томе женско јединче” (РМХ,II).

У личне номинације које нису маркиране према полу спадају не само деривати на *-не* са супстантивном, већ и са адјективном и глаголском основном: уп. *слабуњаво дете – слабуњче, дојити – дојенче* и други.

б) Са аспекта номинације посебно су интересантне лексеме са глаголском основном и суфиксом *-ло*, које означавају лице и имају пејоративно обележје; уп. *бенетало, дремало, закерало, клетало, мазало* и слично. Норме коришћења ових лексема мењале су се у историји српскохрватског језика.

У Рјечнику В. Караџића, као и у источно-херцеговачким говорима, ове речи су искључиво мушког рода. У савременом српскохрватском језику, међутим, оне чешће имају и своје моделе слагања у средњем роду. Као

именице средњег рода које нису одређене према полу, оне могу да се јаве и у улози номинација женског рода. Уп. „... Па онда ово јадно *пијукало*... Кад понудиш *јој* срећу, одговара: „Не удајем се још”, РМС IV. „...Једнога дана у канцеларији је зазвонио телефон. „Дацо, јеси ли ти? Овде је црна Љубинка, сећаш се Љупка „*Мазало*” (Н. Маринковић).

Имајући у виду и граматички, и природни род, М. Ивић речи на *-ло* назива лексемама двојаког рода.

в) У личне номинације средњег рода које нису маркиране према полу спадају и различите по структури лексеме типа *биће, лице* (у преносном значењу), *створење, чудовиште* и друге које имају опште значење лица и бића.

Феминост оваквих лексема, тј. везивање за лице женског пола, открива се уз помоћ језичке ситуације или у контексту. Један од начина да се изрази феминост у одговарајућем контексту је прилично честа употреба придева „женско”: Уп. „... нико не памти да је икад *женско створење* било послован човек” (И. Андрић, III, стр. 89).

Запажања о личним номинацијама средњег рода у контексту (које нису маркиране према полу) показују да српскохрватски језик зна како за универзалне речи које прецизирају пол тако и за своје властите српскохрватске, тачније јужнословенске.

У универзалне речи спадају пре свега заменице које разликују род, јер тамо где је именица потпуно изгубила формална обележја рода, или, као у нашим примерима, упућује на други род и не може да указује на природни пол лица, користе се заменице које разликују род. У српскохрватском језику то су пре свега личне заменице трећег лица. (Уп. „... и чини од *ње* усамљено *створење*...”, Андрић). У универзалне показатеље пола треба, очигледно, уврстити и такве показатеље пола лица као што су властита имена људи (уп. „... *Мара* је била право *клетало*...”, РМС), као и фемининуме који означавају родбинске односе – мајка, сестра, жена (уп. „једино *створење* била је ова *њена сестра*...”, Андрић).

Универзални показатељи пола лица у српскохрватским текстовима користе се упоредно са јужнословенским, као што су придеви „женско” и „мушко” (уп. женско дете, женско чељаде, женско сироче, женско јединче, женско створење; мушко дете, мушка младеж и сл.).

Нпр. „... да су сва *деца* у школи, и *мушка*, и *женска*, строго опомену-та...” (Андрић). Аналогну употребу придева мушки и женски приликом указивања на пол лица или животиње лингвисти налажу у бугарском језику. Уп. „једно женско кенгуру”.

Вероватно су ове „своје”, чисто јужнословенске показатеље пола лица и животиња српски, хрватски и бугарски језик морали изградити због велике фреквентности употребе именица које значе лица и жива бића у облику средњег рода.

Код супстантива средњег рода такође се разликују прави фемининуми и личне номинације неодређене према полу.

У праве фемининуме средњег рода у српскохрватском језику спада само супстантив „женско”, који у оваквом облику рода нема свој аналог у словенским језицима, осим у бугарском (мада у бугарском народном говорном језику овај супстантив чешће има значење које је блиско: женско – женка животиње).

Друга варијанта рода – супстантив – фемининум „женска” – такође је карактеристичан за српски и хрватски језик, али је познат и неким другим словенским језицима: уп. словен. *ženska*; доњолужички *ženska*, чешки *ženska* (експресивно, пејоративно); бугарски *женска*; руски дијал. *женска*.

Супстантиви – фемининуми су постојали већ у прасловенском језику: уп. **deva*, **vъdova*. Употреба придева женска (женско) у именичкој функцији могла је бити изазвана прасловенским импулсима, међутим везује се за каснији период одвојеног постојања словенских језика (није фиксирана у старословенским канонским текстовима).

У српскохрватском језику супстантив „женско” у облику средњег рода први пут је забележен у тексту српске Александрије XVI века, AR св. 96, стр. 330.

Појаву супстантива *женска* (и *женско*) у словенским језицима највероватније је изазвало то што је општесловенска лексема „жена” била оптерећена са два актуелна значења: 1. женска особа 2. супруга. У оним језицима где су ова значења добила одвојен лексички израз супстантив „женска” не постоји, или се користи само као експресивни или дијалекатски облик. Уп. пољско 1. *kobieta* (женска особа), 2. *żona* (супруга); чешко 1. *žena* (женска особа), 2. *mandželva*, *žena* (супруга); 3. *ženska* (експресивно пејор.); руско 1. *женщина*, 2. *жена* (супруга), 3. *женска* (дијал.).

Пошто у јужнословенским језицима реч „жена” чува семантички дуализам, неопходна је употреба супстантива *женска* (и *женско*). Уп. наслов чланка у лингвистичком часопису „О пореклу речи кева у смислу мајка или женско”.

Како је настао супстантив средњег рода женско у српскохрватском језику?

Могуће је, вероватно, говорити за два начина наставка супстантива *женско*. Први начин је елипсација већ спомињаних српскохрватских атрибутивних синтагма типа „женско дете”, „женско чељаде”, „женско створење” и сл. Елипсацију потврђује и најстарија писмена фиксација у AR супстантива женско < женско дете (уп. „A koli (žena) porodi žensko, drži je u sebe do vika”).

У текстовима нашег времена пут образовања супстантива *женско* из атрибутивне синтагме као да се на неки начин понавља. У том смислу интересантни су примери коришћења синтагме „женско чељаде” и супстантива «женско» (женска особа) у семантичким дефиницијама AR:

Francuskinja – žensko čeljade iz Francuske;

Novkinja – žensko iz Novog.

Уп. даље пример из „Аутобиографије” Б. Нушића: „... Бабица... је објавила да је *дете* које се родило *женско*. На глас да сам *женско* мој отац пљуну, почеше се иза уха и опсова ружно” (Нушић).

Још је А. Потебња указивао да супстантиви у словенским језицима могу настати непосредно, не пролазећи обавезно стадиј атрибутивне синтагме. О овом другом путу пише М. Стевановић, указујући на збирно значење речи „*женско*” у српскохрватском језику, које је уопште карактеристично за супстантиве средњег рода. Уп. „Волео је више ракију него *женско*, а више од ракије волео је слободу и скитњу” (Андрић).

Са збирним значењем супстантив „*женско*” улази у устаљену синтагму „и мушко, и женско”, тј. сви, сви одреда. Очигледно, лично значење супстантива „*женско*” се на тај начин јавило касније него збирно, и учврстило под утицајем речи „*мушко*”, која се паралелно употребљава. Међутим, за разлику од речи „*мушко*”, уз коју се атрибут употребљава у облику мушког рода, супстантив „*женско*” чува не само у деклинацији (уп. генитив *женскога* и *женска*), већ и у моделима слагања обележја средњег рода: уп. „Други дан тражило је Младена... једно умотано и расплакано женско” (РСАНУ).

Супстантив „женско” у српскохрватском језику користи се не само у говорном језику, већ понекад и у књижевном (уп. дефиниције у речницима).

Паралелни облици „женско” и „женска”, који постоје у српскохрватском језику по пореклу су локалне варијанте. Основно значење ових речи – именовање лица женског пола – је исто. Карактеристично је да неки лексикографи, који ради семантичке тачности употребљавају поменуте супстантиве, час нагињу употреби средњег рода (нпр. П. Скок), час употреби само облика „женска”. Уп. код Л. Бакотића: „песникиња,

ж. I, женска која пише песме” (РБ, 768); „сељакиња – женска са села” (РБ, 1094).

Речи „женско” и „женска” практично је још 1924. године кодифицирао Т. Маретић: „ženskinja... nema nijedan гјечник ni stariji ni noviji; bolje: žena, ženska, žensko“ (Jezični savjetnik, s. 190).

У наше време нестаје регионалног облика „женско” и „женска”. Многи носиоци српскохрватског језика користе обе варијанте (уп. текстове Б. Нушића, хрватског писца Сл. Колара). У том случају „женско” је неутрална лексема, а облик „женска” је стилски обележен, има пејоративно значење с различитим степеном експресије.

Навешћемо таблицу семантичких компонената лексема „женско” и „женска”.

Семантичке компоненте				
Реч	лице ж. п.	дете ж. п.	збир лица ж. п.	лице ж. п.спејор. значењем
женско	+	+	+	-
женска	+	-	-	+

Може се претпоставити да ће даље разграничавање варијаната ићи семантичком линијом.

Поред речи „женско” срећу се само поједини примери околиналне у потребе именичких придева средњег рода за означавање лица женског пола у српскохрватском говорном језику (у уметничким текстовима).

Изражавање значења збира одавно је најважнија функција средњег рода у словенским језицима. У значењу збира у српскохрватском језику употребљава се читав низ супстантива средњег рода типа старо и младо, мало и велико, нејако и сл. Сви ови супстантиви користе се за именовање збира људи без указивања на природни род лица.

А. Белић је истицао да се употреба оваквих супстантива с неодређеним личним значењем учвршћивала под утицајем заменица: ко, неко, нико, којемо, свако које не знају за категорију рода.

Према томе, иако у српскохрватском језику процеси маскулинизације обухватају знатан број речи које се завршавају на -о, -е, анализа показује да је позиција средњег рода у номинацији лица, укључујући и лица женског пола доста стабилна.

Фемининуми средњег рода имају скромно место у српскохрватском језику, али комплексна анализа женских личних номинација без њих није могућа. Употреба фемининума и маскулинума не зависи само од лингвистичких закона, већ и од социолошких фактора. Могуће је да је већа фреквентност употребе придева женски, мушки (женско, мушко) нарочито у синтагми са лексемом *дете* изазвана односима који су постојали у патријархалној словенској породици. Треба споменути да се српска породична заједница, као образац старе патријархалне породице, задржала све до XIX века.

Речници и скраћенице

1. Бакотић Ј. Речник српскохрватског књижевног језика. – Београд, 1936. – БР.
2. Карацић Вук Стеф. Српски рјечник (1818). – Београд: Просвета, 1966. – ВР.
3. Карацић Вук Стеф. Српски рјечник. – Београд, 1898.
4. Речник српскохрватског књижевног језика. Матица српска – Матица хрватска. Књ. I–III. – Нови Сад – Загреб. – 1967–1969. – РМС/МХ; Књ IV–V. – Нови Сад. – 1971–1976 – РМС.
5. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I–XV. – Београд, 1959... – РСАНУ.
6. Рјечник хрватскога или српскога језика. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti. Sv. 1–23. – Zagreb. – 1880–1976. – АР.
7. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. – Knj. 1. – Zagreb: JAZU. – 1971. – Скок.

ОБРАЗ ВИЛЫ В МИФОЛОГИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

(по данним сербског језика)

// Вопросы литературы народов СССР. – Одесса, 1982. – № 8. – С. 147–154.

Славјанска мифологија через хероически епос и сказку везана к литературсој, котораја постојанно обогачује фолклорним образима, мотивима, сюжетима. Интерес к славјанској мифологији испитују не толькo фолклористи и литературоведи, но и лингвисти, ибо в изучении проблем древней славянской культуры, в том числе мифологии, линг-

вистике принадлежит одно из важных мест. Лингвистический анализ необходим для характеристики образов и их взаимосвязи в древнеславянской мифологии.

Факты современных славянских языков оказывают помощь и при решении вопроса об устойчивости мифологических представлений.

Наукой XX в. многое сделано для установления семиотических отношений внутри славянской мифологической системы, строящейся по принципу антиномии добра и зла, а также связанных с этой антиномией других более частных противопоставлений, среди которых особого внимания заслуживает антиномия по признаку “мужской – женский” в связи с персонификацией многих мифологических образов. В. В. Иванов и В. Н. Топоров подчеркивают, что это противопоставление обусловлено причинами не только биологического, но и социального порядка, отражает принципы организации большой славянской семьи на стадии изживания матриархата и соответственно закрепляет за женскими персонажами отрицательное содержание [4, с. 176].

В работах историков [7], лингвистов [2], мифологов настойчиво проводится мысль о необходимости углубить временные характеристики древнеславянской мифологии. В связи с этим возрос интерес к предметам древнего искусства с феминативной семантикой, а также к женским мифологическим персонажам, которые могут свидетельствовать о предпатриархальной родовой культуре у славян. Этот интерес прослеживается и в работе академика Б. А. Рыбакова “Язычество древних славян” [7, с. 357].

Известно, что в пантеоне славянских богов нет, как правило, богинь. Противопоставление “мужской – женский” касается в основном низших существ мифологической системы, где наличествуют коррелятивные по структуре пары с возможным различием в семантике. При комплексном же подходе к мифологической системе в общеславянском и локально-славянском планах в поле зрения попадают и коррелятивные пары, и асимметричные существа как мужского, так и женского рода.

Составители Сербского мифологического словаря в предисловии к этому изданию особо выделяют в сербской и черногорской мифологии группу декоррелятивных женских существ типа *бабице, виле, Мора, Пу-столовица* и другие, считая, что эта группа косвенным образом связана с отражением следов матриархата. Речь идет только о количественном составе женских демонов и их независимости, декоррелятивности, а не о том, что они непосредственно затрагивают идеи матриархата (в отличие от некоторых сербских обрядовых женских персонажей).

Что же представляет собой подсистема женских декоррелятивных персонажей в сербской мифологии? Рассматриваемые образы сербской демонологии в зависимости от сферы их действия можно разделить на демонов природы, живущих далеко от человека, и демонов, влияющих на судьбу человека, хоть временно, но появляющихся в доме, в жилище человека. Деление несколько условное, так как демоны природы, согласно народным поверьям, также могут вмешиваться в человеческую жизнь.

Демоном природы можно считать сербскую (шире – южнославянскую) *вилу*, образ праславянского происхождения, который в демонологии восточных славян заменился “наносным” элементом – русалками, а у западных славян, по интересному предположению А. Брюкнера, возможно, оставил следы в виде наименования лиц, подвергшихся чарам этой нимфы, и появился в XIV–XV веках у чехов под влиянием сербского фольклора. Материал о славянской *виле* в древних источниках крайне лаконичен, и хотя он содержится преимущественно в русских рукописях [1, с. 26, 229; 7], в отечественном описании славянских мифологических существ *вилам* уделяется незначительное место.

Не останавливаясь подробно на образе *вилы* в сербской мифологии, укажем только на те черты, которые свидетельствуют о его неоднозначности в поверьях и песенном творчестве. В народных поверьях образ *вилы* дальше от человека и ближе к природе, то есть к своей первоначальной сущности. В. Чайканович подчеркивает, что в народе образ *вилы* тесно связан с травяным культом [9]. Локально образ *вилы* сохранился в народных поверьях не на всех сербских территориях. С. Миятович, например, еще в начале XX века указывал, что в некоторых сербских и черногорских регионах *вилы*, которые прежде именовались словосочетанием *горске виле*, в связи с эллипсацией этого словосочетания называются просто *горске* (лесные) [6, с. 444]. В Неготинской Краине, по свидетельству С. Зечевича, возможно, в связи со слиянием славянского и влашского элементов в мифологии *вила* как персонаж отсутствует, но этот образ как бы восполняется другими демонами природы, владеющими водными пространствами, лесами (*шумске мајке* – лесные бабы). Там, где образ *вилы* представлен, он микролокализован, связан с какими-то конкретными географическими объектами: горами (*вилаина планина*), источниками (*вилаина вода*, *вилин извор* – источник), лесами и лесными полянами (микротопонимом *вилаино коло* именуются многочисленные лесные травяные локалитеты).

Из архаических особенностей, связанных с образом *вилы* в сербских народных поверьях, укажем на сохранившиеся в Сербии, по данным начала века, бескровные жертвоприношения *виле*, атрибутивно напоми-

нающие аналогичные действия, описанные в древнерусских источниках в качестве недопустимого проявления языческого культа этого мифологического существа. Так, в древнерусских документах *вилам* “кладут требы” – приносят каравай [1, с. 375]; у сербов же тот, кто случайно попал на *вилино коло* (место, где собираются *вилы* для игр и танцев; *вилино коло* – место в лесу с буйно и оригинально растущей травой в виде разноцветного круга), должен принести туда *погачу* (хлебную лепешку) и вино [6, с. 444].

Для выяснения древнего облика *вилы*, для снятия позднейших напластований существенны показания болгарского народного языка. У болгар *вила* чаще именуется *самовилой*, чем подчеркивается ее уединенность, одиночество (болгарская *самичка* – одинокая, сербскохорватские *самац*, *самича* – одинокий, одинокая).

Термину *самовила* синонимичен и *самодива*. И тот, и другой образ В. Георгиев относит к самой ранней из устанавливаемых фаз развития славянской мифологии [2, с. 471]. Слово *самовила* в болгарском языке имеет и значение “воздушный вихрь”, что подтверждает природные истоки понятия и правильность этимологии термина “вила”, выдвинутой А. А. Потебней: *вила* – это гонящая облака, носящаяся в небесах.

В отличие от народных поверий, в сербской песенной традиции *вила* наиболее персонифицирована. *Вилы* тесно связаны с героями сербского эпоса, например, с королевичем Марко, узамы побратимства. Свидетельство этому находим в песнях “О Марке королевиче и Мусе Кеседжийи” [5, с. 234], “Марко королевич и Вила”, “Смерть королевича Марко” и других. *Вилы-посестримы* помогают героям (юнакам) в бою, лечат травами их тяжкие раны, дарят им коней, предсказывают судьбу. От *вил* рождаются герои.

Переключаясь из народной поэзии в книжную, образ *вилы* в сербской литературе еще более поэтизируется: *вила* стала музой поэтов, а затем и существом, причастным к искусству. Встречаются такие индивидуально-авторские неологизмы, как *вилин сын* (поэт), *вилин храм* (театр) и другие.

Итак, образ *вилы*, как нам представляется, проходит у сербов три стадии: собственно мифологическую, песенно-фольклорную и книжно-поэтическую. Естественно, что это, с одной стороны, способствовало сохранению образа в народной памяти, с другой, разрушало его первоначальный облик.

Какие же свидетельства о *виле* представляет современный сербский язык (литературный и диалектный)? В современном сербскохорватском языке нормы в области лексики не разграничивают строго литературно-письменную и устно-разговорную стихию.

Выявить дифференциацию образа вилы в сербской мифологии позволяют лингвистические источники. В сербском языке *вилы* различаются с помощью атрибутивных слов – существительных и прилагательных. Многие атрибуты-существительные (*загоркиња, нагоркиња, пригориня* и другие) в определительной функции используются только по отношению к слову *вила*, то есть специально созданы в народном языке для атрибуции вил. Атрибуция вил проходит в основном по локальному признаку, по признаку их обитания. По степени распространенности атрибутов *вилы* прежде всего связаны с горами (*загоркиња, нагоркиња, планинкиња, подгоркиња, пригоркиња*), с водными источниками (*водна, наводкиња, језеркиња, морска, приморкиња*), с лесом (*шумска, горска*). Единичны атрибуты типа *облакиња* (и *зрачка* – воздушная), *пештеркиња* – пещерная, *пољска, равнинная* – полевая. По поводу слова *облакиња*, не имеющего синонимов, следует сказать, что все *вилы* в народном представлении способны летать, и, очевидно, этот атрибут может характеризовать временное их местопребывание.

Вилы также дифференцируются чаще всего по их отрицательным и положительным функциям: *лутница* (злая) и *добрица* (добрая), *устрелица* (стреляющая) и *милосница* (любимица, фаворитка), *чуварица* (охраняющая), *биљарица* (собирающая травы). Разделяются они также по взаимоотношению с людьми (*вила-посестра*) и между собой (*вила-старејшина*). Внешние качества *вил* реже используются для дифференциации: *златокоса* (золотоволосая). Используется в фольклоре; постоянный эпитет *бела вила*. Таким образом, основной признак атрибуции *вил* – нахождение в природе. Вилы, несмотря на полную персонификацию в фольклоре, вплоть до приобретения собственных имен, продолжают быть тесно связанными с горами, водами, лесами, что подчеркивает их происхождение как демонов природы.

Языковые данные могут быть показателями устойчивости народных представлений о *виле*. Лингвистическими классификаторами устойчивости мифологического образа являются словообразовательные, фразеологические и семантические признаки.

У слова “вила” в сербскохорватском языке очень большой словообразовательный потенциал. В отличие от обычных феминных названий, имеющих в качестве производных, как правило, только притяжательные прилагательные, а также уменьшительные и увеличительные формы, слово “вила” является вершиной весьма разветвленного словообразовательного гнезда. Так, число производных с корнем “вила” по данным Словаря сербскохорватского литературного и народного языка составля-

ет 57 слов без полусложных, стоящих на границе со словосочетанием, и поэтически-индивидуальных, возникших в книжной речи. Производные с корнем “вила” относятся ко всем знаменательным частям речи. Здесь и созданные путем обратного словообразования наименования лиц мужского пола, связанных *виллой* (*виленик* – тот, в кого вила вдохнула свою душу при рождении, *виллин сын*; *вилаш* – *виллин муж*), и многочисленные притяжательные прилагательные с разнообразными суффиксами (*виле коло*, *виллино коло*, *виллиње коло*), которые являются, вероятно, региональными синонимами и подчеркивают распространение образа *вилы* в разных регионах сербскохорватского языкового массива. Интересны и глаголы с корнем “вила”, например *вилловати* (жить как вила).

Показателем устойчивости образа в народной памяти и его распространенности являются фразеологизмы и речевые штампы со словом “вила”, связанные с народными поверьями о том, что людям *виллу* не следует задевать, раздражать, обижать, чтобы не навлечь ее гнев и мщение. Характерны в этом отношении выражения: *идти као дага виле носе* (как будто его вилы несут), *идти да га не би виле ухватиле* (идти так, чтоб его вилы не схватили), то есть идти очень быстро, “лететь”. Есть и клятвенно-ругательные выражения, в состав которых входит мифономинант “вила”: *виле у тебе ушли* (пусть в тебя вилы войдут, пусть тобой вилы владеют), *виле те однели* (пусть тебя вилы возьмут) и другие. Состав фразеологизмов и речевых штампов со словом “вила” пока никем не описывался. Судя по современным лексикографическим изданиям, он достаточно богат, но не однороден и неадекватно дается словарями.

Классификатором устойчивости образа являются и постоянные (не окказиональные) переносные значения слова “вила”, которые осуществляются по признаку необычной красоты *вилы*, ее одиночества (например, литературоведы использовали оборот *Врдничка вила* – Вила из Врдника, упоминая об известной поэтессе XIX века Милице Стоядинович-Сербкине), по функции вдохновлять людей (*вила* – муза поэтов).

Таким образом, данные современного сербского языка, языковые пласты, связанные с мифологическим номинантом “вила” (дифференцирующие атрибуты, производные лексемы, словесные штампы, переносные значения), укрепляют наше представление о *виле* как о древнем мифологическом персонаже анимистического происхождения, чей образ прочно закрепился в народной памяти сербов благодаря не только поверьям, но и народно-песенной традиции. Со временем этот образ становился (преимущественно в фольклоре) все более многофункциональным: если древняя *вила*, тесно связанная с природными объектами,

не терпела вмешательств человека и могла жестоко отомстить за это, то фольклорно-песенная чародейка уже многочисленными нитями была скреплена с жизнью людей, не только очаровывала, но и оберегала, лечила их, предвещала им судьбу.

Остальные декоррелятивные женские персонажи сербского фольклора (*бабице*, *Мора*, *Пустоловица* и другие) целым рядом семантико-типологических признаков отличаются от образа *вилы*. “Демоны судьбы”, во-первых, вне жизни человека не мыслятся. Во-вторых, они однофункциональны. В-третьих, функции их всегда только отрицательны. Так, например, *бабице* (в сербскохорватском языке *бабица* – повитуха) – это демоны, которые приносят зло роженице и новорожденному; *Мора* (ср. глагол *морити*) является ночью и душит человека (черногорский вариант *Моры* – *Пустоловица*). В связи с однофункциональностью женских “демонов судьбы” представления о них меньше отложились в языке. Эти образы не вызвали особого интереса и у художников слова.

Образ же чародейки Вилы вдохновлял не только южнославянских поэтов. Вила имеет много общего с украинской Мавкой. Обе эти близкие к природе нимфы стали героинями произведений Леси Украинки – “Лесная песня” и “Вила-посестра”. Поэма “Вила-посестра” близка к сербскому героическому эпосу и мотивом побратимства *вилы* и юнака (героя), и изображением битвы с врагом, и системой постоянных эпитетов (*бела вила*). Южнославянская чародейка, помогающая юнакам в борьбе с завоевателями, *бела вила*, *вила-посестра* Леси Украинки – не только яркий образец взаимосвязи источников фольклора в литературе славян, но и одно из свидетельств глубокой поэтичности древнего мифологического персонажа.

Список использованной литературы

1. Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. – СПб., 1914.
2. Георгиев В. Трите фазе на славянската мифологија // Истражувања во чест на академик Михаил Арнаудов. – София: Изд-во на БАН, 1970.
3. Зечевић С. Традиционална култура Неготинске Красине. – Београд: Етнографски музеј, 1970.
4. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965.
5. Карачић Вук Ст. Сабрана дела, Књ. 1. – Београд: Просвета, 1965.

6. Мијатовић Ст. Народна медицина Срба селяка у Левчу и Темничу // Етнографски зборник. – Београд, 1909.
7. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981.
8. Толстой Н. И. Лингвистические аспекты исследования славянского язычества // Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков. Тезисы докл. и сообщ. Всесоюзной научной конференции. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1975.
9. Чајкановић В. Мит и религија у Срба. – Београд, 1973.

РОЛЬ ОМОНИМИИ В ИМЕННОЙ ДЕРИВАЦИИ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА

// Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1986. – Књ. XXIX / I. – С. 128–137.

В современной славянской дериватологии актуально системное изучение словообразовательных моделей в границах деривационных категорий, установление закономерностей сочетаемости мотиватора и дериватора, а также факторов, ограничивающих образование производных лексем.

К таким отрицательным факторам в словопроизводстве относят и омонимию, однако проблема взаимодействия омонимии и деривационного процесса в славистике еще слабо изучена, не решена ни с теоретической, ни с практической точки зрения.

Теоретические разногласия в этой проблематике порой свидетельствуют о полярных позициях языковедов. Например, в русской лингвистике наряду с признанием влияния омонимии на деривацию (В. В. Виноградов [1], Е. А. Земская [2] и др.), имеются и отрицательные суждения по этому поводу [3].

Югославские дериватологи в теоретическом плане проблему омонимии и словообразования затрагивали редко, однако, в ряде работ по словообразованию сербскохорватского языка имеются интересные наблюдения об омонимических запретах в функционировании отдельных деривационных моделей. Чаще всего эти омонимические запреты связаны с поведением дериватора в контактной зоне, на стыке морфем.

Например, устанавливается, что сербскохорватский суффикс не присоединяется к основам с исходом на „ч“, нет ни одного производного

на *-чац* [4]. Реже упоминаются ситуации лексической омонимии, когда „место занято” другим одноименным производным [5].

Для теории словообразовательной омонимии существенно положение П. Скока о том, что на ход именной деривации, на продуктивность отдельных формантов может влиять не только лексическая, но и грамматическая омонимия. Это положение было высказано П. Скоком еще в 1928 г., с опорой на специфику сербской и хорватской именной деривации, при рассмотрении омонимии субстантивов и адъективов [6].

Теоретическим обоснованием проблемы связи омонимии и словообразования в наши дни следует считать неоднократно высказывавшееся в лингвистике положение о том, что словообразовательную структуру слова нельзя рассматривать изолированно, как нельзя ограничиваться и анализом только пары слов, связанных отношениями словообразовательной мотивации. Новое производное слово невозможно без соединения мотиватора и дериватора, однако процесс их объединения идет по образцу, отраженному в целом ряде производных определенной структуры и находящемуся вне непосредственного акта деривации. Т. е. на процесс деривации влияет не только разнообразная характеристика конкретного мотиватора и конкретного дериватора, но и то, что находится за их пределом. Вполне уместно полагать, что в словообразовательном процессе определенным образом участвуют не только притягивающие лексемы, т. е. слова-модели, слова-образцы, но и отталкивающие однозвучащие производные.

М. Докулил справедливо подчеркивает, что дериватолог должен наблюдать „как слова на основе своего строения (словообразовательной структуры) включаются в словарный запас языка” [7].

Мнение о влиянии омонимии на словопроизводство не противоречит семантическому способу деривации, конверсии, многократному и различному использованию одних и тех же словообразовательных моделей, т. е. процессам, объективно ведущим к одноименности.

Язык, с одной стороны, в словопроизводстве продуцирует омонимию, что и вызывает количественный перевес производных омонимов над непроизводными, а, с другой стороны, в определенных словообразовательных моделях проявляется стремление к освобождению от омоструктур. В славянских языках возникновению омонимии способствует омоформность многих именных аффиксов и, наоборот, специализация словообразовательных формантов вызывает противоположные тенденции.

Проблема словообразовательной омонимии в современной дериватологии содержит два главных вопроса: 1) что такое словообразовательный

омоним; 2) какова роль однозвучащих слов, форм, морфем в словообразовательном процессе. В наше время основное внимание дериватологи обращают на характеристику понятия словообразовательного омонима как такового, устанавливая следующие признаки этого лингвистического объекта: 1) словообразовательные омонимы являются результатом деривации; 2) это однозвучащие слова преимущественно одной и той же части речи; 3) отличающиеся по семантике; 4) не фиксирующие отличий деривационных историй и словообразовательных значений в своем звуковом составе [8].

Для деривационного процесса релевантны не только реальные производные омонимы, но и потенциальные однозвучащие слова, созданию которых препятствовала омонимия.

Отвечая на второй вопрос – о роли омонимии в словообразовании – необходимо рассмотреть омонимические ситуации, возникающие в словопроизводстве, когда на процесс создания деривата воздействует фактор омонимии (лексической, грамматической, морфемной).

При изучении определенных участков словообразовательной системы следует выявлять омонимические ситуации и устанавливать их типы; рассматривать степень влияния омонимической ситуации как на конкретные деривационные модели, так и на деривационную систему в целом, определять способы освобождения от омонимической ситуации, если таковые имеются, как непосредственно в процессе словообразования, так и в диахроническом аспекте.

Поскольку есть многократно повторяющиеся, типичные омонимические ситуации, именно им должно быть уделено первоочередное внимание исследователей в отличие от нетипичных, единичных омонимических ситуаций, затрагивающих отдельные омонимичные пары.

В последующем изложении омонимичные ситуации рассматриваются в словообразовательной категории сербских и хорватских фемининативов, корпус которых составлялся на материале словарей XIX и XX вв. (перечень словарей дан в конце работы), т. е. представлен в двух синхронных срезах, что помогает видеть некоторые тенденции освобождения языка от производных омонимов, связь этих тенденций с лексико-семантическими закономерностями или процессом перестройки деривационной системы.

Формирование производных названий лиц ж. пола в сербском и хорватском языке обнаруживает три типа омонимических ситуаций:

1) ситуации лексического уровня, связанные с лексико-словообразовательной омонимией производных лексем; 2) ситуации грамматического

уровня, вызванные грамматической омонимией субстантивов и адъективов; 3) ситуации, обусловленные полной или частичной омонимией морфем в контактной зоне, т. е. ситуации морфемного уровня.

Наиболее распространено столкновение лексико-словообразовательных, преимущественно однокоренных омонимов, что в рассмотренном материале, в основном, вызывается оморфомностью суффикса *-иц-а*, который в сербском и хорватском языке полифункционален, передает в производных значение феминности, деминутивности, создает *nomina loci*, *nomina instrumenti* и другие предметные наименования [10].

Разностилевые омонимы, заслуживающие особого рассмотрения, создаются с помощью суффикса *-(н)иц-а* (ср. наименования лиц ж. пола и военные термины; фемининативы и названия деловых документов, напр, *заштитница* 1) женска особа *заштитник*, 2. војн. део јединице који штити главнину војску [РМС, II, 259]; *увозница* 1. она која увози, 2. дозвола за увоз [РМС, VI, 400].

Другие продуктивные суффиксы женскости (*-к-а*, *-ињ-а*, *-кињ-а*) реже принимают участие в создании омонимических ситуаций.

Приведем примеры всех названных выше омонимических ситуаций на материале фемининативов с различными суффиксами.

Омонимия на лексико-словообразовательном уровне проявляется в одноименности фемининативов и деминутивов, фемининативов и *nomina loci*, фемининативов и *nomina instrumenti* оморфомным суффиксом *-иц-а*. Омонимия в названиях лиц и предметов отражает общеславянскую тенденцию, т. к. в славянских языках названия предметов обслуживаются суффиксами из категории личных обозначений.

Конкретное проявление этой общеславянской тенденции специфично для сербского и хорватского языка.

Так, В. В. Виноградов, говоря об омонимии в кругу названий лиц ж. пола в русском языке, не упоминает столкновения фемининативов и деминутивов, а омонимию для сфер *nomina loci* и *nomina instrumenti* подчеркнуто связывает с маскулинными личными номинациями [10].

Омонимия фемининативов и деминутивов в сербскохорватской именной деривации связана с определенной группой мотиваторов – названиями лиц м. пола с парадигматом *-а* типа *војвода*, *газда*, *слуга*, *терзија* и под. От таких мотиваторов фемининативы и деминутивы создаются оморфомным суффиксом *-иц-а* (или со значением женскости, или с экспрессивно-деминутивной семантикой). Возникают условия для омонимической ситуации, для формирования однокорневых однозвучащих слов.

Реальная картина, представленная в словарях, свидетельствует, что фемининативы, уступив закону омонимического отталкивания, используют заместительную деривацию, заменяют суффикс *-иц-а* наращенными формантами *-ариц-а*, *-лиц-а*, *-кинь-а*, или последовательностью суффиксов *-иниц-а*.

См. в таблице (* отмечены нарицательные андронимы – названия жен по профессии мужа).

Следует заметить, что наращенные форманты в фемининативной деривации типичны в двух случаях: в коррелятивных фемининативах моционного типа при условии формальной соотносительности с производящим словом мужского рола (ср. модели „М на *-ник*” > „Ф *-ница*”, „М на *-лац*” < „Ф на

Маскулинат	Деминутив маскулината	Фемининатив
војвода	војводица – ВР, РСАНУ	*војводица – ВР, РСАНУ војводиња – АRi, РСАНУ војводица – Реч.Маж, РМС војводиња – Б-И Реч, РСАНУ
газда	газдица – РМС, РСАНУ	газдарица – ВР газдиња – окказ. газдињка *газдиница – РСАНУ
слуга	служица – ВР слугица – РМС	слушкиња – РМС служавка – Б-И Реч
ћифта	ћифтица – РМС	ћифтиница – РМС
терзија	терзијица – РМС	*терзилица – ВР
ћата (ћато)	ћатица – РМС	*ћатиница – РМС

-лица” и под.) в асимметричных производных фемининативах. Очевидно, омонимическую ситуацию следует считать третьим примером использования сложных суффиксов.

Факты истории сербского и хорватского литературного языков свидетельствуют, что спорадически возникали некоторые реальные фемининативы на *-иц-а* от маскулинов в женской морфологической форме, омонимичные деминутивам: ср. слово *војводица*, засвидетельствованное в западном регионе с переносным значением „женщина, которая чем-то руководит” [Реч. Маж. I, с. 486; РМС, I, с. 411].

В нескольких случаях в *Словаре* Вука Караджича фиксируются фемининативы с *-иц-а* от маскулинов на *-а* (при отсутствии деминутивов): ср. *владичица* < *владика*; *мешајица* < *мешајиц* (*мјешајица* < *мјешаја*), *коловођица* < *коловођа*, *Швабица* < *Швабо*, *Шваба*. Несмотря на отсутствие деминутивов на *-иц-а*, такие слова, очевидно, не были „удобны” для языка. Не случайно, возникали их региональные и окказиональные книжные замены, причем в качестве заменителей выступали лексемы с типично феминным, не допускающим омонимии формантом *-ља*: ср. *мешаља* [Реч. Елез. I, с. 403; *коловодиља* – Крлежа, РМС, II, с. 788].

Омонимическая ситуация *nomina feminina* и *nomina loci*.

Р. Бошкович подчеркивал, что существовало 2 стадии в формировании *nomina loci* на южнославянских территориях. В начальной стадии названия помещений создавались от *nomina agentis* м. рода суффиксом *-иц-а*, т. е. возникали номинации, о которых Р. Бошкович говорил, что они могли быть *nomina loci*, но не обязательно ими были [11].

Во второй стадии сформировались специализированные модели обозначения помещений: с суффиксом *-ница* и его расширенными вариантами.

Омонимические ситуации столкновения фемининативов на *-иц-а* и однокоренных локальных названий с оморфным суффиксом [12] еще представлены в сербохорватском литературном языке XIX в. в небольшом корпусе слов – преимущественно наименования пастушек и помещения для скота, но уменьшаются по направлению к нашему времени в связи с укреплением новых моделей.

Так, если в *Словаре* Вука Караджича фиксируется только фемининатив *говедарица* (*говедарка*), а позже отмечаются формальное обособление *nomina loci*, *говедарница*, *говедарник* [РМС I, с. 514], то в РМС отмечается расширение локальных номинаций с суффиксами *-ница-а*, *-ник* в данной группе слов: ср. *козарица* (фемин.) – *козарица* и *козарница* (лок.) [РМС, II, 770]; *овчарица* (фемин.) – *овчарица* и *овчарница* (лок.) [РМС,

III, 901]; *свињарица* (фемин.) – *свињарица* [13] и *свињарњик* (лок.) [PМС, V, 693]; *пударица* (фемин.) – *пударица* и *пударница* (лок.) [PМС, V, 283].

Таким образом, специализация моделей *nomina loci* и перестройка деривационной системы постепенно ликвидирует условия для омонимической ситуации одноименных слов на *-иц-а*.

Но укрепление нового словообразовательного типа локальных номинаций с суффиксом *-иц-а*, казалось бы, должно было другой повод для омонимии с фемининативами на *-иц-а*. Однако коррелятивные номинации ж. рода на *-ница* в преобладающем большинстве случаев далеки от профессиональных, и эта их семантическая черта является препятствием для формирования омонимии. Ср. немногочисленные исключения: *благајница* – 1. *благајна*, *каса* 2. женска особа *благајник* [PМС, I, с. 919]; *већница* – 1. зграда или просторија где се врши *веће*. 2. женски члан каквог *већа* [PМС, I, с. 363]; *исповедница* 1. *исповедаоница*, 2. Она која се исповеда [PМС, II, 502; *убожница* – 1. дом за убоге, 2. убога жена [PМС, VI, с I].

Омонимическая ситуация *nomina feminina* и *nomina instrumenti*. Для славянских языков факт регулярного образования орудийного значения при наличии агентивного рассматривался на материале производных существительных м. рода [14]. При этом подчеркивалось, что формируются единые словообразовательные модели со значением „производителя действия”.

В сербском и хорватском языке для образования *nomina instrumenti* не используются некоторые суффиксы м. рода, например, *-тел* [15], поэтому для выражения агентивности частотнее привлекаются модели названий лиц ж. рода (на *-ач-иц-а*; *-лиц-а*). Такое использование феминных моделей в большей мере характерно для сербскохорватского языка нового времени. Например, в словаре Вука Караджича со значением *nomina instrumenti* фиксируются только отдельные слова на *-ач-иц-а* типа *бријачица*. В словарях XX века отмечено уже значительно больше слов такого образца:

<i>бријачица</i>	1. бритва, 2. лицо ж. пола;
<i>брисачица</i>	1. лицо ж. пола, 2. стеклоочиститель;
<i>везачица</i>	1. лицо ж. пола, 2. сноповязалка;
<i>вејачица</i>	1. лицо ж. пола, 2. веялка;
<i>копачица</i>	1. лицо ж. пола, 2. механическая лопата; сельскохозяйственное орудие, подобное плугу;
<i>косачица</i>	1. лицо ж. пола, 2. косилка;
<i>крпачица</i>	1. лицо ж. пола, 2. машина для поправки чего-либо;

- пребирачица* 1. лицо ж. пола, 2. машина для переборки плодов;
сејачица 1. лицо ж. пола, 2. сеялка;
шивачица 1. лицо ж. пола, 2. швейная машина.

В отличие от омонимических ситуаций фемининативов и локативов количество одноименных феминных и орудийных лексем в сербскохорватском языке растет по направлению к нашему времени. В словарях они даются как лексико-семантические варианты одной лексемы, что более убедительно, чем объединение фемининативов и *nomina loci*, причем в РМС нет случаев, где бы у слов на *-ач-иц-а* фиксировалось только орудийное значение, тогда как только агентивная сема есть в слове *перачица* [РМС, IV, с. 387]. Не случайно, есть предложения использовать это слово для наименования стиральной машины. В РСАНУ слово *кпчаица* также рассматривается только как фемининатив [РСАНУ, X, с. 654].

Югославские дериватологи писали об омонимии слов типа *косачица* [16]. Заслуживает внимания позиция хорватского дериватолога Ст. Бабица, который к словам *шивачица* (фемин.) и *шивачица* (инстр.) подходит как к лексемам с разной деривационной историей, возводя первые к маскулинатам на *-ач*, а вторые – к атрибутивным сочетаниям типа „шиваћа машина”, „шиваћи стрoj”, [17] подкрепляя свое мнение наличием слов *спвачица* (фемин.) и *спваћица* < *спваћа кошуља*, писательских окказионализмов *писачица* (фемин.) < *писач* и *писаћица*.

Как и при омонимической ситуации фемининатив-локатив, однокоренные феминные и орудийные названия с оморфемным суффиксом *-иц-а* сосуществуют в языке, но, по мнению некоторых языковедов [18], намечается тенденция формального разграничения этих значений, закрепления семы орудийности за словообразовательной моделью „глагольная основа + -лиц-а” (ср. *судилица*, *дизалица*, *дробилица* и под).

Специализация модели на *-лиц-а* облегчается тем, что к маскулинатам на *-лац* женские соответствия часто формируются по иным словообразовательным образцам: ср. *тужилац* – *тужиља*; *читалац* (и *читатель*) – *читатељка* и под.

Можно предполагать, что язык придет к формальному разграничению сем женскости и инструментальности, однако в отличие от ситуации в кругу *nomina loci*, позиция в категории *nomina instrumenti* в настоящее время не представляется столь ясной и требует специального изучения.

И тип омонимических ситуаций, оказывающих влияние на создание фемининативов, это явление *омоформии* прилагательных в форме ж. рода и существительных, именующих лиц ж. пола.

По поводу омонимии форм в лингвистике существовало мнение, что терпимость языка пропорционально увеличивается, если омоформы принадлежат не одной, а разным частям речи [19]. Это положение требует уточнения, т. к. есть части речи, связанные потенциальными отношениями конверсии, функционирующие в высказывании в составе тесных синтагм. Совпадение форм близких грамматических категорий (например, существительного и прилагательного) в звучании в результате морфонологических процессов может быть нежелательным для языка, накладывает определенные запреты на деривационный процесс.

Рассматриваемая омонимическая ситуация создается потенциальными фемининативами на *-к-а* и прилагательными, формирующимися суффиксом *-ск-*, который присоединяется к маскулинатам с исходом на *с, ш, ч* и альтернирует в *-к*. Оба компонента омонимической ситуаций имеют одинаковый мотиватор.

Следует выделить два варианта этой ситуации.

а) *Субстантивированные* прилагательные – топонимы на *-ск-а* и потенциальные омонимы – *nomina nationalia et regionalia* ж. рода: ср. *Енглеz – Енглеска* (страна) – несостоявшийся фемининатив *Енглеска*, но *Енглескиња*; *Француз – Француска* (страна) – *Францускиња* (фемин.); *Чех – Чешка* (страна) – *Чешкиња* и *Чехиња*; *Рус – Руска земља*, окказионализм *Руска* (страна) – *Рускиња*.

Действие закона омонимического отталкивания в данной ситуации подчиняется более широкой славянской универсалии: в славянских языках нет одноименности названий населенных пунктов и их жителей [20].

По мнению П. Скока, стремление формально разграничить грамматический адъектив и субстантив в случаях типа *Енглеz – Енглеска – Енглескиња* укрепляло позиции суффикса *-киња* в сербскохорватском языке [21], т. е. омонимическая ситуация не просто препятствовала использованию суффикса *-к-а*, обычного в названиях жилищ, но соответственно вызывала в системе *nomina feminina* активность другого форманта. Так омонимическая ситуация воздействует не только на отдельный деривационный образец, но и на категориальную систему в целом.

б) Омонимия субстантивов и адъективов оказала влияние на регулярность словообразовательных моделей фемининативов на *-аш-иц-а* и *-ач-иц-а*. Регулярность этих моделей впервые отмечена Р. Бошковичем как специфическая особенность сербскохорватской именной деривации [22].

Но Р. Бошкович интерпретировал эту закономерность только с ареально-сопоставительных позиций, считая, что названные модели подтверждают общую продуктивность суффикса *-иц-а* в сербскохорватском и словенском ареале.

Однако, в таком случае возникает вопрос, почему в сербскохорватском языке у феминных моделей на *-ар-иц-а*, *-тель-иц-а* и некоторых других были конкурирующие образцы с суффиксом *-к-а* (ср., напр., *вратарица* и *вратарка*; *родителица* и *родителька* и под.), а в сферу действия моделей на *-аш-иц-а* и *-ач-иц-а* конкурирующий формант *-к-а* не проник, существуют ли внутриязыковые закономерности, которые закрепляют позиции суффикса *-иц-а* в словах *великашица*, *спорташица*, *ковачица* и под.

Можно говорить о двух препятствиях, мешающих присоединению суффикса *-к-а* к маскулинатам на *-аш* и на *-ач*. Во-первых, следует упомянуть фонетическую маркированность суффикса *-к-а*, тяготеющего к основам на сонант, что отмечалось лингвистами [23]. Во-вторых, здесь также проявляется фактор омонимического отталкивания, ибо от всех маскулинатов на *-аш* и *-ач* создаются адъективы типа *богаташка*, *ковачка*, формирующие позицию „место занято” для феминного суффикса *-к-а*. Оказионально фемининативы типа „богаташка” возникали (ср. „зальуби се богаташка и у сиромаха” [РСАНУ, 1, с. 680], но они не закрепились в языке [24], чему способствовал и омонимический фактор.

III тип омонимических ситуаций в деривации фемининативов связан с поведением дериваторов (аффикса *-иц-а*, *-к-а*) в контактной зоне с их зависимостью от исхода мотиватора.

Наблюдения над морфотактикой феминных суффиксов показывают, что они не допускают не только редупликации формантов (ср. деминутивы типа *удовичица* < *удовица*), но и других форм звуковой близости сегментов на стыке морфем.

Так, феминный суффикс *-иц-а* в собранном корпусе фемининативов XIX в. может выступать после любого консонанта, кроме *ц* и *ц* (ср. исключение *зец* < *зечица* – в названиях самок животных). Конечно, нельзя не учитывать малой частотности фонемы *ц*, усечения аффикса *-ац* при образовании фемининативов и ряда других моментов.

В фемининативах на *-к-а* наблюдается та же закономерность: этот формант в сербскохорватском языке невозможен после исхода основы на *-к*. Если маскулинат характеризуется таким исходом, женские корреляты создаются другими формантами (ср. *сельак* > *сельакиња*, *хајдук* > *хайдучица*).

В дистрибуции сербскохорватского феминного *-к-а*, тяготеющего к основам на сонант, морфонологические моменты играют существенную роль. Фонетическая маркированность суффикса *-к-а* отчетливо выделяется на фоне поведения этого форманта в других славянских языках, но это уже предмет особого разговора [25].

Хотя в классификации внутрилингвистических запретов, мешающих сочетаемости морфем, лингвисты конца XX в. [26] выделяют ограничения, которые обусловлены свойствами возможного (или предполагаемого) мотивированного, именуя их „результатирующими”, в том числе упоминая „омонимическое отталкивание, препятствующее появлению омонимов”, специальные исследования в отдельных славянских языках по теме „омонимия и словообразование” все еще являются немногочисленными.

Поэтому в заключение необходимо сказать, что без учета омонимических ситуаций разных типов не может быть полным и корректным системное описание фактов деривации, особенно в случае активности в словообразовательной системе оморфемных формантов, что характерно для сербского и хорватского феминного словообразования.

Характеристика омонимического фактора требует рассмотрения не только внутрикатегориальных позиций словообразовательных моделей в пределах *nomina feminina*, *nomina deminutiva*, *nomina loci*, *nomina instrumenti* и т. д., но и изучения межкатегориальных связей в системе словопроизводства той или иной части речи.

Наконец, омонимия ставит на повестку дня сопоставление отдельных участков словопроизводства разных частей речи, что увеличивает комплексность словообразовательного анализа и углубляет этот анализ.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. Докл. советской делегации. – М., 1968, 74 и след.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973. – С. 201.
3. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980. – С. 176
4. Babić S. Tvorba imenica na *-ač*. – Radovi zavoda za slovensku filologiju, sv.12. – Zagreb, 1971. – С.17

5. Николић С. Облици имена: звања, зањимања, дужности и титула женских лица // Наш језик, 1955. – Св. 5–6.
6. Skok P. Leksikologiĉke studije // Јужнословенски филолог, књ. 8. – Београд, 1928–1929. – С. 94.
7. Dokulil M. Tvoreni slov v ĉeštine. – Praha. – 1962, 191.
8. Сложен вопрос об однокоренных лексемах с оморфемными суффиксами. Подобные лексемы В. В. Виноградов считал омонимами, говоря о законе, в силу которого оморфемность частей или одной части слова приводит к омонимии: В.В. Виноградов. Указ. работа. 88. Противоположную точку зрения см. в книге Л. А. Соболевой, Словообразовательная полисемия и омонимия. – М., 1980.
9. Babić S. Tvorba imenica na -aĉ. – Radovi zavoda za slovensku filologiju, sv.12, Zagreb, 1971. – С.17. М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик, Београд, 1975, с. 627.
10. В. В. Виноградов, Назв. работа, с. 83.
11. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. – М., 1984. – С. 264.
12. Некоторые лингвисты считают, что при одноименности *nomina agentis* и *nomina loci* следует видеть использование одной модели с общим значением отношения к субстанции. См.: П. А. Соболева, Назв. работа, 107. Подобная точка зрения отражена в лексикографии (и сербскохорватской, и русской), но поддерживается не всеми семасиологами.
13. Слово *свињарица* отмечено с локативными семами „помещение для свинарей”, „лодка для перевозки свиней” и другими значениями, указанными в РМС, V, 693.
14. В. В. Виноградов, Назв. работы, с.83
15. Стана Ристић. Морфема *-тел* у савременом српскохрватском језику // Наш језик, XXV, св. 4–5, 204.
16. Св. Николић. Назв. работа: см. также Zlatko Vince. Drugarica direktor, gospoda profesor iii drugarica direktorica, gospoda profsoricica // Jezik, III, sv. 4, 1954 –1955, 116.
17. Babić S. Izvedenice sufiksom -ica..., 120.
18. Там же, с.120.
19. Булаховский Л. А. Из жизни омонимов // Русская речь, вып. III. – Ленинград, 1928. – С. 49.
20. Ср. в русском языке: село Александровка, житель *александровец*, жительница *александровчанка*. См.: Смольская А. К. Сло-

- вообразование в славянских языках. – Одесса, 1971. – С. 20.
21. Скок П. Назв. работа, 94.
 22. Бошкович Р. Назв. работа, 171, 186.
 23. Пешикан М. О грађењу имена становника у односу на имена земаља и места // Наш језик, кн. IX св. 5–6, Београд, 1958–1959, 205; Смольская А. К вопросу о дистрибуции феминных суффиксов в сербохорватском языке // Сборник за филологију и лингвистику Књ. XVII/2, Нови Сад, 1974, 113–114.
 24. Ср. также названия жительниц *варошка* и *варошанка*, *Ужичка* и *Ужичанка*, дериваты на *-анк-а* являются более поздними, соответствующими маскулинатам *варошанин*, *Ужичанин*.
 25. Смольская А. К. О морфонологическом аспекте типологии славянских феминных суффиксов // Тыпалогія і ўзаємодзеянне славянскіх моў і літаратур. – Мінск, 1973.
 26. Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках // XII Международный съезд славистов. Славянское словообразование. – М.: Наука, 1998.

Словари

Елезович Т. Речник косовско-метохијског дијалекта. Део 1–2. – Београд 1932–1935. – Реч. Елез.

Iveković F., Broz J. Rječnik hrvatskoga jezika, I–II. – Zagreb 1901 – Б-И Реч.

Караџић Вук. Стеф. Српски речник 1818. – Београд 1964 – ВР.

Mažuranić V. Prinosi za hrvatski pravno-povijeski rječnik. Dio I–II. – Zagreb, 1975 – Реч. Маž.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. 1–15. Српска академија наука и уметности. – Београд, 1959–1996. – РСАНУ.

Речник српскохрватског књижевног језика. I–VI. Матица српска (I–III и Матица хрватска). – Нови Сад, 1967–1976 – РСМ.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1–23. – Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. – Zagreb, 1890–1976 – АР.

СИНТАКСИЧНІ ПРОБЛЕМИ МАСКУЛІНІЗАЦІЇ В СУЧАСНІЙ СЕРБОХОРВАТСЬКІЙ МОВІ

// Проблеми слов'язнавства. – Львів, 1986. – № 33. – С. 116–121.

У світлі проблеми закономірностей розвитку слов'янських мов виправданий інтерес до сучасних загальнослов'янських процесів, пов'язаних з праслов'янськими імпульсами, але характерних більшості мов цієї групи. До таких явищ належить вживання назв у формі чоловічого роду в значенні жіночих номінацій (маскулінізація) [3, с. 31].

Термін „маскулінізація” і його дериват „маскулінізм” можна прийняти, враховуючи, що ці терміни підкреслюють тільки граматичний бік процесу, показують поширення функції чоловічого роду на систему особових номінацій. Використання професіональних іменників чоловічого роду для найменування осіб жіночої статі у сербохорватській мові помічене ще в 30-х роках [13]. Пізніше С. Николич, З. Винце та інші лінгвісти наголошували на активності процесу, його екстралінгвістичних та деяких внутрішньомовних причинах [8; 16], однак, функціонування процесу маскулінізації у сербохорватській мові досліджувалося недостатньо.

Іменники чоловічого роду, що використовуються як фемінні номінації, закріплюються в мові синтаксично. Необхідно з'ясувати їх синтаксичні функції, визначити моделі узгодження з ними, встановити контекстуальні показники фемінності в реченнях з маскулінізмами в сербохорватській мові.

Синтаксичні умови маскулінізації аналізуються на матеріалах публіцистичного стилю газети „Борба”, двотижневика „Жена данас” і загребських видань – журналу „Жена” і газети „Vjesnik u srijedu”. Маскулінізми розглядаються порівняно з фемінними номінаціями у формі жіночого роду. Всього із газетних текстів виділено 138 особових іменників у формі жіночого роду і 160 маскулінізмів різного ступеня повторюваності.

Смислова природа слова, як зазначається у сучасній лінгвістиці, тісно пов'язана з його синтаксичною функцією [2, с. 345–346]. Слова чоловічого роду в смислового відношенні мають певну специфіку – іррелевантність за статтю, узагальненням. Вони характеризують будь-яку особу за професійною ознакою.

Узагальнення в семантиці маскулінізмів-професіоналізмів і ряд певних граматичних причин зумовлюють їх використання в аналізованому корпусі текстів переважно в предикативній функції: в якості іменних предикатів та іменних атрибутів.

Приклади предикативної функції маскулінізмів численні: 1) маскулінізм у функції постпозитивного і препозитивного атрибута (опозиція): Жедна одньих је Љильана Шишковић *студент*, сада већ *становиш* Новог Београда [18, 1980, 26 листоп.] („Одна з них Ліліана Шишкович, студентка, тепер уже мешканка Нового Белграда”); Од првог дана овде ради *магистар* Милица Драшковић [18, 1979, 10 січ.] („З першого дня тут працює магістр Мілица Драшковић”); 2) маскулінізми у функції іменного предиката: Весна је на својој шиваћој машини прави *уметник* [8, 1979, 10 січ.] („Весна в роботі на својій швейній машині – справжній художник”).

Перевірка за тлумачним словником сербохорватської мови (10) показала, що із 160 маскулінізмів 55 не мають жіночих кореляцій. У предикативній функції використовуються не тільки непарні маскулінізми *борац* (борець), а й слова чоловічого роду, що мають кореляти: *уметник* (діяч мистецтва, художник), *председник*, *студент* тощо.

В югославістиці були спроби вважати обов’язковим узгодженість за формою навіть для іменних атрибутів (опозицій). Так, автор статті про маскулінізацію у сербохорватській мові [13, с. 204] вважав, що сполучення *госпођа професор* має дві помилки: слово чоловічого роду іменує жінку; з іменником чоловічого роду вжито опозицію жіночого роду.

В сербохорватській мові, як і в інших слов’янських, іменні предикати й атрибути, виражені іменниками, зберігають змістову і формальну самостійність останніх, яка виявляється в необов’язковому узгодженні в роді і числі з граматичним суб’єктом чи означувальним словом [11, ч. 2, с. 123]. Цієї думки дотримується більшість югославських лінгвістів.

Отже, предикативна функція іменників не зв’язана з граматичними умовностями узгодження, і це сприяє закріпленню предикативної ролі за маскулінізмами. На синтаксичну поведінку фемінінативів у формі жіночого роду впливає їх змістова відмінність від маскулінізмів, більша конкретика їх значення. Фемінінативи *лекарка*, *лијечница* (лікарка), *учител* (вчителька) розрізняють особу за „природним” родом, характеризуються ідентифікуючою функцією, виступають у реченні для вираження суб’єктно-об’єктних відношень. Фемініні номінації у формі жіночого роду можуть брати на себе синтаксичну роль іменних предикатів. Це характерно для тих слів, які вживаються в жіночому роді як професійні найменування (*глумица* – актриса, *кошаркашица* – баскетболістка) або успішно конкурують з маскулінізмами (*радница* – робітниця, *учитељица* – вчителька). Предикативна функція є стрижневою для маскулінізмів, а суб’єктно-ідентифікуюча – для фемініних номінацій у формі жіночого

роду. При зіставленні однакової кількості контекстів з маскулінізмами і корелятивними фемінінативами дистрибуція синтаксичних ролей конкурентних форм підтверджується статистично:

Синтаксична дистрибуція

Фемінні номінації	Предикативна функція		Суб'єктно-об'єктна функція		Загалом
	атрибут	предикат	суб'єкт	об'єкт	
маскулінізми	218 67	102	17	13	350 350
фемінінативи		28	154	101	

Порівняно незначним є вживання одиничних маскулінізмів (30 із 350) у функції вираження суб'єктно-об'єктних відношень у реченні. В лінгвістиці розширення синтаксичних функцій одиничних маскулінізмів (від предикативної до ідентифікуючої, номінальної) вважається певним етапом у розвитку процесу маскулінізації [4, с 120].

Серед контекстів з одиничним маскулінізмом – граматичним суб'єктом виділяються речення з іменним предикатом; з дієслівним предикатом.

До речень першого типу відносяться, наприклад, такі: ... Сваки четверти делегат је жена [18, 1978, 17 черв.] („Кожний четвертий делегат – жінка”). Наш гост данас је др. Славка Морић-Петровић [18, 1979, 2 лип.] („... Наш гість сьогодні доктор наук Славка Морич-Петровић”) тощо.

Звертає увагу лексична стандартність іменних предикатів при маскулінізмах (родове слово *жена*, власне жіноче ім'я і прізвище). Такі іменні предикати класифікують особу, названу іменником чоловічого роду за ознакою статі.

До групи речень з дієслівним предикатом відносяться три підвиди: а) з теперішнім часом дієслова: ... а сам аутор у предговору књи те каже [18, 1979, 18 квіт.] („А сам автор у передмові до книги говорить...”); б) з минулим часом – перфектом у формі чоловічого роду: ... Писац се трудно да буде објективан [6, с. 5] („Письменник прагнув бути об'єктивним”); в) минулим часом – перфектом у формі жіночого роду: ... Премда ауторица скромно каже да је као „радни” хисторичар хтела само извести о основним потешкоћама [19, 1977, 8 січ.] („Хоч автор скромно говорить, що як історик-практик хотіла лише розповісти про основні труднощі...”). Речення перших двох типів (“а” і “б”) не частотні, можливі лише як повторні номінації осіб жіночого роду у тексті, де попередньо особа вже характеризується за “природним” родом.

У реченнях типу ”в” використання узгодження дієслівного предиката з суб’єктом за змістом в аналізованих текстах частотне лише в тому випадку, коли при маскулінізмі знаходяться ”полегшуючі слова”, переважно ім’я та прізвище, лексеми *другарица*, *госпођа* тощо: Делегат Снежана Стаменковић изнела је став своје організації [18, 1981, 4 січ.] („Делегат Сніжана Стаменкович виклала поцизію своєї організації”).

Речення з одиничним маскулінізмом – граматичним суб’єктом перфектом у формі жіночого роду в аналізованих текстах рідко вживані. Югославські автори Ст. Бабич і Іван Клайн, досліджуючи маскулінізацію [12, с. 200; 14, с. 86], також наводять лише поодинокі речення цієї моделі. Сучасні югославські синтаксисти підкреслюють різноманітність і строкатість у правилах узгодження сербохорватської мови [6, с. 23], проте у цій різноманітності виділяється певна закономірність: позиція обов’язково має два правила: узгодження за формою і узгодження за значенням. Наприклад: при суб’єкті-синтагмі, вираженій різнородовими іменниками, пропонується вживати предикат у формі чоловічого роду, але паралельно допускається можливість узгодження предиката за формою з найбільш близьким до нього суб’єктом [11, ч. 2, с. 126].

При узгодженні дієслівного предиката із суб’єктом у роді сучасна хорватська мова часто зберігає формальні позиції; це відмічається й у випадках, коли в значенні суб’єкта виступає особова номінація.

Перехід на логічне узгодження частіше властивий іменникам, які називають особу чоловічої статі. Порівняймо, наприклад, назви осіб типу „владика”, „војвода”. Вони в однині поводять себе як слова чоловічого роду, а в множині здебільшого зберігають формальне узгодження [11, ч. 2, с. 132].

Очевидно, на синтаксичну поведінку названих слів має вплив провідна роль чоловічого роду в системі особових номінацій, що історично склалася в родовій системі слов’янських мов (показово, що в історії російської мови тенденцію до логічного узгодження також спочатку встановлюють для назв осіб чоловічого роду [1, с. 19]).

При найменуванні осіб жіночої статі у сербохорватській мові формальне узгодження є обов’язковим, причому до цього часу воно нерідко виявляється не тільки як контактне, а й як дистактне: Плаво *девојче* звало се... Марица и ја упитах [15, с. 191] („Біляву дівчину звали Маріца, і я її запитав”)... Овај *бабац* је језовит ...[9, с. 192] („Так, страшна баба...”).

У наведених прикладах з художніх текстів ХХ ст. у наступному за фемінінативом реченні займенник виступає у формі середнього чи чоловічого роду, відповідно до фемінної номінації. Найбільш суворим у сер-

бохорватській мові є узгодження атрибута з означуваним словом. Логічне узгодження атрибутів з маскулінізмами, відоме деяким слов'янським мовам, щоправда, не завжди кодифіковане (порівняймо російське *наш врач, сама директор*; польське *moja redaktor*), у досліджених сербських і хорватських текстах не зустрілося жодного разу.

Отже, синтаксична поведінка слів чоловічого роду, що називають жінок, у сербохорватській мові залежить від існуючих традицій в узгодженні за родом. Типологія більш загальної категорії – категорії роду – визначає в слов'янських мовах специфіку процесу маскулінізації (порівняймо частіше зрушення в сторону семантики російського граматичного роду у випадках невідповідності форми і змісту і водночас розширене використання маскулінізмів як в предикативній, так і в номінальній функції. Навпаки, глибокий морфологізм роду в сербській, хорватській, болгарській [5] мовах викликає затримку процесу маскулінізації на предикативному „неузгодженому” рівні).

Хід процесу маскулінізації в сербохорватській мові впливає і на розробку контекстних класифікаторів фемінності у реченнях з маскулінізмами. На відміну від ряду слов'янських мов, де вже є граматичні аналітичні показники фемінності (минулий час і атрибути в самостійній жіночій формі) в сербохорватській мові граматичні показники жіночої статі завжди виступають як додаткові, а не єдині в контексті (форма минулого часу в жіночому роді, жіночий рід пасивного дієприкметника, займенник *koja*, числівник *jedna*). У зв'язку із суворою морфологічністю роду для сербохорватської мови актуальні не граматичні, а лексичні контекстуальні показники фемінності, серед яких є виняткові, відомі тільки балканським слов'янським територіям: наприклад, *женски министар*, *женски судца* (українське *суддя*), *женски шегрт* (українське *підмайстер*).

Список використаної літератури

1. Азарх Ю. С. Проблема связи словообразования и формообразова истории русского языка / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
3. Мацюсович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка. – Л., 1975, ч. 1.
4. Протченко И. Ф. Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц женского пола // Вопросы культуры речи. – М., 1961.

5. Смольская А. К. О роде существительных в русском и болгарском языках // Болгарская русистика, 1978, № 3.
6. Лалевић М. С. Синтакса српскохрватског књижевног језика. – Београд, 1962.
7. Маринковић Надо. Луди јахачи. – Београд, 1972.
8. Никопић С. Облици имена: звања, занимања, дужности и титула ... // Наш језик, 1955, № 5–6.
9. Петровић В. Разговору никад краја. – Нови Сад, 1956.
10. Речник српскохрватског књижевног језика. – Нови Сад, 1967, т. 1–6.
11. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. – Београд, 1964, 1974, ч. 2.
12. Babić S. Sročnost (kongrujencija) u suvremenom hrvatskom jeziku. – Zagreb, 1976.
13. Janjanin M. Gospoda profesor // Наш језик, 1934, ч. 2, св. 7.
14. Klajn I. Jezik oko nas. – Београд, 1980.
15. Nušić B. Autobiografija. – Zagreb, 1978.
16. Vince Z. Drugarica director, gospoda profesor ili drugarica direktorica, gospoda profesorica? // Jezik, 1954 – 1955, sv. 4.
17. Борба. – Beograd, 1981–1982.
18. Жена данас. Излази у саставу листа „Борба”. – Београд, 1978.
19. Vjesnik u srijedu. (Vus). Zagreb, 1975; 1977.
20. Ћена. – Zagreb, 1958.

ДИАХРОННЕ КОНСТАНТЫ СЛАВЯНСКОГО ИМЕННОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА И ФЕМИННЫЕ СУФФИКСЫ В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

// Советское славяноведение. – М., 1987. – № 3. – С. 75–82.

Диахронными или диахроническими константами в современной лингвистике именуется однонаправленные, но хронологически не тождественные процессы, характеризующие эволюцию как родственных, так и неродственных языков [1].

Изменения, моделируемые диахронными константами, могут отличаться в исследуемых языках степенью интенсивности, а также другими специфическими приметам, характерными для каждого отдельного языка. Изучение общих, но разновременных процессов в генетически родственных языках, относится к внутренней типологии или микро-

типологии в ее историческом аспекте. Теория диахронных констант, активно разрабатываемая в языкознании, может быть использована при сопоставительном рассмотрении различных структурных параметров славянских языков, в том числе словообразовательных.

В славянской сопоставительной дериватологии актуальна проблема конкуренции именных суффиксов с генетически тождественными элементами „к” и „ц”. Названная конкуренция по своим истокам относится к праславянской эпохе [2, с. 4], затрагивая в дальнейшем как славянский диалектный континуум, так и славянские литературные языки. Лингвисты указывают, что активность и исход данного суффиксального противоборства неоднозначны, соотносятся с разными периодами развития языков восточных, западных и южных славян.

В историческом плане подробно рассмотрены взаимодействия деминутивов с „к” и „ц” суффиксами на материале отдельных славянских языков (русского, чешского, польского), что подготавливает надежность сопоставительного анализа диахронных констант в этой семантико-словообразовательной категории [3].

На базе изменений в системе славянских деминутивов (преимущественно, в языках восточных и западных славян) делаются попытки выявления причин замены „ц”-суффиксов их конкурентами: подчеркивается потеря экспрессивности старыми уменьшительными образованиями, вызывающая экспансию „к”-формантов [2, с. II], говорится о функциональной перегрузке аффиксов с фонетическим элементом „ц” [4], приводятся объяснения локального характера.

Другая модификационная словообразовательная категория – *nomina feminina* – менее изучена в славистике с позиций исторической дериватологии и конкуренции названных формантов.

Противоборство славянских феминных суффиксов рассмотрел известный югославский дериватолог Р. Бошкович, типологически обособивший словенский и сербохорватский языки, которые, в отличие от других славянских, сохраняют активность формантов с элементом „ц”, т. е. *-иц-а* и его наращенных вариантов [5, с. 185]. Выводы ученого вызывают особый интерес к динамике феминных систем в языках-исключениях – сербохорватском и словенском.

Современные югославские дериватологи, в том числе писавшие о *nomina feminina* [7], не ставили перед собой специальную задачу рассмотрения именного словопроизводства сербохорватского литературного языка нового времени в его развитии от эпохи Вука Караджича до современного состояния, а, следовательно, не могли ответить на вопрос,

стабильно ли преимущество суффикса женскости *-иц-а* или, иначе, в какой мере экспансия „к”-формантов в качестве константы славянского словообразования затрагивает феминную деривацию современного сербохорватского литературного языка.

Нами рассматривается конкуренция формантов женскости с „к” и „ц”-элементами в *nomina feminina* сербохорватского литературного языка нового времени для двух синхронных срезов: XIX и XX вв. Выделение двух названных синхронных срезов связано с периодизацией сербохорватского литературного языка, отражающей реальный ход его эволюции. Так, если первый указанный период начался с реформы Вука Караджича и характеризовался в истории сербохорватского книжного языка интенсивным проявлением тенденции демократизации, „олитературиванием” народных словообразовательных средств, то второй синхронный срез отличает новый качественный сдвиг: параллельное функционирование и даже активное взаимодействие тенденций демократизации и интеллектуализации книжной речи, с широким использованием заимствований из „мировых” языков [8, с. 226], что в системе именного словообразования не могло не сказаться на репертуаре как новых формантов, так и новых мотиваторов.

Анализ феминной деривации проводится на материале словарей и художественных текстов [9–15]. Словари XX в. [10; 11] использовались и как свидетельства о лексике новейшего периода, и как вспомогательный материал для освещения словообразовательной системы XIX в. (на основе содержащихся в них ссылок на более ранние источники).

Метод внутриязыкового сопоставления *nomina feminina* в истории сербохорватского литературного языка XIX и XX вв. позволил увидеть некоторое ослабление активности суффикса *-иц-а* во втором периоде.

Говоря о некотором ослаблении продуктивности суффикса *иц-а*, необходимо подчеркнуть, что во время формирования сербохорватского литературного языка на народной основе, т. е. в эпоху реформы Вука Караджича и становления норм и стилей литературно-книжной речи во второй половине XIX в., названный суффикс был главным формантом в системе феминной деривации. Это подтверждается, во-первых, разнообразием моделей с ним: наибольшее количество словообразовательных образцов по сравнению с другими аффиксами в системе – более 20; во-вторых, самим корпусом фемининативов XIX в. Так, в словаре И. Броза и Ф. Ивековича, изданном в 1901 г. [13] (Несмотря на критические замечания, делавшиеся еще В. Ягичем [16], Словарь И. Броза и Ф. Ивековича рассматривается югославистами как определенный этап в раз-

витии лексикографии сербохорватского литературного языка XIX в. и активно привлекается для исследований различного плана [8, с. 218]), всего фиксируется 681 производная женская номинация, из которых 304 фемининатива, т. е. 44, 6%, образовано с помощью *-иц-а*; 129 слов, т. е. 18, 9%, имеют суффикс *-к-а*; 17 лексем, т. е. 2,5% , – суффикс *-иц-а*; 64, т. е. 9,4%, – суффикс *-киъ-а*; 167, т. е. 24,5% созданы остальными формантами, а также другими деривационными способами.

Словообразовательная система *nomina feminina* с активным использованием образцов на *-иц-а*, в частности таких специфических моделей, типологически отделяющих сербохорватский и словенский от других славянских [5, с. 188], как „на *-ач+ -иц-а*”, ср. *везачица, перачица, пливачица, спавачица* и под.; „на *-ар+ -иц-а*”, ср. *вратарица, говедарица, господарица, кључарица, крчмарица* и др.; „на *-ац+ -иц-а*”, ср. *богата-тица, картатица, мудријатица* и под., в основном сохраняется в именном словопроизводстве сербохорватского литературного языка XX в., но эта система накапливает определенные изменения, касающиеся именно суффикса *-иц-а*.

Об уменьшении степени участия суффикса *-иц-а* в феминном словопроизводстве XX в. по сравнению с предыдущим периодом свидетельствует целый ряд процессов:

а) утрата некоторых моделей с суффиксом *-иц-а*, а именно „на *-ин+ -иц-а*”, ср. *домачин–домачиница*; „на *-тар+ -иц-а*”, ср. *гостионичар–гостионичарица* и под.;

б) закрепление за суффиксом *-иц-а* в ряде моделей статуса не общеязычного, а регионально-литературного форманта в связи с формированием в сербохорватском литературном языке вариантов, соотношенных с территорией обитания и национальной принадлежностью носителей языка;

в) сокращение словообразовательной базы отдельных моделей, например, образца „на *-иц-а*” и др.;

г) вытеснение *-иц-а* с позиций главного форманта в новых словообразовательных образцах, закрепившихся в XX в.

Причины, вызвавшие изменения в активности суффикса *-иц-а*, были в сербохорватском языке своеобразны, неоднородны и иногда даже противоречивы по своей сути.

Так, сербохорватский литературный язык, несмотря на свой статус младолитературного, как книжно-стандартный, с одной стороны, испытывал стремление избавиться от словообразовательной синонимии, от дублетности, что и привело к укреплению в качестве нерегionalных, общелитературных образцов „*-ин+ -к-а*”, „*-ичар+ -к-а*” с заменой однокоренных моделей на *-иц-а*.

С другой стороны, уже во второй половине XIX в. народная база сербохорватской книжной речи значительно расширилась за счет языковых особенностей экавских территорий [17], что проявилось и в словообразовательной системе литературного языка, где стали активнее укрепляться в качестве параллельных образцы с феминным *-к-а*, ограничивающие в известной мере функциональность моделей на *-иц-а*, ср. дериваты, фиксируемые в [10] и [11] со ссылками на тексты конца XIX–начала XX в.: *юучарица* и *кључарка*, *лекарица* и *лекарка*, *секретарица* и *секретарка*, *сликарица* и *сдикарка*, *чуvariца* и *чуварка* и под. Рассказ А. П. Чехова „Аптекариша” в начале XX в. в Загребе был назван „Аптекарица”, а в сербских журналах чаще переводился как „Аптекарка” [18].

Процесс взаимодействия феминных моделей на *-иц-а* и *-к-а* с их постепенной поляризацией по регионально-вариантному признаку в литературном языке своим локальным происхождением, хронологией и функциональной направленностью в известной мере аналогичен более исследованному в сербокroatистике расслоению фонетико-орфоэпических норм в истории сербохорватского литературного языка XIX–начала XX вв., когда установленная реформой В. Караджича иекавщина была потеснена экавским произношением восточных (сербских, воеводинских) территорий.

Однако следует заметить, что корпус феминативов XIX в. еще не свидетельствует о четкой поляризации словообразовательных норм в соответствии с формирующимися национально-региональными вариантами литературного языка. Так, феминные корреляты к номинациям мужского рода на *-тель* своим локалитетом и функциями в литературном языке соответствуют, скорее всего, схеме привативной оппозиции: хорватские писатели, напр., А. Шеноа, используют обычно только феминативы на *-иц-а*, типа *мучительица*, *родительица*, тогда как у сербских авторов: Д. Даничича, Я. Игнатовича, М. Миличевича и др. возможны *воспитательница* и *воспитателька*, *родительица* и *родителька*, *учительница* и *учителька* и под. ср.: [19].

На функционирование аффиксов могут влиять морфонологические параметры, модели, а также тенденции к разрушению в языке памяти о тех или иных фонетических закономерностях. С этой точки зрения сербохорватский литературный язык занимает особое место в сокращении рефлексов I палатализации задненебных [20], тех рефлексов, которые, как известно, исходно должны были проявляться при присоединении суффикса *-иц-а*. Утрата на морфемном шве альтернатив *г, к, х > ж, ч, ш* традиционно отмечается югославистами только по отношению к деминутивам

и гипокористикам на *-иц-а*, когда возникают конкурентные пары типа *ручиц / рукица, Анчица / Анкица*, иногда приобретающие особые оттенки значения.

На фоне деминутивно-экспрессивных образований фемининативы на *-иц-а* трактуются в югославистике как более консервативный класс слов, в котором дериваты с альтернативой заднеязычных в шипящие немногочисленны, но возможны [21].

Однако сравнение корпуса номинаций лиц женского пола XIX в XX вв. убеждает нас, что утрата рефлексов первой палатализации сопровождается и феминную деривацию. Замена *г, к, х > ж, ч, ш* отмечается только в тех фемининативах и названиях самок животных (феминная функция в широком смысле слова), которые возникли до XX в.: ср. *божица, владичица, вражица, вукодлачица, вучица, дружица, пророчица, сиромашница, хайдучица, херцежица* и под.

Следовательно, феминный суффикс *-иц-а* в современном сербохорватском литературном языке утрачивает свой фузионный характер (за исключением случаев *ц > ч*, ср. *зец – зечица*). Суффикс женскости *иц-а* „отказывается” от основ на *г, к, х* (Слова *колегица, педагогица, шокица* единичны и иноязычны по происхождению. Этимология слов *шокац – шокица* не прояснена до конца, но на их иноязычность указывал уже Вук Караджич [9, с. 874], ср. также [14, sv. 73, s. 710]), передавая их суффиксу *-иц-а*, укрепление позиций которого отмечалось уже в XIX в. появлением у П. Прерадовича окказионализма *пророкиња* вместо более раннего *пророчица* [22].

Утрата альтераций *г, к, х > ж, ч, ш* переводит суффикс *-иц-а* на позиции агглютинативного форманта, но сужает, уменьшает его словообразовательную базу.

Из всех названных выше процессов, влияющих на активность суффикса женскости *-иц-а*, главным было ограниченное использование этого форманта в новых моделях, которые появились на рубеже XIX и XX вв. Можно сказать, что первые три процесса – утрата одних образцов, снижение словообразовательной базы других, развивающийся „регионализм” форманта *-иц-а* в сербохорватском литературном языке – вносили, так сказать, консервативные изменения в систему фемининативов.

Уязвимость форманта женскости *-иц-а* особенно остро, наглядно и существенно проявилась тогда, когда после реформы Вука Караджича, основным стержнем которой была тенденция к демократизации литературного языка, наступил этап активности тенденции интернационализации (вторая половина XIX и начало XX в.).

Тенденцию к интернационализации литературных языков лингвисты прежде всего связывают с терминологией, отвлеченными существительными и под. В действительности роль тенденции к интернационализации значительно шире и в области лексики, и в области словообразования. Велика роль этой тенденции в сфере номинации лиц. Иноязычные слова, называющие лиц по профессии, занятиям, общественному статусу, по мировоззрению, взглядам, принадлежности к тем или иным учениям и политическим партиям, как свидетельствуют словари, начали активно входить в сербохорватский литературный язык конца XIX – начала XX вв. Эти слова составляли базу для производства соотносительных женских номинаций.

Следует учитывать, что сербохорватские *nomina feminina* как модификационный словообразовательный класс не приняли в свою систему чужих формантов женскости. Корпус фемининативов с романскими по происхождению суффиксами *-ес-а*, *-ис-а*, известными и другим славянским языкам, в современном сербохорватском литературном языке составляет не более 20 слов типа *абатиса*, *актриса*, *балетеза* (с процессом озвончения дентального), *баронеса*, *директриса*, *патронеса*, *поэтеса*, *принцеса* (и *принцеза*), *стюардеса* и др., причем большинство из них фиксируются только в словарях иностранных слов, являются по происхождению словарными заимствованиями, а не деривационно созданными лексическими единицами. Пары слов типа *барон* – *баронеса*, *патрон* – *патронеса* говорят о вычленяемости *-ес-а*, однако, данный формант не стал словообразовательно активным в сербохорватском языке.

Следовательно, сложившаяся в эпоху Вука Караджича феминная деривационная система сербохорватского литературного языка должна была обслужить новые модели, новые названия лиц женского пола, производные от иноязычных номинаций.

Во второй половине XIX – начале XX вв. производство феминных дериватов от иноязычных основ не имело установленных образцов. Поэтому однокоренные дублеты появлялись даже в языке писателей одного территориально-национального региона. Например, у хорватских авторов, т. е. в западном регионе, где модели на *-иц-а* были наиболее устойчивы, используются следующие женские корреляты к словам *аристократ* и *демократ*: *аристократица* (А. Шеноа [с. 164], *аристократкиња*, *демократкиња* (Я. Лесковар [15, 1251], *аристократка*, *демократка* (К. Дальский [11, кн. I, с. 164]). Ср. также использование коррелятивных женских номинаций от слова *дипломат* в XIX в.: *дипломатица*, *дипломаткиња*, *дипломатка* [11, кн. IV, с. 328]. Не исключено, что слова *аристократка*, *демократка*, *дипломатка* и под. в связи с нетипичным

для сербохорватского языка употреблением *-к-а* после несонорного исхода основы появлялись под влиянием лексики русской литературы, хотя [11] дает такое указание только к слову *гимназистка* со ссылкой на М. Крлежу [11, кн. III, с. 325].

Выполнить требование времени в создании новых сербохорватских феминных номинаций, коррелирующих с иноязычными основами на *-ант* (*-ент*), *-ист* (*а*), *-от*, *-ор*, *-тор*, *-ер*, *-ир* и другими, должны были семантически наиболее четкие форманты.

В этот период создания новых моделей с иноязычными основами на действие суффикса *-иц-а* оказала влияние языковая универсалия, связанная со снижением продуктивности семантически перегруженных аффиксов. Можно предположить, что именно полифункциональность суффикса *-иц-а*, создававшего феминативы, деминутивы *nomina loci*, *nomina instrumenti* и другие предметные номинации, стала причиной его слабости, уменьшения его активности в новых моделях. Структурная сложность, многофонемность оказались менее существенным фактором, чем сложность семантическая. Поэтому по сравнению с традиционным суффиксом сербохорватского литературного языка XIX в. *-иц-а* в новых моделях повысил свою активность не только формант *-к-а*, тяготевший к основам на сонорный и ограниченный этим морфонологическим фактором [23], но и трехфонемный суффикс *-кинь-а*, характеризующийся семантической однозначностью, феминностью.

Хорватский лингвист М. Храсте еще в 50-е годы отметил, как „в новое время все больше употребляется суффикс *-кинь-а* в существительных женского рода, которые образуются от существительных мужского рода, заканчивающихся на *-ист*” [24, s. 106], подчеркнув, что присоединение *-кинь-а* к иноязычным основам характерно для разных территориально-национальных вариантов современного сербохорватского литературного языка, ср. *активисткиња*, *антифашисткиња* и под.

Определенное представление о вытеснении суффикса *-иц-а* с позиций главного форманта, о его скромной роли в моделях с иноязычными основами дают статистические таблицы (№ 1 и 2), составленные на материале словаря Матицы сербской [10] с проверкой соответствующих лексем по [11] (изданные тома) и [14].

Наибольшую частотность *-иц-а* сохраняет в западном регионе после основ на *-ант* (*-ент*), что отмечалось и в примерах М. Храсте [24, 107], ср. *абсолвентица*, *матурантица*, *студентица*.

Суффикс *-к-а* продуктивен после иноязычных основ на сонорный, и в этих условиях параллельные формы на *-иц-а* не всегда создаются, что подтверждают и хорватские лингвисты [25]; ср. *докторка* и *докторица*, но только *хотелијерка*.

Таким образом, позиция суффикса *-иц-а* в феминной деривации сербохорватского литературного языка нового времени не является статичной.

Развитие этого языка во второй половине XIX и XX вв. показывает, что константа славянского именного словопроизводства – экспансия „к”-формантов – своеобразно проявляется и в сербохорватских книжно-литературных формах речи.

Причин снижения активности суффикса *-иц-а* несколько, но основными являются региональная поляризация норм литературного языка в словообразовании и формирование новых моделей с иноязычными основами.

Хотя продуктивность феминного форманта *-иц-а* по сравнению с эпохой Вука Караджича в современном сербохорватском литературном языке несколько снижается, но по совокупности моделей, им обслуживаемых, он продолжает сохранять свой приоритет в феминном словопроизводстве этого языка.

Список использованной литературы

1. Гухман М. М. Историческая типология и проблемы диахронических констант. – М., 1981. – С. 45.
2. Аванесов Р. И. К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. – М., 1968.
3. Warchoń S. IX Международный съезд славистов. Резюме докладов и письменных сообщений. – М., 1983. – С. 107.
4. Нешименко Г. П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка. – Praha, 1980. – С. 242.
5. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков, фонетика и словообразование. – М., 1984.
6. Толстой Н. И. Предисловие к кн.: Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. – М., 1984. – С. 14; Р. Бошковић. Протестни, азбестни и т. д. – Титоград, 1978.
7. Ћорић Е. Моциони суфикси у српскохрватском језику. – Београд, 1982.
8. Радованович М. Проблемы изучения славянских литературных языков в славянских странах: Сербохорватский язык // Фор-

- мирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. – М., 1983.
9. Караић Вук Ст. Српски рјечник. – Београд, 1898.
 10. Речник српскохрватског књижевног језика. Кн. I–III. – Нови Сад – Загреб; кн. IV–VI, Нови Сад.
 11. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Кн. I–XII. – Београд, 1959.
 12. Вујаклија М. Лексикон страних речи и израза. – Београд, 1977.
 13. Ivešević F. Rječnik hrvatskoga jezika, sv. I, II. – Zagreb, 1901.
 14. Rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–XIX. – Zagreb, 1880–1967.
 15. Leskovar J. Propali dvori. – Zagreb, 1978.
 16. Jagic V. Izabnmi kraži spisi. – Zagreb, 1948, s. 562.
 17. Јерковић Ј. Језик Јакова Игнатовића. – Нови Сад, 1972.
 18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 5. – М., 1985. – С. 679.
 19. Malić D. Rječnik// Jezik, god. 28,1980 / 1981, or. 4, g. 100.
 20. Белић А. Основи историје српскохрватског језика. Фонетика. – Београд, 1966. – С. 114.
 21. Babić St. Izvedenice sufiksom -ica ... // Jezik, god. 19, 1971 / 1972, br. 4–5, s. 118.
 22. Ристић С. Лексико-семантичке одлике творбе именица у неких српских и хрватских романтичарских песника // Јужнословенски филолог, 28, 1969, с. 288.
 23. Смольская А. К. К вопросу о дистрибуции феминных суффиксов в сербохорватском языке // Сборник за филологију и лингвистику, XII, 1974, № 2, с. 116.
 24. Hraste M. Tvorba imenica ... // Jezik, god. 5.1956 / 1957, sv. 4.
 25. Ragus D. Strane riječi ... // Jezik, god. 21.1973 / 1974, br. Ћ – А, s. 101.

УТИЦАЈ СЕМАНТИКЕ НА ОБЛИК ТЕРМИНА

// Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1988. – Т. 18. – С. 53–59.

Између проблема савремене терминологије као науке о стручним изразима налази се проучавање лексичког фона терминосистема сваког националног језика, то јест истраживања мотиватора термина, такође изведеница од термина.

Лексички фон терминосистема за обележавање бића у облику мушког рода (*nomina professionalia*), као и термина који означавају припадност неком правцу, смеру у политици, науци, уметности, укључује различите врсте речи.

У тај лексички фон улазе именице женског рода за обележавање бића ж. пола, које функционишу као говорни еквиваленти официјелних термина, нпр. српске и хрватске *телеграфисткиња* и *телеграфистица*, *касирка* и *касирница*. Овде треба напоменути да су стилске особине оваквих еквивалената термина различите у различитим словенским језицима.

Поменуте речи лексичког фона немају све особине правих термина. Оне нису кодификоване лексеме, функционално су ограничене, не употребљавају се, на пример, у попису становништва према занимању и другим званичним документима.

Међутим, ови фемининуми су узајамно повезани са правим терминима, представљају њихове синониме у говорном језику, публицистици и књижевности, подлежу истим тенденцијама које важе за терминологију.

Једна од таквих тенденција у терминологији је изразита специјализација творбених морфема за одређену семантику, избор творбених средстава за одређене терминолошке појмове.

Оваква повезаност између семантике и творбе карактеристична и за неке групе номина феминина.

Још у време Вука Караџића, кад су номина феминина улазили у народну номенклатуру професија фемининуми одређене семантике истог творбеног смисла имали су одређени суфиксални облик. Упоредимо, на пример, називе пастирица у Вуковом речнику са суфиксом *-иц-а* (*гушчарица*, *козарица*, *овчарица*, *свињарица*, *говедарица*) и називе врачара – са суфиксом *-ар-а* (*врачара*, *гатара*, *бобара*, *картара*) [1].

Предмет пажње у овом тренутку је узајамна повезаност семантике и суфиксалног облика речи при грађењу хибридних фемининума са страним општим делом и домаћим суфиксом.

Ово је један од нових слојева номина феминина у српском и хрватском књижевном језику који се појавио у другој половини XIX века. У

речницима, међутим, он је фиксиран тек у XX веку и због тога је још увек слабо проучен.

Хибридни творбени модели на *-кињ-а* и *-иц-а*; *-к-а* и *-иц-а* поред семантике интересантни су још и због тога што на њиховој основи настају дублети односно паралекси или упоредне изведенице у источној и западној варијанти српскохрватског књижевног језика, на пример, *телеграфисткиња – телеграфистица*, *клавиристкиња – клавиристица*, *докторка – докторица* и тд. Осим дублета који опонирају по варијантама постоје дублети и у једној истој варијанти.

Поменути српскохрватски дублетни хибридни фемининуми од мотиватора на *-ист(а)*, *-ант(-ент)*, *-ор(-ер)*, *-тор* и епично до сада су у лингвистици обично анализирани са регионалног становишта, с тим што је понекад узимана у обзир и морфонологија оваквих изведеница.

Међутим, поред локалног и морфонолошког фактора постоје и други фактори који утичу на избор одређеног суфиксалног облика изведеница у књижевном језику.

Познати чешки лингвиста Милош Докулил указивао је да дериватолог мора пратити како деривати одређене структуре улазе у језик. Поред творбеног процеса лингвиста мора да анализира и функционисање изведеница у датом језику.

Материјал за анализу хибридних фемининума узет је из једнојезичних речника (матичног и академских), речника а терго, лексикона страних речи Б. Клаића и М. Вујаклије. Он обухвата више од 400 фемининума од којих су 244 успоредне изведенице. Чини нам се да је посебно интересантно функционисање фемининума од мотиватора на *-ист(а)*. У савременом српскохрватском књижевном језику постоје творбени типови на *-ист-кињ-а*, *-ист-иц-а* и ретке изведенице са *ист-к-а*.

Модел на *-ист-кињ-а* је један од најпродуктивнијих међу хибридним фемининумима. То је истицао још Радосав Бошковић: „... именице типа *пијанисткиња* представљају живу категорију образовала” [2].

У фемининумима на *-ист-кињ-а* налазимо консонантну групу *стк* која није карактеристична за домаће речи српскохрватског језика. Међутим, у страним речима и њиховим изведеницама, које, како каже Р. Бошковић, не пролазе „кроз жрвањ народних говора” [3], ова консонантна група не смета изговору и остаје у ортографији.

Мада функционисање страних речи и хибрида још није проучен до краја, чињеница је да се упрошћавање *стк > ск* према речници региструје само у речи *модискиња* и, понекад, *статискиња* [4].

Именице на *-ист-кињ-а* су најчешће вишесложне (до девет слога), али то не смета творбеном процесу. Овај факат треба посматрати са

општесловенског гледишта: у свим словенским језицима сада одвија процес повећавања просечне дужине слогова речи због позајмица из западноевропских језика [5].

О пореклу конглатината *-киња* већ је писано у југословенској лигвистици. Један од путева његовог формирања је сједињавање феминалних суфикса *-к-а* и *-ињ-а*.

Иако су радови југословенских дијалектолога врло познати у свету, у њима је, нажалост, мало пажње посвећено грађењу речи. Има, истина, неких покушаја анализе података о територијалној заступљености појединих афикса према материјалу у речницима. Тако у радовима Боже Ђорића [6] налазимо да су фемининуми с домаћим кореном и афиксом *-киња* (хбриди нису разматрани) више заступљене у штокавским говорима, док у чакавском и кајкавском региону нису фреквентни.

Интересантно је, такође, да исти суфикс није продуктиван ни у словеначком језику.

Творбени тип на *-ист*, *-киња*, који се појавио још у XIX веку, источној варијанти савременог српскохрватског књижевног језика зна за конкуренцију. Можемо рећи да је неточна варијанта кад је о феминалним изведеницама од мотиватора на *-иста* моносуфиксална. Зато фемининуми на *-ист-киња* у источној варијанти имају различиту семантику: номина професионалиа (*економисткиња*, *либретисткиња* и слично), номина атрибута (*активисткиња*) и „присвојне” семе указане структуре (*бонапартистичкиња*, *националистичкиња*, *социјалистичкиња*).

Друкчије стоји ствар у западној варијанти где мотиватори на *-ист* праве фемининуме и са *-иц-а* и са *-кињ-а*.

Овде видимо и узајамну повезаност варијаната, и присуство локалне традиције у књижевном језику, и утицај градске говорне ситуације на грађење речи.

Изведеница на *-ист-иц-а* према речницима има око 40 (РМС-МХ-38; Реч. Матеша – 32). Набројаћемо неке: *алтистица*, *виолинистица*, *германистица*, *дентистица*, *новелистица*, *славистица* и др. У овај број нису ушле нове изведенице које срећемо у савременим научним и књижевним текстовима. На пример, у чланцима Ст. Бабића налазимо: *лингвистица*, *русистица*, *флаутистица*, *аутостопистица*.

Већина фемининума на *-ист-иц-а* семантички је одређена. То су, у ствари, номина професионалиа или називи лица ж. пола, који указују на својство везано за професионалну делатност (упоредимо: *стипендистица*, *специјалистица*).

Фемининуми *идеалистица*, *нихилистица* према речницима улазе у састав номина атрибута, јер нису фиксирани у термилошко значење, нпр. у смислу „следбеница идеализма као правца у филозофији” [71].

Веома је важно истаћи да међу номина феминина на *-ист-иц-а* нема речи са семантиком припадности лица ж. пола неком правцу у политици, науци, уметности, књижевности.

Неки хрватски лингвисти су склони да функционисање творбеног типа на *-ист-иц-а* прошире на све мотиваторе са *-ист*. На пример, Мате Храсте је сматрао да су се речи *атеистица, комунистица, социјалистица, шовинистица* могуће у књижевном језику [8]. Међутим, функционисање таквих речи није одговарало узусу, односно нормама употребе, због чега и нису биле прихваћене од стране хрватских граматичара: упоредимо Приручну граматику и монографију Ст. Бабића посвећену творби речи [9]. Речи на *-ист-иц-а* функционишу у језику већ од 2 пол. XIX века (код А. Шеное налазимо: *користица, стипендистица, телеграфистица, идеалистица*, али и *идеалисткиња*). У савременом језику, међутим, оне показују тенденцију да се повезују искључиво са номина професионалиа.

Према нашем запажању у дериватолошком систему српскохрватског књижевног језика (западна варијанта) важи следеће правило: ако фемининум не координира са именицом на *-изам* као називом правца у политици, науци, уметности, он може да има у свом саставу суфикс *-иц-а*; ако, пак, ова координација постоји, онда женска изведница са *-ица* није могућа.

Паралелно функционисање изведеница са *-ист-иц-а* и *-ист-кињ-а* код аутора западног региона обично је репрезентовано речима са различитим кореном: упоредимо *сценаристица* и *бонапартисткиња* код преводиоца Ст. Кранчевића, *контоаристица* и *националисткиња, препарандисткиња* Сл. Колара. Наведени примери указују на обавезну повезаност „присвојних” фемининума са творбеним типом на *-киња*, док *nomina professionalia* ж. рода претежно имају суфикс *-иц-а*.

Стиче се утисак да је различит суфиксални облик фемининума везан за различити смисао, да се одвија семантичка диференцијација творбених типова.

Семантику фемининума са *-ист-иц-а* и *-ист-кињ-а*, међутим, не треба гледати изван сфере функционисања ових изведеница јер семантика речи није једини фактор који одређује комуникативну језичку ситуацију. Комуникативни услови, односно прагматика, детерминишу избор и употребу лексема, и то изведеница одређеног суфиксалног облика.

Другим речима: од семантике зависи функционална сфера коришћења речи, а семантичко-граматички услови утичу на облик лексема.

Ако фемининум од мотиватора на *-ист* припада номина професиона-

лиа и као такав се употребљава у говорном језику који улази основицу сваке национално-регионалне варијанте књижевног језика, онда се тај фемининум образује уз помоћ продуктивног на западном подручју феминалног суфикса *-иц-а* (упоредимо *дантистица*, *клавиристица*, *телеграфистица* и др.)

Овде је умесно да поменемо речи познатог руског лексиколога С. Н. Ожегова: „Пошто су претходно постале део професионалног и говорног језика, речи се враћају у књижевни језик, али сада као речи које је преобразила употреба у народу”.

Што се тиче фемининума који значе лица ж. пола према припадности неком смеру у политици, науци, уметности, они су у функционалном смислу више књижевни, карактеристични су за писмени књижевни језик, а понекад и за говорни језик интелектуалаца. На њима се мање осећа утицај говорног језика градске средине, што се одражава и на њиховом облику. Такозвани „присвојни” фемининуми имају традиционалну регионалну боју у западној варијанти, подвргавају се општекњижевној структурној стандардизацији и употребљавају само са суфиксом *-кињ-а*.

На крају треба рећи да веза између семантике и суфиксалног облика како је показала анализа фемининума, није карактеристична само за терминологију већ и за речи које припадају лексичком фону терминосистема.

На појаву и функционисање паралекса или успоредних изведеница хибридних фемининума не утичу само регионални, временски и морфолошки фактори већ и семантичко-прагматички услови као и фактор књижевне традиције.

Очуваност у западној варијанти српскохрватског / хрватосрпског књижевног језика хибридних фемининума са суфиксом *-иц-а* по свој прилици тражи коментар са гледишта словенске компаративистике.

Р. Бошковић, који је први истицао специфично коришћење фемининалног форманта *-иц-а* у српском, хрватском и словеначком језику није анализирао хибридне изведенице. Међутим, ми смо сведоци да словеначки језик, као и други словенски језици, у хибридним фемининумима користи суфикс *-к-а* (упоредимо словеначко *антифашистка* и слично).

Савремени српскохрватски књижевни језик, међутим, заузима посебан, уникатан положај у словенској дериватологији. Он је сачувао у хибридним фемининумима врло стари суфикс *-иц-а* (западни варианта), а такође користи и конглоутинат *-кињ-а*.

Напомене

1. Осим говедарица ВР фиксира и паралекс говедарка.
2. Бошковић Р. Одабрани чланци и расправе. – Титоград, 1978, с. 223.
3. Бошковић Р. Одабрани чланци..., с. 225.
4. Само у Лексикону страних речи М. Вујаклије.
5. Историческая типология славянских языков. – Киев, 1986, с. 42.
6. Ћорић Б. Моциони суфикси у српскохрватском језику. – Београд, 1982.
7. Упоредите дефиницију у РСМ-МХ „Идеалист/а/ м. 1. онај који тежи чему идеалном, савршеном” и пример речи идеалистица 2. „Ти си идеалистица! Шеноа”. РСМ-МХ, ка. 2, с. 347.
8. Hraste M. Tvorba imenica ženskog roda od stranih imenica muškog roda sa završetkom „t“ // Jezik, 1956 / 1957, sv. 4.
9. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. – Zagreb, Školska knjiga, 1979; Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. – Zagreb, Globus, 1986.

ВУК КАРАДЖИЧ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕРБОХОРВАТСКОГ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

// Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1990. – Књ. XXXI / I. – С. 107–112.

Реформа, предпринята фундаторм сербохорватског литературсног језика новог времена В. Караджичем, отразила се на свих нивоа литературсног језика, во свих ње системима, во том числу и во словообразованију. Во многосторонњој дејателности В. Караджича једно из централних места занимало створење лексическог фонда литературсног језика.

Тесна веза словообразованија са лексиком општеизвестна, не случајно неке лингвисти до сих пор односе науку о словопроизводству к лексикологији или к лексическој морфологији. Словарни састав једног језика садржи огромно количество производних лексема, и во овом плану репрезентује словообразоватељне процесе, деривационе модели, особености словообразоватељне системе. Реформа В. Караджича са ње важном заботом о словарном саставу литературсног језика, народном карактеру литературсног лексика, разнообразију и богатству

словаря предопределили и специфику словообразовательной системы сербохорватского литературного языка нового времени.

Поэтому тема Вук Караджич и словообразование сербохорватского языка вполне правомерна. Она может быть рассмотрена в нескольких аспектах.

К одному из них относится анализ попыток фундатора сербохорватского литературного языка нового времени теоретически осмыслить словообразование народной и письменной речи, оценить те или иные модели деривации, использовать их в своих новообразованиях. Эту тему можно назвать „В. Караджич о словообразовании”.

Как лексиколог, лексикограф и переводчик В. Караджич неоднократно сталкивался со словообразовательной проблематикой. Ориентация на народную речь в реформе В. Караджича требовала и создания новых слов по структурным образцам этой речи. В связи с этим возникла необходимость в работах, где бы давались основные правила словопроизводства сербохорватского языка. В конце 20-х годов XIX в. появились две работы по сербохорватскому словообразованию: одна из них принадлежала В. Караджичу („Главна свршива существителни и прилагателни имена у српском језику”) (1), – написал оппонент Караджича – Й. Хаджич (Милан Светич). По мнению Й. Кашича, и Караджич, и Хаджич внесли свою лепту в основу словообразовательного анализа производных слов сербохорватского языка (2).

Однако, работа В. Караджича, отличавшегося необыкновенным языковым чутьем, была объемнее и глубже, чем у его оппонента. В. Караджич сделал успешную попытку показать живые аффиксы, с помощью которых создаются новые слова, выявив в словопроизводстве только сербохорватских существительных 97 формантов. Конечно, в работе, написанной В. Караджичем в 1828 г., были некоторые неточности и погрешности в членении слов, например, в существительных *пријатељ*, *родитељ*, *бранител* выделялся суффикс *-ель*, а не *-тел*, существительное *жена* рассматривалось как производное и др., что отчасти было связано с уровнем развития словообразования в этот период.

Словообразовательная проблематика, помимо названной работы, затрагивалась В. Караджичем в связи с переводом „Нового Завета”, и этот факт был освещен в югославистике в трудах А. Белича, О. Цвиич и др. (3; 4). Писали об этом и восточнославянские лингвисты: Н. И. Толстой (5), П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов (6, с. 66–68). Таким образом, названный подход к теме „В. Караджич и словообразование” можно считать уже в определенной мере реализованным в сербкокрлатистике. Иначе

обстоит дело с другим аспектом указанной темы, с выявлением закономерностей словопроизводства в свете типологических особенностей сербохорватского литературного языка как языкового феномена, органически связанного с народно-диалектной речью (в диахронии – с фольклорным койне), являющегося полинациональным, обслуживающим разнообразные сферы общения нескольких народов.

Эти типологические особенности сербохорватского литературного языка нового времени – опора на народно-диалектную речь и полинациональность – непосредственно связаны с реформой В. Караджича.

В типологическом осмыслении сербохорватского словообразования, в частности, инвентаря именных суффиксов, многое сделано выдающимся югославским компаративистом Р. Бошковичем, который еще в 30-е годы XX века подчеркивал, что не только диалекты, но и книжная сербохорватская речь сохраняет ряд элементов древнеславянского словообразовательного фонда, утраченных всеми другими родственными языками, кроме словенского (7, с. 51–52).

Наряду с действующими в компаративистике фонетическими и морфологическими критериями, Р. Бошкович выдвинул словообразовательный показатель в классификации славянских языков, в установлении типологических особенностей языков южнославянского ареала. Р. Бошкович выделил структурно особые именные форманты сербохорватского литературного языка: *-ара*, *-она*, *-ља* (*-им*), *-оћа*. Эти суффиксы в других славянских языках отсутствуют или сохраняют там свою продуктивность только в диалектах: ср. древнеславянский суффикс *-ла* *-ила*, который в сербохорватской языке стал литературным, а в восточнославянском ареале этот формант сейчас активен уже только в карпатских говорах украинского языка (8, 81).

Кроме структурно особых, Р. Бошкович отметил и функционально особые аффиксы сербохорватского языка, в том числе уменьшительный *-ић* и разнообразные, „ц” форманты, сохраняющие продуктивность не только в сфере деминутивной лексики (об этом писал и А. Белич), но и в *nomina feminina*, а также в *nomina loci*. Активность „ц” суффиксов в разных сферах словопроизводства отличает западный ареал южнославянских языков (т. е. сербский, хорватский и словенский) от всех остальных славянских.

Выводы Р. Бошковича о сохранности древнеславянского фонда аффиксов в сербохорватском языке актуальны для нашего времени. Они позволяют говорить о некоторой парадоксальности в реформе В. Караджича по отношению к словообразованию.

Речь пойдет не о том, что отдельные книжные по происхождению модели, например, слова с суффиксом *-тел* и производные от них, не только сохранились, но даже и активизировались в эпоху В. Караджича: ср. феминные дериваты на *-тель-ка*, новые для XIX в. (*бранителька*, *родителька*). Следует подчеркнуть другое: сближенность словообразовательных средств сербохорватской народной речи XIX в., на которые опирался В. Караджич, с деривационными моделями древнеславянских языков.

Известно, что В. Караджич выступал против заимствования в литературный язык нового времени славяно-сербской книжной лексики и ее моделей. Однако он опирался на такие глубины сербохорватской народной речи, которые сохранили древнеславянский деривационный инвентарь, оказавшийся в некоторых словообразовательных звеньях близким к аффиксам старославянских памятников. Напр., в *nomina feminina* старославянского языка использовались только два суффикса праславянского происхождения *-ица*, *-ьаша* (9), но сегодня эти суффиксы и их производные сохраннее всего представлены именно в сербохорватском ареале, где они принимают участие и в создании гибридных феминных номинаций, что отличает сербохорватский язык даже от словенского (ср. хорв. *studentka*, серб. *студенткиња*, слов. *studentka*).

Вторая типологическая закономерность сербохорватского словообразования имеет процессуальный характер, однако она результативно влияет на систему словопроизводства, на взаимодействие аффиксов. Речь идет об интенсивности процесса интеллектуализации народных суффиксов в литературном языке, о расширении их семантического потенциала. Народные элементы, в том числе словообразовательные, попадая в литературный язык, должны подняться на уровень литературности, подчиниться правилам и закономерностям литературной речи.

Одной из таких закономерностей является кардинальная для любого литературного языка тенденция к интеллектуализации, действие которой в лингвистике обычно рассматривают на базе лексики.

Однако, если словообразовательные процессы изучать в русле истории литературного языка, то можно заметить и семантическое обновление аффиксов как одно из проявлений тенденции интеллектуализации. Исконные форманты сербохорватской народной речи, войдя в литературный язык в эпоху Вука Караджича, расширили затем свой словообразовательный ареал не только в структурно-морфологическом аспекте (по морфологическим типам основ, участвующих в деривации), но и в лексико-семантическом плане.

Данная особенность четко проявляется у суффиксов *nomina agentis*, которые в народной речи изначально были связаны только с глаголами, обозначающими физические действия, формировали народную номенклатуру профессий, а в литературном языке расширили производящую базу за счет слов с отвлеченными значениями.

В этом отношении очень показательным сопоставлением основ у слов с суффиксом *-ља (-ила)* в Словаре В. Караджича (1852) (ср. *везиља, музиља, пмтиља, пральа, прельа, ткаља* и под.) и в лексике сербохорватского литературного языка 2 пол. XIX в. (ср. *просиља* и *читаља* – окказионализмы Й. Змая; *твориља* – окказионализмы М. Миличевича; *молиља, судиља, уобразиља* и др.).

Процессе интеллектуализации не был в сербохорватском литературном языке стандартным для всех изначально народных суффиксов *nomina agentis*. Напр., суффикс *-ља (-иља)* пережил свой ренессанс в XIX в., а в дальнейшем утратил продуктивность. В XX в. лексемы с этим суффиксом появляются только спорадически: ср. переводческий окказионализм *руководиља* (РМС, V, 279), слово *облачиља* (ухаживающая за немощным, больным), *свлячиља* (*стриптизета* – 17 с. 516) и немногие другие.

У других суффиксов процесс интеллектуализации или расширения семантического ареала был менее бурным, но более прочным, более значительным для категориальной системы *nomina agentis*. В этом отношении следует упомянуть суффикс *-ач*, продуктивность которого чувствовал В. Караджич, часто прибегавший к этому форманту в своих новообразованиях (4). В славянской дериватологии суффикс *-ач* как формант, исконно характерный для народных говоров, традиционно противопоставлялся книжному *-тель*. Это противопоставление, перенесенное на письменные тексты, подчеркнул Ф. Травничек по отношению к чешскому литературному языку: „Имена одушевленные на *-tel*, как правило, являются названиями лиц, занимающихся умственным трудом, в отличие от имен на *-č*, означающих в большинстве лиц, занятых физическим трудом” (10, 194).

Для сербохорватского литературного языка такое противопоставление моделей на *-ач* и *-тель* было характерно только для первой пол. XIX в. Словари конца века уже фиксировали слово *васпитач*, а в лексике XX в. представлены *испитивач, истраживач, настављач, обнављач, оснивач* и под., которые к названиям лиц по физическим действиям уже не относятся.

Вероятно, процесс интенсивной интеллектуализации народных суффиксов является типологическим признаком, общей тенденцией младо-

литературных языков и языков с перерывами в развитии, отражающих активное влияние диалектной речи. Например, расширение мантического потенциала формантов *-ач*, *-увач* и предпочтение суффиксу *-тель* наблюдается в македонском языке (II, с. 43), а белорусские лингвисты пишут о большей, чем в других славянских, активности форманта *-нік* также нередко за счет успешной конкуренции с *-тель* (12, с. 141).*

Есть определенная специфика и в структуре словообразовательных полей (словообразовательных категорий) современного сербохорватского языка, если их рассматривать на общеславянском фоне.

В славянской деривационной теории по поводу структуры словообразовательных категорий (*nomina agentis*, *nomina feminina*, *nomina loci* и др.) утверждается, что эта структура: 1) соответствует полевой, в ней есть ядерная и периферийная часть; 2) ядерные, продуктивные форманты немногочисленны, число их обычно колеблется от 1 до 3; 3) ядерные суффиксы (или модели с ними) стремятся к специализации, дистрибутивно, по производящим основам, обычно отличаются один от другого (13).

Однако в эту типовую схему полностью не вписываются структуры словообразовательных категорий сербохорватского ареала. Ср. для примера словообразовательное поле *nomina feminina*, где в сербохорватском ареале 4 главных форманта (*-иц-а*, *-к-а*, *-ињ-а*, *-кињ-а*), которые не всегда строго специализированы, часто действуют параллельно, используя одни и те же производящие основы, создавая однокоренные словообразовательные синонимы или словообразовательные паралексы: ср. *вратарка* и *вратарица*; *гатара*, *гатарица*, *гатарка* и т. д.

Многоформантность ядра словообразовательной категории *nomina feminina* отмечается не только в диалектном континууме, но и в книжно-письменных формациях сербохорватского ареала, при разной степени продуктивности отдельных ядерных формантов, стимулирующих разнообразие спектра моделей (ср. большую активность форманта *-иц-а* в хорватской и форманта *-кињ-а* в сербской письменной речи).

Югославянские лингвисты, Б. Чорич и др., говорят о том, что паралексия как явление дублетности однокоренных слов с синонимичными аффиксами, продуцируется и в других словообразовательных классах, не только в *nomina feminina* (14, с. 132), характерно для разных частей речи. В югославистике явление словообразовательной синонимии однокоренных слов с разными формантами еще недостаточно исследовано, хотя уже имеются специальные термины „успоредне изведенице” или „успоредне творенице”.

Паралексия порождается причинами не только пространственного, но и временного характера – смена суффиксов в диахронии (15). Сербохорватские словари ее фиксируют, и начало этому положил В. Караджич, который в его словаре 1852 г., с одной стороны, стремился представить во всей полноте богатство народной лексики, а с другой стороны, чувствовал и динамику в словопроизводстве. Например, в словаре В. Караджича 1852 г. указывается 30 слов на *-ар-ица* типа *вратарица, говедарица, кестенарица, чизмарица* и др. (18 из них с первой лексикографической фиксацией у Караджича), и только 9 слов конкурентной модели на *-ар-ка*, из которых 6 фемининативов выступают как паралексы (ср. *говедарици* и *говедарка, чизмарица – чизмарка* и т. п.).

В словарях XX в., например, в РМС отмечается 130 наименований лиц ж. пола типа *вратарица* и такое же количество (130) слов на *-ар-ка*.** Паралексия же по отношению к общему корпусу слов вырастает с 30% до 50%. Это говорит о постепенном утверждении продуктивности модели на *-ар-ка* в восточном варианте литературного языка,***, что во времена В. Караджича только намечалось, но уже было им зафиксировано.

Итак, сербохорватская книжная речь нового времени, фундатором которой был Вук Караджич, имеет в словообразовательной системе ряд важных закономерностей: сохраняет некоторые древнеславянские форманты, утраченные другими славянскими языками; характеризуется активными процессами интеллектуализации исконно народных аффиксов; содержит в деривационных полях параллельно а не дистрибутивно действующие образцы.

Список использованной литературы

1. Караџић В. Главна свршивања суштествителни и прилагателни имена у српском језику // Даница. – У Бечу, 1828. – С. 1–36.
2. Кашић Ј. Хапићево „Ображавање српске речи” и Вукова „Главна свршивања” // Научни састанак слависта у Вукове дане, XIV. – Београд. 1985. – С. 39–49.
3. Белић А. Вукова борба за народни и књижевни језик. – Београд, 1948.
4. Цвијић О. О неким речима у преводу Новог Завета // Јужнославенски филолог, кн. XXVI//1–2. – 1963–1964. – С. 401–412.
5. Толстой Н. И. Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића // Анали Филолошког факултета Београдског универзитета, кн. Вуков зборник II. – 1965.

6. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Вук Караджич и его реформа сербохорватского / хорватосербского литературного языка. – Ленинград, 1984. С. 1–107.
7. Боижовић Р. Одабрани чланци и расправе. – Титоград, 1978. – 491
8. Закревська Я. В. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. – К.: Наукова думка, 1976. – 163 с
9. Цейтлин Р. М. Лексика старославянського мови. – М.: Наука. –1977.
10. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. – М., 1956.
11. Бернштейн С. Б. К истории славянского суффикса *-telь* // Русское и славянское языкознание (к 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова). – М.: Наука, 1972. – С. 36–43.
12. Стяцко П. В., Мякиш В. С. Словообразовательная соотносительность русского и белорусского языков // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. II. – Гродно, 1968. – С. 140–143.
13. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. – М., 1969.
14. Ћорић Б. Из творбене синоимије српскохрватског језика // Састанак слависта у Вукове дане. – XII / I – Београд, 1983. С. 131–136.
15. Смольская А. К. Проблемы словообразовательных норм в сербохорватском литературном языке (на общеславянском фоне) // IX Республіканська славистична конференція. – Тези доповідей і повідомлень. – Одеса, 1987. – С. 187–188.
16. Ристић С. Морфема *-telь* у савременом српскохрватском језику // Наш језик. – Кн. XXV/4–5–1982; Кн. XXV/1–1983.
17. Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. – Zagreb, Globus, 1986.
18. Babić S. Sustav u mocijkoj tvorbi u suvremenom hrvatskom književnom jeziku. Siavica helvetica. – 16. Bern, 1981.

Словари и принятые сокращения

1. Вук Ст. Караџић. Српски рјечник. 3 изд. – Београд, 1898. – ВР.
2. Речник српскохрватског књижевног језика. Кн. I–VI. – Нови

Сад. Матица српска (I–III и Матица хрватска). 1967–1977. – РМС.

3. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. – I–XIX. – Zagreb, 1880–1967. – RJA.

Примечания

* В дискуссии сербохорватистов 60–70 гг. XX в. по поводу суффикса *-тель*, отсутствующего в диалектах и, следовательно, противоречащего нормам реформы В. Караджича, выдвигались разные точки зрения о продуктивности данного форманта в книжно-письменной речи на сербской и хорватской территориях. В дальнейшем специальный анализ конкуренции суффикса *-тель* с другими формантами *nomina agentis* (сербская лингвистика Ст. Ристич – 16; хорватский дериватолог Ст. Бабич) показал, что

-тель сохраняет продуктивность, хотя, например, уступает группе мотиваторов-глаголов V и VI классов, в составе которых новые глаголы на *-ива*, суффиксу *-ач*, активно формирующему профессиональные номинации, в том числе наименования профессий интеллектуального труда типа „истраживач“, „предавач“ (17 с. 275–279; 71–74).

** В это число не входят слова на *-ичар-ка* типа *воденичарка*.

*** Дистрибуция суффиксов *-и-а* и *-к-а* после основ на „ар“ в хорватском ареале описана Ст. Бабичем (18).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИЦА / НЕЛИЦА И СРЕДНИЙ РОД В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

// Слов'янський збірник : зб. наук. праць. – Одеса: Астропринт, 1998. – Вип. V. – С. 107 – 114.

В лингвистике существует мнение, что в исследовании языков главным является изучение языковых категорий. Сравнительная грамматика славянских языков обычно традиционно анализирует только грамматические категории имени существительного и других частей речи. Функциональная грамматика, со своей стороны, изучает семантические категории, которые имеют в языке общее семантическое ядро и разноразличные способы выражения категориального смысла. Использование результатов функциональной грамматики актуально для сопоставительного исследования славянских языков в современной лингвистике.

Субстантивные или предметные категории занимают важное место в процессах категоризации сложной языковой картины мира. Категории лица / нелица (иначе: личности / неличности или персональности / имперсональности), определенности / неопределенности и др., которые относятся к языковым универсалиям, получили значительное развитие в славянских языках, где весьма специфично взаимодействуют с грамматическими категориями рода, числа и падежа. Для типологии славянских языков важный материал представляют различные конфигурации взаимодействия семантических и грамматических категорий по отдельным славянским языкам и в сопоставительном плане.

Категория лица / нелица, являясь одной из семантических категорий существительного, не только противопоставляет личное и предметное в языке, но и помогает выявить способы выражения универсальных признаков человеческого индивидуума, признаков пола и возраста, имеет самое непосредственное отношение к формуле «человек в языке».

Используясь в большинстве славянских языков в качестве скрытой, не имеющей собственного грамматического ядра, категория персональности / имперсональности находит свое языковое выражение, взаимодействуя с грамматическими категориями существительного, прежде всего с категорией рода.

Взаимодействие категории лица / нелица и категории субстантивного грамматического рода неоднозначно рассматривается в славистике. Одни лингвисты, подчеркивая релевантность грамматического рода относительно категории персональности, пишут о том, что в существительных с семой «лицо» (человек), как и с семой «одушевленность», категория грамматического рода связана с денотативной сферой, семантически определена. Другие языковеды обращают внимание на то, что в отличие от формальных показателей рода в славянских языках практически нет абсолютных (внутрисловных) показателей пола, ибо в указании на пол лица «даже в случаях типа *жена, сестра, тетя* основную ведущую роль играет семантика, реальная предметная отнесенность, а не формальный показатель» (Бондарко, 1976).

Разграничение семантической категории лица / нелица, семантического признака пола и грамматической категории рода, с одной стороны, как и взаимодействие указанных категорий, с другой стороны, привлекало внимание многих лингвистов: А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Л. Ельсслева, А. В. Бондарко, А. А. Тараненко; из южнославянских ученых Томо Маретича, Михаила Стевановича, Любомира Андрейчина, Милки Ивич, Владимира Анича и др.

Во второй половине XX века появился ряд статей по конфронтивной лингвистике, характеризующих специфику систем грамматического рода двух или нескольких славянских языков. Из последних работ сопоставительного характера по славянскому грамматическому роду как инструменту выражения категории лица следует отметить доклад А. А. Тараненко на Братиславском съезде славистов, в котором очень объемно представлен украинский материал (Тараненко, 1993).

Несмотря на накапливающиеся новые сведения, в сравнительных грамматиках славянских языков о системе грамматического рода говорится достаточно кратко, подчеркивается обычно только фактор трехкомпонентности системы грамматического рода в славянских языках, не рассматриваются внутрисистемные отношения и функциональная нагрузка компонентов, не выделяются интегральные и дифференциальные факторы в развитии грамматической системы рода, не характеризуется степень формализованности рода отдельных славянских языков.

Работы славистов, наши собственные наблюдения помогают сформулировать основные постулаты о развитии системы грамматического рода в славянских языках и об особенностях этой системы в отдельных языках славянских народов.

Лингвисты, прежде всего в качестве общей интегральной закономерности развития системы славянского грамматического рода, подчеркивают принцип андроцентризма, ведущую роль мужского рода в системе грамматических родов, тенденцию к осуществлению транспозиции рода прежде всего у личных номинаций мужского пола, в которых противопоставлены грамматический и “природный” род (пол лица). Эта универсальная тенденция наблюдалась историками языка, и ее можно характеризовать как диахронную константу славянских языков.

Если принцип андроцентризма интегрален, то одним из индикаторов специфичности грамматической категории рода в славянских языках является позиция среднего рода, степень его сохранности и функциональности, его связей с категориями персональности и одушевленности. Известно, что все славянские языки испытывают редукцию среднего рода, хотя ее уровень по языкам различен. Наиболее четко о редукции среднего рода в русском языке высказался В. В. Виноградов, который подчеркнул, что в современном русском языке средний род выступает как “форма обезличенной предметности” (Виноградов, 1947, с. 83), русский средний род, за редким исключением, утратил связь с категориями лица и одушевленности. Есть славянские языки, например, украинский, в которых редукция среднего рода незначительна, проявляется только в отдельных словообразовательных моделях (см. Тараненко, 1993), актив-

ность среднего рода сохраняется и даже расширяется за счет расширения стилистических границ эмоционально маркированных лексем, исходно выступавших как асексуальные номинации невзрослых лиц.

Лингвисты устанавливают, в каких славянских языках категория грамматического рода в большей или меньшей степени формализована. Степень формализованности субстантивного рода обычно рассматривается на пограничных случаях, на материале так называемых инородовых личных номинаций, в которых существует разрыв между выражением грамматического и «природного» рода, т. е. пола лица. Инородовые личные номинации важны с позиций синтагматики: модели согласования с ними могут быть или формальными, или смысловыми.

Синтаксическая возможность выражения грамматического рода, заложенная в славянских языках с праславянского периода (ср. сущ. м. р. с основой на «а») связана с усилением семантической стороны рода, которую для русского языка подчеркивал А. А. Шахматов, говоря, что «на грамматические представления о роде наслаиваются наши представления о естественном поле живых существ, влияя на грамматические и подчиняя их себе» (Шахматов, 1941, с. 448). Ср. высказывания по поводу грамматического рода у болгарского академика Любомира Андрейчина, который писал, что для языкового сознания болгарина грамматический род определяется формой (флексией) существительного, независимо от того, лицо какого пола это существительное обозначает. Сербские и хорватские лингвисты также указывают, что в их языках грамматический род существительных не функционирует в полной зависимости от понятий „мужской” и „женский” пол лица, что сему „природного” рода выражают „променљиви означитељи”, т.е. внесловные маркеры пола (Анич, 1984).

В большинстве славянских языков инородовые личные номинации могут выступать в форме всех трех родов.

В аспекте взаимодействия семантической категории лица и грамматической категории рода в статье рассматриваются инородовые личные номинации среднего рода в южнославянских языках в сопоставлении с восточнославянскими и опорным языком сравнения является сербский язык.

В сербском языке грамматический средний род претерпевает известную редуцицию, выражающуюся в том, что новые заимствования на *-e*, *-o* (*купе*, *метро*, *ауто* и под.) обязательно переходят в мужской род, однако в сербском языке средний род продолжает традицию сохранения связей с семантическими категориями лица и одушевленности.

Корпус личных номинаций среднего рода, представленный в сербском языке, по лексико-семантическим группам и словообразовательным моделям типичен для всех славянских языков, в том числе для украинского, сохраняющих связи рода *neutrum* с категорией личности, персональности. В этом корпусе находятся дериваты с суффиксами невзрослости, для которых возможен переход в стилистические группы коннотативно маркированных слов, дериваты с формантами деминутивности, аугментативности, пейоративности (слова на *-ло*), субстантивы и существительные переносного употребления типа *лице, биће, створење* и под.

Отдельных замечаний требуют только субстантивы *женско, мушко* в сербском и хорватском языках (ср. болг. *женско, мъшко*), а также мало фреквентные, отмеченные в основном в фольклорных текстах и народно-разговорной речи, редко в художественном стиле сербского языка субстантивы *драго, младо, мило*. В отличие от субстантивных прилагательных ср. рода в украинском языке, где они окказиональны и обычно ограничены предикативной функцией, указанные сербские субстантивы относятся к лексемам узуального характера, фиксируются словарями, имеют более широкое функциональное поле, т.к. используются и в предикативной, и в субъектно-идентифицирующей функциях.

Личные номинации среднего рода в сербском языке, как и в других славянских, могут быть маркированы по признаку «природного» рода (пола) с помощью корневой морфемы (ср. *девојче, девче, женче, цурче; жениште, човечиште* и под.). В болгарском языке возможна и внутрисловная маркировка по полу с помощью феминного суффикса, предшествующего форманту среднего рода: ср. *юнакинче, рускинче, шопкинче* и под. Внутрисловная маркировка по полу в славянских языках характерна для небольшого числа личных номинаций ср. рода.

Большинство личных существительных ср. рода в южнославянских языках не маркированы по признаку «природного» рода (ср. сербск. *јединче, кумче, унуче* и под.). Сербский лингвист М. Павлович уже в 60-е годы XX в. писал о среднем роде „опште вредности”, т.е. о словах общего рода в форме *neutrum* (Павлович, 1962). Поэтому для личных номинаций рода *neutrum* важны транспозиционные процессы и внесловные маркеры пола (лексические и грамматические).

Славянским языкам известно стремление к родовому переформлению личных номинантов ср. рода, вызванное тенденцией к установлению соответствия между грамматическим и „природным” родом.

Например, в словенском языке, где корпус личных номинантов среднего рода невелик, существительное *dekle* подвергается синтаксической феминизации, причем сочетание *naša dekle* является обычным, нейтральным, в отличие от экспрессивно окрашенного *naše dekle*; ср. также укр. *divчице* – ж.р., *бабице* – ж.р., *хлопчице* – м.р. (род устанавливается в соответствии с родом мотиватора), словац. *babisko* – ср. и ж. род, *chlapisko* – ср. и м. род. В приведенных примерах (словенских, украинских, словацких) осуществляется два вида транспозиций: ср. род > муж.род и ср. род > жен. род.

Однако в большинстве южнославянских языков, в том числе в сербском, процессы родовой транспозиции почти не затрагивают корпус личных номинантов в форме *neutrum*. Это касается прежде всего феминных номинаций в форме среднего рода, в сербистике подчеркивается, что слова на -о, -е „обавезно нису женског рода” (М. Ивич, 1960).

Из номинаций лиц мужского пола транспозиция ср. род > муж. род охватывает только словообразовательный класс с суффиксом -ко (*дечко, несташко, нахранко* и под.) и примыкающий к ним субстантив *мушко*, для которого словари фиксируют мужской род.

Личные номинации на -е, -че, -иште (ср. *момче, човечиште* и др.) имеют, как правило, удвоенный парадигматический признак среднего рода – флексию -е и неравносложность основ, что, вероятно, закрепляет их в роде *neutrum* и препятствует транспозиции. Ср. мнение болгаристов, что формализованность рода в болгарском языке укрепляет членная форма, постпозитивный артикль (ср. возможное в разговорной практике: *Анчето е дошло самичко*).

С позиции формализованности системы грамматического ср. рода заслуживает внимания изменение родового статуса номинантов на -ло (блебетало, памтило, мазало, пијукало и под.) в диахронии в сербском языке.

В *Словаре* В. Караджича слова на -ло фиксировались только в муж. роде, но в современном сербском языке данные лексемы чаще имеют модели согласования по ср. роду, что позволяет этим двуродовым существительным (м. р. и ср. р.) использоваться в качестве феминных номинаций. Для личных номинаций на -ло отмечается процесс „обратной” транспозиции: муж. род > ср. род. Интересны фоновые процессы в функционировании новых сербских мужских и женских собственных имен, оканчивающихся на -е, -о, -и, -у. Асим Пецо отмечает, что в таких именах заимствованного происхождения (ср. *Зоки, Мики, Ада, Берти* и под.) „дошло је до сукоба граматичког и семантичког индикатора”. При

этом „Код мужских имена... семантички индикатор је по правилу надвла- дао парадигматски и наметнуо је промену тих имена по нашем класиче- ском дефлексијском систему (Зоки – Зокија као Јован – Јована)”. Что же касается женских собственных имен иностранного происхождения, то в них „парадигматски индикатор се одупро семантичком и таква имена су, по правилу, остала индеклинабелна” (Пецо 1998).

Строгая формализованность системы грамматического рода у большинства южнославянских языков не может помешать действию категории определенности / неопределенности как категории идентификации, тесно связанной с процессом номинации лиц в высказывании. Идентификация лица по „природному” роду является одним из важных признаков категории определенности, что обуславливает взаимодействие этой категории и категории персональности. Категория определенности в качестве категории высказывания оказывает влияние на контекстное окружение личных номинантов ср. рода, в широком плане – на выработку типовых лексических маркеров пола.

Сербский и хорватский языки используют при личных номинантах ср. рода как универсальные для славянских языков классификаторы пола (личные местоимения 3 лица, собственные имена, термины родства м. и ж. рода), так и преимущественно южнославянские, к которым относятся аффиксы *женско* и *мушко*: ср. *женско дете*, *женско јединче*, *женско сироче*, *женско створење*, *женско чельаде*; *мушко дете*, *мушко биће*, *мушко чедо* и др. Указанные лексические маркеры пола представлены и в сербских, и в хорватских художественных текстах.

Использование прилагательных *мъжско*, *женско* в идентифицирующей функции известно и болгарскому языку, но, кажется, чаще при указании на пол животного: ср. *едно женско кенгуру*, *женско теле* и др. Однако у Н. Герова фиксируется *женско дѣтя* (момиче) и *мъжско дѣтя* (момче).

Маркировки по признаку „природного“ рода с помощью аффиксов женский, мужской является достаточно древним способом лексического аналитического обозначения лиц в языках мира. М. Я. Немировский указывал, что в „Илиаде“ Гомера словосочетание „Зεος“ + аффиктив с семей „женский пол“ выступало со значением „богиня“ (Немировский, 1938).

Вероятно, большая частотность в использовании номинаций лиц и животных в форме ср. рода закрепила в славянских языках на Балканах такие «свои», южнославянские маркеры пола.

Выше подчеркивалось, что в актах высказывания категория лица / нелица взаимодействует с категорией определенности / неопределенности, которая играет роль существенного контекстного различия, в частности,

сказывается на согласовании местоименных субститутов с личными номинантами среднего рода.

Для личных местоимений, замещающих личный номинант среднего рода, например, *девојче, момче*, в сербском языке системно представляется два типа согласования: грамматическое и смысловое (по полу лица). Грамматисты подчеркивают, что удаленность местоимения, особенно его нахождение в другом предложении, может способствовать выбору смысловой модели, однако представляется, что релевантно и воздействие категории определенности / неопределенности. Об этом свидетельствуют тексты одного и того же автора, где отмечаются различные типы согласования личного местоимения 3 лица в одинаковых синтаксических условиях удаленности по отношению к „инородовому“ существительному ср. рода. Ср. 1. ...Имала је љупкост неког девојчета, кад га осветле у вратима при улазу из мрака (М. Црњанский). 2....На једном коферу седело је девојче, држећи своје кученце на крилу... Девојче јеплакало... Рјепнин се сећао како је пришао девојчету и како јепочео да је теши» (М. Црњанский).

В приведенных примерах дистантное согласование со словом *девојче* в известной мере зависит от категории определенности / неопределенности, представленной в тексте. В первом тексте лицо мыслится как неопределенное (*неког девојчета*), используется формальное согласование. Напротив, определенность предствления о лице жен.пола, названного инородовым существительным („*пришао је девојчету*”), вызывает согласование по смыслу, форму *је*.

Выводы

Итак, вместе с типологической близостью корпуса личных номинаций ср. рода в славянских языках, предопределенной в известной степени праславянскими импульсами и их развитием в исторический период, в языках южнославянской группы на современном этапе обнаруживается специфика функционирования транспозиционных процессов, связанных со ср. родом, своеобразие внесловных, преимущественно лексических маркеров пола, необходимых для идентификации лица, репрезентированного «инородовой» формой. Иными словами, языковая картина мира, точнее, его важного фрагмента, связанного с номинацией человека (лица) не только с помощью мужского и женского, но и среднего рода, при учете всех деталей, безусловно, не является идентичной в славянских языках.

Если рассматривать взаимоотношение категории лица и ср. рода в славянских языках и шире, т.е. на индоевропейском фоне, то можно выстроить следующую цепочку: а) славянские языки, имеющие личные номинации ср. рода, но допускающие родовую транспозицию только для названий лиц муж. пола (принцип андроцентризма); славянские языки, имеющие личные номинации среднего рода и допускающие их транспозицию как в муж., так и в жен. род; в) славянские языки, сохраняющие личные номинанты ср. рода только как раритеты, утратившие связь ср. рода с категорией лица и одушевленности; г) индоевропейские языки романской группы, утратившие ср. род в системе грамматических родов; д) индоевропейские языки (ср. английский), утратившие вообще категорию субстантивного грамматического рода. Может быть, эта цепочка нуждается в уточнении, однако она закрепляет право лингвиста на интерес к проблеме «средний род и номинация лица (человека)».

Список использованной литературы

1. Андрейчин Л. Основна българска граматика. – София, 1978.
2. Анић В. Род и спол у српскохрватском језику: разграничена // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1984. – XIII/3.
3. Бондарко А. В. К интерпретации одушевленности – неодушевленности, разрядов пола и категории рода (на материале русского языка) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии в славянских языках. – Москва, 1976.
4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – Москва, 1947.
5. Ивић М. Обележавање именичког рода у српскохрватском књижевном језику // Наш језик, 1960, Књ. 10.
6. Ивић М. Obeležavanje imeničkog roda u standardnom slovenačkom jeziku (uporednos odgovarajućom srpskohrvatskom situacijom) // 36. за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1958, – Књ. XI.
7. Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Памяти академика Н. Я. Марра. – Москва-Ленинград, 1938.
8. Пецо А. Из деklinационе проблематике антропонима у нашем језику // Састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1998. – 27/2.
9. Смольская А. К. О роде существительных в русском и бол-

- гарском языках // Болгарская русистика. – София, 1978. – № 3.
10. Смольская А. К. Развитие именного словообразования в сербскохорватском языке (фемининативы). – Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Одесса, 1993.
 11. Смольская А. К. К вопросу о семантической категории определенности – неопределенности сербского субстантива // Изучение и преподавание сербскохорватского языка в инославянской среде / Материалы международной конференции. – Москва: МГУ, 1996.
 12. Тараненко О. О. Динаміка слов'янських іменних класифікацій у діяхронії і синхронії (на формально- і семантико-граматичному та словотвірному рівнях) // Слов'янське мовознавство. Доповіді. – Київ. 1993.
 13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Ленинград, 1941.
 14. Шехтер В. Г. Категорія означеності – неозначеності в сучасній українській мові // Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Київ, 1995.
 15. Pavlovič M. Gramatički srednji rod opšte vrednosti // Slavica pragensia. –Т. IV (Philologia).– Praha, 1962.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА ЮГЕ УКРАИНЫ

// Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. – Одеса: Друк, 1999. – С. 310 – 314.

Славянские просветители Кирилл и Мефодий как создатели славянской азбуки и первого письменного языка славян навсегда вошли в историю славянской и европейской культуры. Гуманистические и демократические позиции солунских братьев, славянских первоучителей, заявивших, что народы неделимы на богоизбранные и отброшенные, что каждый народ имеет право на использование своего языка и в церкви, и в школе, на развитие самобытной письменной культуры, безусловно, актуальны и в наше время.

Кирилло-мефодиевские проблематики всегда были одними из центральных вопросов славяноведения и постепенно выделились в отдельную область палеославистики – кирилло-мефодиевистику.

Во многих странах создаются кирилло-мефодиевские центры, издаются энциклопедии, специальные студии, сборники, проводятся конфе-

ренции, посвященные деятельности и наследию славянских первоучителей. Достаточно сильны кирилло-мефодиевские традиции и в Украине.

Цель предлагаемого сообщения – краткий рассказ об основных вехах кирилло-мефодиевистики на юге Украины, в Одессе. Для рассмотрения кирилло-мефодиевских страниц актуальны два периода: 1) XIX в. вместе с двумя первыми десятилетиями XX в. до реорганизации Новороссийского (Одесского) университета; 2) последующие десятилетия XX в.

Славянские первоучители всегда пользовались особой любовью в Одессе. Во многих православных храмах, выстроенных в городе в XIX веке, представлена кирилло-мефодиевская иконография, есть настенные изображения Кирилла (Константина) и Мефодия. До революции 1917 г. в Одессе было две церкви, патронами которых являлись Кирилл и Мефодий. Обе церкви находились при учебных заведениях: кадетском корпусе и духовном училище. Сейчас церковь св. Кирилла и Мефодия на улице Внешней возрождена.

Кирилло-мефодиевские страницы Одессы были бы неполными без упоминания о деятельности в нашем городе в течение почти пятидесяти лет (1870 – 1919) Одесского славянского благотворительного общества имени св. Кирилла и Мефодия.

В уставе этого общества указывалось, что оно имеет своей целью поощрение полезного труда в области славянской науки, художества и искусства и доставление пособий нуждающимся славянам, в первую очередь молодым славянам, прибывающим в Одессу для получения образования. Общество проводило благотворительную и просветительскую деятельность, итоги которой ежегодно подводились на торжественном собрании 11(24) мая в День св. Кирилла и св. Мефодия. На общем фоне интереса к славянским первоучителям естественной была большая исследовательская работа одесских ученых в области кирилло-мефодиевистики.

Современная кирилло-мефодиевистика имеет 4 основных раздела: 1) Изучение жизни и деятельности славянских первоучителей по славянским и неславянским источникам; 2) исследование переводческой деятельности Кирилла и Мефодия, а также их учеников, т. е. того рукописного фонда, который связан с так называемой кирилло-мефодиевской эпохой (вторая пол. IX – первая пол. XI вв.); 3) выявление и изучение оригинальных произведений просветителей; 4) составление библиографии по кирилло-мефодиевской проблематике.

Учёными Новороссийского (Одесского) университета в последней трети XIX и первых двух десятилетиях XX в. были затронуты почти все перечисленные вопросы.

Следует отметить, что в России XIX века начало разработки кирилло-мефодиевской проблематики было связано именно с Одессой, точнее с деятельностью в 30–40 годы прошлого века известного представителя культуры и просвещения Болгарии Василя Априлова. В. Априлову, как говорится в книге „Славяноведение в дореволюционной России” (М., 1979), принадлежат первые публикации о жизни и деятельности славянских первоучителей, которые печатались в одесских газетах, в частности, в газете „Одесский вестник”.

Открытие в 1865 г. Новороссийского (Одесского) университета усилило и углубило интерес к кардинальному вопросу славяноведения – кирилло-мефодияне, поставило исследование указанной проблемы на подлинно научную основу.

Кирилло-мефодиевской теме посвятил всю свою научную деятельность один из основателей университетского славяноведения в России и в Украине, первый декан историко-филологического факультета Новороссийского университета В. И. Григорович.

В. И. Григорович был не только талантливым собирателем, нашедшим и спасшим для науки десятки древнейших рукописей, в том числе рукописей кирилло-мефодиевской эпохи, но и исследователем древнеславянского рукописного фонда. Им впервые (1852, 1856) были опубликованы „Хилендарские листки” – памятник кирилловского письма, входящий в старославянский канон. „Хилендарские листки” в числе других 60 рукописей и старопечатных книг были подарены Григоровичем библиотеке Новороссийского университета, а ныне хранятся в Одесской научной библиотеке имени А. М. Горького.

Известно, что среди славянских источников деятельности Кирилла (Константина) и Мефодия находятся их жития, особенно Пространное житие Кирилла, затем идут похвальные слова и службы в честь славянских первоучителей.

В составе Одесского фонда рукописей В. И. Григоровича находится Минея праздничная – болгарская рукопись XIII в., 16 первых страниц которой посвящены службам в честь св. Кирилла и св. Мефодия. Эти службы впервые были изданы В. И. Григоровичем как дополнения к житиям Кирилла и Мефодия.

Интерес В. И. Григоровича к древнеславянской письменности не мог пройти бесследно для последующих поколений филологов Новороссийского (Одесского) университета. Все крупные ученые-филологи Новороссийского университета, такие, как В. Ягич (1872–1874), А. А. Кочубинский (1911–1907), В. М. Истрин (1897–1907), Б. М. Ляпунов (1903–1924),

М. Г. Попруженко (1891–1918) и др., занимались исследованиями и изданиями памятников славянской письменности, что имело прямое отношение к палеославистике и кирилло-мефодиевистике.

Одесскими учеными разрабатывались и вопросы, непосредственно связанные с жизнью и деятельностью славянских просветителей, делались первые попытки составления библиографии по кирилло-мефодиевской теме. Так, профессор А. А. Кочубинский в юбилейном 1885 году (1000-летие кончины Мефодия) издал две статьи о моравской миссии солунских братьев, опубликовал в Одессе карту расселения славян периода жизни и деятельности Кирилла и Мефодия. Позже этой картой пользовались многие слависты, например, Т. Г. Флоринский в его „Лекциях по славянскому языкознанию”.

Профессор М. Г. Попруженко в 1892 г. напечатал в Летописи историко-филологического общества Новороссийского университета „Материалы для библиографии по кирилло-мефодиевскому вопросу”. Работу по составлению указанной библиографии М. Г. Попруженко продолжил в Софии, куда он выехал в 1919 г. В Болгарии М. Г. Попруженко вместе со Ст. Романским была издана кирилло-мефодиевская библиография за 1934–1940 гг.

К сожалению, реорганизация Одесского университета и его гуманитарных подразделений в 20-е годы, восстановление литературного (филологического) факультета только в 1937 году уже без кафедры славянской филологии прервали интенсивность исследований в области палеославистики и кирилло-мефодиевской проблематики.

После восстановления филологического факультета достаточно редко появлялись работы, связанные с кирилло-мефодиевской темой. К ним можно отнести изданные литографическим способом в 1940 г. в Одессе учебник старославянского языка П. О. Потапова, некоторые статьи профессора Н. И. Букатевича.

Конец XX в., 90-е годы, свидетельствует о некотором повышении интереса к палеославистике и славянским древностям. Начиная с 1995 г. филологический факультет Одесского университета ежегодно проводит Международные кирилло-мефодиевские конференции. Важную роль на таких конференциях играет секция кирилло-мефодиевского наследия и палеославистики, которой обычно руководит профессор Д. С. Ищенко.

Полагаем, что проведение таких конференций и издание славистических сборников (вышли выпуски I–IV) поможет привлечь молодых филологов как к исследованиям славянских языков, литературы, истории

и културе славјанских народа, так и к вопросам кирилло-мефодиевистици, возродитъ в этой области традиции Одесского университета.

КОНКУРЕНЦИЈА И СИНОНИМИЈА ГЛАГОЛА *КРЕТАЊА* У СРПСКОМ И РУСКОМ ЈЕЗИКУ

// Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 2000. – Т. 29. – С. 177 – 183.

Глаголи кретања одавно су постали предмет анализе у славистици. О њима су писали А. Меје, А. А. Шахматов, А. Белић, М. Ивић, А. В. Бондарко и други лингвисти.

Највећу пажњу глаголи кретања су изазивали у русистици, иако чинилац ове појаве није само лингвистички. После Другог светског рата руски језик као страни изучаван је у многим земљама, и увек су руски глаголи кретања и њихов систем били камен спотицања за странце. Зато је већина чланака о глаголима кретања у руском језику имала прагматичан, односно методски карактер. Углавном је презентовано 14 парова (према Руској граматички - 80, негде 16, наводе се и друге бројке) непрефиксалних глагола несвршеног вида, који су добили назив опозитивни глаголи одређеног/неодређеног кретања.

Русисти Југославије су у својим уџбеницима руског језика такође посвећивали посебну пажњу глаголима кретања, њиховој семантици и функционисању, понекад у поређењу са српским језиком.

Кад говоримо о глаголима кретања, треба нагласити да они имају не само локалне семе (кретање у једном правцу, у више праваца), већ и темпоралне, могу бити једнократни и итеративни, могу означавати и кретање уопште.

Број глагола кретања у руском језику је много већи од броја парова непрефиксалних глагола несвршеног вида (упоредимо, на пример, глагол гулять) и читав тај систем још није проучен до краја.

По својим особинама руски глаголи кретања се не разликују од одговарајућих глагола у другим источнословенским и западнословенским језицима. Осим опозитивних парова, ти језици, као што знамо, имају посебне глаголе за означавање кретања превозним средством.

Кад говоримо о српским глаголима кретања, треба рећи да је њихово функционисање доста слично функционисању истих глагола у бугарском и другим јужнословенским језицима. На пример, српски глагол *јахати*

се употребљава само уз именице коњ, магарац, док- бугарски глаголи *яхам* и *яздм*, иако се допуњују већим бројем именица - *кон*, *магаре*, *мотоциклет* - ипак нису фреквентни.

На крају 20. века све је веће интересовање за упоредно, типолошко проучавање словенских глагола кретања, као и за њихово историјско проучавање у појединим словенским језицима. Поменућемо два занимљива чланка који се баве овим проблемом у србистици. Аутор првог је Радмила Ковачевић: *Глаголи који означавају кретање бродом у словенском преводу Новог завета* (Јужнословенски филолог, 1994), аутор другог је Милана Радић-Дугоњић: *Микросистем Глагола кретања у језику Вука Караџића* (25. том, Радови МСЦ, 1996).

Главну тезу Радмиле Ковачевић чини тврдња да се у преписима Јеванђеља од 14. века и касније сужавају оквири употребе глагола који означавају кретање бродом, губи се глагол *яхати*, што се, по мишљењу аутора, објашњава јужнословенским (српским, бугарским) утицајем на православну традицију у преписима црквених текстова (Јеванђеља и Дела апостола).

Слично познатом бугарском истраживачу Дини Станишевој, и Милана Радић-Дугоњић настоји да продуби семантичку анализу глагола кретања (не без утицаја радова Ю. Д. Апресяна). За историју лексике српског језика и типолошку анализу словенских језика важно је да ли се употреба глагола кретања у текстовима Вука Караџића подудара са њиховом употребом у савременом српском језику.

Циљ нашег соопштења је да упоредимо семантичку структуру глагола кретања са коренима *ид*, *ход*, *лаз* и фреквенцију употребе ових глагола у српском и руском језику. Као грађа за ово испитивање послужили су оригинални и преводни текстови 20. века: српско-руски (*Роман о Лондону* Милоша Црњанског и његов руски превод Татјане Вирте) и руско-српски (Чеховљева приповетка *Дуэль* и њен српски превод Кирила Свинарског). Осим овога, анализирали смо дефиниције глагола кретања, дате у српским и руским речницима. Истраживање у коме учествују и моји студенти са катедре за славистику у Одеси, још увек је у почетној фази. Оно има за циљ да покаже разлике у семантици, функционисању и синонимији руских и српских глагола кретања.

Од речника синонима за руски језик је коришћен двотомни речник под редакцијом проф. А. П. Јевгењеве. На нашу велику жалост, у Одеси нисмо могли да дођемо до српског речника синонима.

Руски речник даје низ синонима за глагол *идти* (шагать, вышагивать, ступать, выступать, шествовать, переть - просторечн., переться - просторечн., топать - просторечн.), од којих су неки семантички синоними,

као *шагать*, например, док су остали стилски, везани само за говорни језик, где имају секундарну сему кретања, на пример, *топать* (примарно значење овог глагола у српском преводу је „тапкати ногама»). Већина синонима је општесловенског, односно руског порекла, али има и позајмица: *упор*, *шествовать* (из старослов.), *дефилировать* (из франц.), који, иначе, није поменут у речнику, али постоји и у српском језику.

Важно је нагласити да поменути речник за глагол „идти” не даје као синоним глагол „ходитъ”. Јер, иако ови глаголи чине пар, зато што имају исту семантичку основу, означавају кретање у простору, у руском језику они се обично не користе у истим контекстима, њихова опозиција је јако изражена. То су глаголи - опозитиви.

Сада ћемо се задржати на употреби српских глагола *ходати/ходити* и руског глагола *ходить* у једнојезичним (рус. „толковым”) речницима, као и у анализираним уметничким текстовима.

У РМС примери који се дају уз глагол „ходати” нису бројни, што указује на његову ограничену фреквенцију у савременом српском језику. У дефиницији се дају два примарна и једно фигуративно значење. Важан је редослед ових значења. Прво значење објашњава се преко глагола *ићи* и *корачати*, без указивања на било какву семантичку разлику: *ходати* несвр. - *ићи* *корачком*, *ићи* *пешке*, *корачати*: „Чуло се како обојица ходају убрзано» (Иво Андрић). Друго значење истиче сему неодређености: *померати се*, *мицати се* са допуном у загради овамо- онамо, која је контекстни класификатор тог значења.

Дакле, у РМС главна допунска сема глагола „ходати» - кретање се у више праваца - дата је као друго значење, а маргинална сема неодређености, која је битна за глагол „*ићи*”, истакнута је као примарна.

Упоредимо и дефиницију глагола „*проходати*” у својству деривата од „*ходати*» и глагола „*ходити*” у РМС. У четворотомном речнику руског језика (редактор проф. А. П. Јевгењева) глагол „*ходить*” има 17 значења, која су илустрована са пуно примера. На прво место је стављено опште значење кретања код овог глагола. Његова семантика је тако дата уз помоћ глагола „*ићи*”, али уз важну ограду: „То же, что *идти* (в 1. знач.) с той разницей, что *ходить* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях и в разное время” (т. IV, с. 836).

Као што видимо, српски и руски лексикографи различите посматрају глаголски пар *ићи* - *ходати* (*ходити*) и *идти* - *ходить*. У српском речнику уочавамо нарушавање и губљење опозиције ових глагола, у руском супротно - наглашава се њихова снажна опозиција.

Како показује језички материјал који смо користили, а који свакако треба проширити, у српским уметничким текстовима 20. века још увек

се чувају трагови опозиције глагола ићи - ходати (ходити),¹⁰ премда је глагол ходати (као и његови префиксални деривати) врло мало фреквентан. На пример, у оригиналу Чеховљевог *Двобоја*, 11 пута.

На крају овог кратког излагања можемо извести неколико закључака из досадашњег рада на овој теми.

1. Пошто се опозиција парних глагола кретања све више губи, може се говорити о синонимији глагола ићи – ходати / ходити у српском језику за разлику од ситуације у руском језику.

2. Ако узмемо у обзир резултати наше анализе материјала, истраживања других аутора, као и упоређивање речничких дефиниција и примера, онда се може закључити да су глаголи ићи и ходати/ходити изгубили јаку опозицију. Међутим, ми се не можемо сложити са мишљењем компаративиста који констатују да се у јужнословенским језицима опозиција изгубила у потпуности (кад је реч о глаголима кретања).

Ми тврдимо да се трагови те опозиције чувају у српском књижевном језику, нарочито у уметничким текстовима, и у другој половини 20. века. У језичкој грађи коју смо ми анализирали, глагол „ходати” ниједном није био употребљен са маргиналном семом одређеног кретања. Осим значења кретања уопште, овај глагол више инклинира значењу неодређености и понављања кретања. У већини случајева, његова употреба је маркирана овим значењем.

3. Процес губљења семантичке опозиције свакако води смањивању фреквентности једног од парних глагола, у нашем случају глагола ходати, иако је овај процес, по нашем мишљењу, условљен не само функционалним, већ и супстанционалним факторима. Можда су функционални и супстанционални утицаји узајамно повезани.

Поред глагола кретања, треба се задржати и на глаголским коренским морфемама са значењем кретања „ход” и „лаз”.

Српски језик у префиксалним изведеницама широко користи коренску морфему „лаз”, која је општесловенског порекла. Јасно је да има префиксалних деривата и са кореном „ход”, али њихов број је мањи због продуктивности конкурентног корена (упор, похађати, походити, проходити, прохађати, преходити и неке друге).

Чување општесловенског корена „лаз” је важан чинилац који утиче на смањену употребу корена „ход” не само у изведеницама, већ по аналогији и у непрефиксалним облицима.

¹⁰ Наше истраживање у овом правцу се подудара са закључком М. Радић-Дугоњић у чланку о језику В. Караџића.

У руском језику конкуренција општесловенских корена „лаз” и „ход” је ишла другим путем.

У речнику староруског језика И. И. Срезњевског фиксирани су глаголи лазити у лезти, али корени лаз / лез (алтернација глаголских вокала истог древног корена) имају овакву семантику: *лазити* - *ходить*, *лезти* - *идти*. Међутим, већ речник Вл. Даља указује на сужавање значења ових глагола. Даљева дефиниција ових глагола гласи: Лазить, лезть, лазывать - ходить не по уровню, а поднимаясь либо спускаясь; идти круто кверху и книзу (II том, стр. 234).

У другој половини 20. века наставља се процес сужавања значења и употребе руских глагола са коренским морфемама *лаз* / *лез*.

Ако се пре петнаестак година при изласку из трамваја, тролејбуса или аутобуса још могло чути „Вы слазите на следующей остановке?”, данас је то готово немогуће. Говори се: Вы выходите на следующей остановке?”. Дакле, руски језик чува два главна корена: „ид” и „ход”, употреба корена лаз / лез је ограничена.

Компаративисти говоре да није најважније пронаћи разлике већ објаснити те разлике. По нашем мишљењу, разлог чувања и функционисања различитих коренских морфема треба тражити пре свега у типологији српског и руског књижевног језика. Српски књижевни језик је чврсто повезан са народним језиком. Он је сачувао и корен „лаз” у његовом првобитном значењу премештања у простору.

Список использованной литературы

1. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. – Москва: Наука, 1974.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол: пособие для студентов и учителей / Ред. проф. Маслова Ю. С. – Ленинград: Просвещение, 1967.
3. Бондар О. I. Дієслівні опозиції типу нести – носити в слов’янських мовах: семантика та еволюція // Склад і слово в діахронії: слов’янські та германські мови: Зб. наук. праць / Відп. ред. В. Г. Таранець. – К., 1994.
4. Ковачевић Р. Глаголи који означавају кретање бродом у словенском преводу Новог завета // Јужнословенски филолог, 1994.
5. Мейе А. Общеславянский язык. Москва: Изд-во „Иностранная литература», 1962.

6. Русская грамматика. Т. I. – Москва: Наука, 1980.
7. Радић-Дугоњић М. Микросистем глагола кретања у језику Вука Караџића // Научни састанак слависта у Вукове дане, 25 / 2. – Београд, 1996.
8. Станишева Д. Валентная и семантическая структура Глаголов движения в славянских языках // Славянская филология, 22. – София.
9. Црњански М. Роман о Лондону. У 2 књ. – Београд, Нолит, 1977.
10. Црњанский М. Роман о Лондоне. Перевод с сербохорватского Т. Вирты и Т. Поповой. Москва: Художественная литература, 1991.
11. Чехов А. П. Дуэль. Собрание сочинений в 12 томах, т. 6, Москва: Художественная литература, 1962.

ФАМИЛИЯ И ИМЯ ВУКА КАРАДЖИЧА В ИСТОРИИ СЕРБСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

// Слов'янський збірник. – VII. – Одеса: Астропринт, 2000. – С. 64–70.

В антропонимике Украины конца XX века появились новые работы, в том числе общеславянского характера, например, монография С. М. Медведь-Пахомовой “Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах” [8], в которой затронуты и вопросы развития сербской антропонимии: представлена авторская точка зрения на этимологию патронимного суффикса *-ић*, рассмотрены антропонимы Дечанских грамот XIV в.

Что касается более поздней истории сербской антропонимии, то в названной книге предлагается только общее положение о трансформации патронимов на *-ић* в фамильные номинации, без хронологической детализации этого процесса, что, в известной степени, объясняется особенностями развития сербской антропонимики как раздела ономастики. Один из югославских ономастов Михаил Шчепанович в своей статье, изданной в 1998 г., пишет, что “српска историјска антропонимика није испитала постанак презимена у хронолошком погледу” [14, с. 293]. Однако, хотя в сербской антропонимике отсутствуют специальные монографии по фамильной проблематике, в отдельных исследованиях содержатся важные наблюдения о том, что сербские фамилии на *-ић*,

представляющие собой ядерный компонент фамильной системы сербов, начали формироваться только в первой половине XV века, так как именно в этот период “неки средњовековни споменици показују да су се патроними на *-uћ* преносили на следећу генерацију, што је сведочанство да су добили секундарно значење потомак (унук) лица од чијег је имена облик на *-uћ* изведен” [7, с.190]. Утверждение фамилий завершилось в Сербии только в XIX в. [11, с. 321].

О том, что формирование фамилий на сербских территориях было сложным и длительным, свидетельствует процесс изменения фамилии одного из самых крупных культурных деятелей Сербии XIX века, основоположника сербского литературного языка нового времени Вука Караджича – Вука Стефановића Караџића. Антропонимные сочетания или антропонимные формулы¹, идентифицирующие личность В. Караджича в различные периоды его жизни, затрагивались в сербистике, к ним обращались и сербские, и русские ученые Л. Стоянович, Г. Добрашинович, П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов и др.

Однако, некоторые аспекты этой темы, непосредственно связанные как с историей формирования сербских фамилий, так и с их функционированием в иноязычном тексте, еще требуют специального рассмотрения, прежде всего в свете высказываний и записей самого Вука Караджича, с привлечением хронологического ряда антропонимных формул, употреблявшихся Караджичем как автором при издании его работ [6], а также с использованием новых публикаций по переписке этого деятеля культуры [10].

Составители современного “Правописа српског језика” подчеркивают, что в средневековой Сербии “презимена... нису била у широком обичају, него се лично име допуњавало именов по оцу (очинством) које је имало наставак-*uћ* (нпр. Вук Лазаревић – син Лазарев)” [11, с. 48].

Взгляд В. Караджича на сербские фамилии первоначально формировался в духе названной традиции. В дефиниции к слову “презиме” (русск. фамилия) он писал, что в Сербии “сваки позивао по своме оцу додавши очиноме крштеном имену овии или јевии” (5).

Таким образом, при идентификации лица В. Караджич выделял патроним, указывая в нем сложный суффикс *-овић (-евић)*, который являлся контаминацией адъективного *-ов (-ев)* и субстантивного аффикса *-uћ*.

Исходя из такого представления, Вук Караджич первоначально использовал в качестве фамилии патроним, образованный от имени его отца – Стефановић. Патроним “Стефановић” значился в официальных документах, удостоверявших его личность (“полномоштие”, “пасапорт”

– 1813 г.), им же Караджич подписывал свои письма и произведения [1, с.127], в том числе такие важные для истории сербского литературного языка, как “Писменица” (1814)² и “Српски рјечник истолкованъемачким и латинским ријечма” (1818).

В сочетании с собственным именем “Вук” первая антропонимная формула, идентифицировавшая личность В. Караджича, звучала как *Вук Стефановић*. Так был подписан “Српски рјечник” 1818 г.

Однако эта антропонимная формула не всегда казалась сербскому просветителю достаточной для идентификации его личности. Поэтому “Писменица” имела заглавие с трехкомпонентным антропонимным сочетанием: “Писменица србского језика по говору простого народа написана *Вуком Стефановићем Сербјијанцем*”. Третий компонент Сербјијанац, т. е. “серб (из Сербии южнее Дуная)” [12], вероятно, неслучайно включал в антропонимную формулу оттопонимное образование, потому что фамилии катойконимического происхождения характерны для современной общефамильной системы сербов [14, 293], являясь одной из её составляющих.

Есть свидетельства, что В. Караджич стремился не только к уточнению антропонимной формулы *Вук Стефановић*, но и к замене патронима наследственной семейной фамилией. Сербские ученые установили, что отдельные письма основоположник сербского литературного языка уже в 1817 году стал подписывать родовой фамилией Караџић [2, с. 124].

В 1818–1819 гг. состоялось путешествие В. Караджича в Россию, где он общался со многими деятелями русской науки и культуры, в том числе с Петром Ивановичем Кеппеном, первым из русских ученых выступившим в печати с оценкой работ В. Караджича [1, с.136].

Как указывает один из самых глубоких знатоков жизни и деятельности Вука Стефановича Караджича Голуб Добрашинович, родовую фамилию Караджич взял вследствие дружеских бесед с П. И. Кеппеном, которому сербский филолог рассказал свою родословную, сообщив, что он “от колена Караджича” [2; 1; 9]. Архив П. И. Кеппена, подтверждающий мнение Г. Добрашиновича, исследовался и русскими учеными [9, с. 5].

Окончательно приняв родовую фамилию, знаменитый “горостас из Тршића”, как его часто называют в Сербии, не отказался от патронима, используя его в качестве отчества. Таким образом, для идентификации своей личности В. Караджич, в отличие от большинства сербов, употреблял трехкомпонентную антропонимную формулу³. Еще находясь в Москве, 12 июня 1819 г. В. Караджич подарил известному русскому филологу

К. Ф. Калайдовичу запись одной сербской народной песни с припиской и подписью Вук Стефанович Караџић [10, с. 8]. Надо полагать, что этот автограф выдающегося деятеля сербской культуры был одной из первых фиксаций его трехкомпонентной антропонимной формулы.

В сербистике указывается, что В. Караджич стал подписывать новой фамилией свои письма с 1821 г. и произведения с 1823 [1, с. 128], употребляя отчество обычно в сокращении: Вук Стеф. Караџић. Публикация в 1998 г. переписки сербского ученого с филологом Ф. П. Аделунгом (письма Караджича 1819–1823 гг.) свидетельствует, что некоторый период он одновременно использовал и свою старую подпись: Вук Стефанович [10].

Идентифицирующие его антропонимные словосочетания В. Караджич в разное время различно представлял в иноязычном тексте, а также в письмах, адресованных иностранцам. Особый интерес вызывает титульный лист “Српског рјечника” 1818 г. с именем автора Вук Стефановић. Поскольку словарь был триязычным, автор перевел его название на немецкий и латинский языки, а также осуществил как перевод личного имени Вук, точнее его мотиватора-апеллятива: нем. Wolf, лат. Lupi (ген. от Lurus), так и транслитерацию фамилии с заменой суффикса *-uћ* лексемой “сын”, передающей словообразовательное значение сербского “сыновьего” суффикса. В латинском тексте В. Караджич ограничился только начальной буквой F. лексемы “filius”.

Впоследствии В. Караджич отказался от такого представления своего личного имени и патронима в иностранном тексте, о чем свидетельствуют и упоминавшаяся выше записка к Ф. П. Калайдовичу, и письма Ф. П. Аделунгу, написанные и по-русски, и по-немецки и подписанные Вук Стефанович и Wuk Stephanowich [10].

Только обращаясь к графу К. В. Нессельроде, В. Караджич опять осуществляет в письме 1823 г. перевод личного имени и русификацию патронима, подписываясь Волк Степанович⁴ Караджич [10], но этот факт скорее всего является исключением из правил письменного общения сербского филолога с русскими корреспондентами.

В заключение следует подчеркнуть, что основными антропонимными формулами, которые использовал В. Караджич, были следующие: Вук Стефановић Србијанац (ср. Писменица 1814), Вук Стефановић (ср. Српски рјечник 1818), Вук Стефановић Караџић (ср. Записка к Ф. Калайдовичу 1819), Вук Стеф. Караџић (ср. филологические труды, начиная с 1823, напр. Српски буквар 1826).

Итак, в 1813 г. патроним Стефановић вошел в документы, удостоверявшие личность В. Караджича, а в 1823 г. антропонимная формула

Вук Стеф. Караџић стала постоянным свидетельством авторства выдающегося сербского филолога в его произведениях и письмах, т. е. на протяжении десяти лет эволюционировало как представление В. Караджича о сербских фамилиях, так и его собственная антропонимная идентификация, а также в его речевой практике уточнялись способы передачи сербского имени в иноязычном тексте.

После смерти Вука Караджича интерес к его одержавшей победу языковой реформе, другим видам деятельности сербского просветителя не ослабевает, а, наоборот, усиливается. В обширной литературе о фундаменте нового сербского книжно-письменного языка он именуется по-разному: Вук Стефановић Караџић (Вук Стеф. Караџић), Вук Караџић, только Вук или, редко, Караџић. Функциональность этих антропонимных номинаций в сербских текстах различна.

Употребление трехкомпонентной антропоформулы не отличается частотностью, в связи с утверждением в сербской антропонимии главной модели “име + презиме”. Однако по традиции, заложенной В. Караджичем, при переиздании его произведений, а также в заглавиях монографических работ о жизни и деятельности выдающегося сербского филолога трехкомпонентная формула продолжает употребляться: ср. Скушњени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића (1894), Љубомир Стојановић. Живот и рад Вука Стеф. Караџића (1924), Миодраг Поповић. Вук Стеф. Караџић (1964) и др.

Более обычным является двухкомпонентное антропонимическое сочетание Вук Караџић: ср. Сабрана дела Вука Караџића с добавлением “Издање о стогодишњици смрти Вука Стефановића Караџића” (1964 – 1968), Павле Ивић. Вук Караџић и Меша Селимовић (1998) и др.

В связи с огромным авторитетом личности Вука Караджича следует остановиться на особом употреблении его имени, тем более, что эта тема еще не была предметом наблюдения лингвистов. Известно, что главной эволюционной тенденцией в истории славянской (и не только славянской) антропонимии является переход от однословной идентификации лица к многокомпонентным антропонимным формулам. Однако, существует и противоположная тенденция, значительно менее объемная, заключающаяся в замене многокомпонентного сочетания однословной номинацией. Эта тенденция традиционно касается только антропонимной идентификации лиц, занимающих особое положение в социуме: королей, царей, патриархов, римских пап, других церковных иерархов и лиц духовного звания³.

В речевой коммуникации сербов, в сербской публицистике, в научном стиле XX века многие номинации, связанные с деятельностью реформа-

тора сербского литературного языка или памятью о нем, содержат только личное имя Вука Караджича: ср. *Вуков споменик*, *Вуков Сабор*, *Вуков рјечник*, *Вуков зборник*, *Вуков и Доситејев музеј*, *Вукова преписка*, *Вукова задужбина*, *Вукова награда*, *Састанак слависта у Вукове дане* и под.

Ср. также названия научных работ известных филологов, писателей, деятелей культуры: Александар Белић “О Вуковим погледима на српски дијалектни и књижевни језик” (1910), “Вук и Даничић” (1947), Г. Добрашиновић и Б. Маринковић “Сусрети с Вуком” (1964), Павле Ивић “О Вуковом рјечнику из 1818 године” (1964); Меша Селимовић “За и против Вука” (1977); Слободан Реметић “Драгоценна књига о Вуку” (1992) и др.

Из сербской текстике такое словоупотребление, иногда с оговорками, может переходить и в иностранные научные публикации: Teršakoveć Myhailo. *Kopitar und Vuk. – Zb. u slavu Vatroslava Jagića*, Berlin 1908; Вук и Видакович [1], ср. также “...публикуемые документы являются еще одним дополнением к эпистолярному наследию (так называемая “Вукова преписка”) великого сербского просветителя” [10].

Подобное употребление личного имени *Вук* в научном слоге особенно показательно на фоне обязательного упоминания фамилий других представителей сербской науки и культуры, напр., в послесловии к словарю Вука Караджича Павле Ивич пишет: *Даничићева Мала српска граматика*, *Мркаљева азбука*, *Стојановићево дело*, *рад Александра Младеновића* и под., но *Вуков рјечник*, *Вукова писменица*, *Вукова азбука*, *Вукова преписка*, *Вуков рад* и под. [6, II]. Показательны также упомянутые выше сочетания *Вук и Даничић*, *Копитар и Вук*, *Вук и Видаковић*, узаконивающие особую специфику именованя В. Караджича.

В развитии рассматриваемой тенденции, безусловно, есть связь с психолингвистикой, отразилось глубокое уважение потомков к В. Караджичу, стремление выделить его кардинальную роль в истории сербского литературного языка и сербской культуры нового времени. Следует подчеркнуть, что такое использование имени Вука носит характер естественно сложившейся нормы, не закреплённой специальными рекомендациями и кодификационными справочниками. Как обычно бывает в антропонимии, истоки этой нормы – в факторах экстралингвистических. Однако нельзя отрицать возможного влияния дополнительных внутриязыковых причин. Так, анализ параллельных посессивных синтагм, фиксирующихся в научном стиле, типа а) *Вуков рад* и б) *рад Вука Караџића*; а) *Вуков следбеник* и б) *следбеник Вука Караџића*, позволяет предположить, что а-синтагмы чаще избирались авторами не

только благодаря особому отношению к имени Вука, но также в связи с бльшей краткостью а-синтагм и в связи с устойчивостью в сербском языке посессоров-прилагательных, длительный период предпочитавшихся оборотам с генетивом.

В истории сербской антропонимии нового времени, за исключением указанного выше традиционного круга лиц, королевские почести в номинации предоставлены только Вуку Караджичу да, кажется, еще его предшественнику Досифею Обрадовичу, хотя последнее явление значительно меньше отражено в литературе (ср., однако, *Вуков и Доситејев музеј*, также *музеј Вука и Доситеја*, *Доситеј и Орфелин*, *Вукова аргумента против Доситеја*, *Доситејев језик*) [3]⁶.

Примечания

¹В “Правописе” 1994 г. подчеркивается, что “У људским именима појединињихови видови могу се употребљавати и каоједночлани и удружени у имену формулу” [11, с. 48].

²“Писменица” впоследствии была переработана В. Караджичем и под названием “Српска граматика” вошла в Српски рјечник 1818 г.

³Трехкомпонентные антропоформулы с различным по семантике третьим компонентом (фамилией, псевдонимом, прозвищем) были нечастотны, но известны сербской антропонимии, ср. *Јован Јовановић Змај* и под. [11, с. 49].

⁴В книге *М. Грковић “Речник личних имена код Срба”* (Београд, 1977) упоминаются Стеван, Стефан и Степан.

⁵Такие антропонимные номинации сопровождалась цифровыми или лексическими добавлениями (ср. Урош V, Николай II, краљ Милутин), а также, обычно после смерти именуемого лица, эпитетами прозаичного характера (ср. Стеван Првовенчани, Иван Грозный, Петр Великий и под.)

⁶Использование только фамилии Караџић (без имени) в трудах сербских ученых встречается редко. См., напр., рецензию П. Ивича на книгу хорватского лингвиста М. Грчевича, который пользуется антропонимной номинацией *В. С. Караџић*, что, возможно и вызывает у его оппонента словоупотребление *Караџић* (1 раз) и *Караџићева борба* (1 раз) [4].

Список использованной литературы

1. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Из истории русско-югославских литературных и научных связей. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1975. – 201 с.

2. Добрашиновић Г. Петар Иванович Кепен и Вук // *Анали филолошког факултета*. – Књ. IV. – Београд, 1964. – С. 123 – 134.
3. Ивић П. Вук Караџић и Меша Селимовић // *Матице Српске за филологију и лингвистику*. – XLI/1. – Нови Сад, 1998. – С. 23–36.
4. Ивић П. (приказ). Mario Grčević. Die Entstehung der kroatischen Literatursprache // *Матице српске за филологију и лингвистику*. – XLI/1.– Нови Сад, 1998. – С. 159–169.
5. Караџић Вук Стеф. Српски рјечник. – Београд: Нолит, 1972.
6. Караџић Вук Стеф. Сабрана дела. – Књ. I, II, VIII, IX, XII. – Београд: Просвета, 1965–1968.
7. Маројевић Р. Словенски антропоними // *Ономатолошки прилози*. – V. – Београд, 1984.– С. 183–195.
8. Медвидь-Пахомова С. М. Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах. – Ужгород: Поліграфцентр “Ліра”, 1999. – 246 с.
9. Модзалевский Л. Б. Неизданная автобиография В. С. Караджича // *Науч. бюл. Ленингр. госуд. ун-та*. – № 11–12. – Л., 1946. – С. 4–7.
10. Небрекутина Е. В., Петров Ф. А. Письма Вука Караджича Ф. П. Аделунгу // *Матице српске за филологију и лингвистику*. – XI. – Нови Сад, 1998. – С. 7–22.
11. Правопис српског језика / Приредили Митар Пешикан, Јован Јерковић, Мато Пижурица. – Нови Сад: Матица српска, 1994. – 503 с.
12. Сербскохорватско-русский словарь / Сост. Н. И. Толстой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1970. – 735 с.
13. Стојановић Љ. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. – Београд-Земун, 1924. – 782 с.
14. Шћепановић М. Категоризација врста речи у ономастичној номинацији // *Састанак слависта у Вукове дане*.– 27.– Београд, 1998. – С. 289.

**ИМЕННОЙ ФОНД ПРОФЕССОРА В. И. ГРИГОРОВИЧА ПО
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ОДЕССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени И. И. МЕЧНИКОВА**

// Іменні колекції професорів Одеського (Новоросійського) університету в науковій бібліотеці ОНУ – національне надбання держави: Мат. наук.-практ. конф. – Одеса : Астропринт, 2001. – С. 7–8.

Имя выдающегося слависта XIX века Виктора Ивановича Григоровича тесно связано с развитием славянской филологии в России и в Украине, с утверждением основ университетской славистики. В Научной библиотеке Одесского университета сохраняется первый именной книжный фонд под названием „Отдел по славянской филологии профессора В. И. Григоровича”.

Посетив в октябре 1864 года Одессу и осмотрев библиотеку Ришельевского лицея, позже (в мае 1865) преобразованного в Новороссийский (Одесский) университет, В. И. Григорович изъявил желание принести в дар будущему университету свое собрание книг по славянской филологии.

Ученый считал, что особый отдел книг по славянской филологии необходим для подготовки студентов, специализирующихся в области славистики. В момент поступления книги (650 экземпляров) были распределены по следующим тематическим отделам: I. Словари – 48; II. Грамматики – 133; III. История – 117; IV. Бытовые – 145 (в этом разделе находятся книги по этнографии, мифологии, фольклору); V. История литературы – 70 (здесь представлены и книги по истории славянских языков); VI. Славянская литература – 130. Будучи профессором и первым деканом историко-филологического факультета в Одессе (1865–1876), ученый пополнял свой дар: сейчас университетская библиотека имеет в книжном фонде В. И. Григоровича 701 сочинение (820 книг).

Значение книжных собраний как важных исторических источников своего времени не подлежит сомнению. Уникальность и разнообразие книжного фонда В. И. Григоровича, с одной стороны, зависели от широты научных интересов ученого, с другой стороны, определялись теми возможностями, которые были у Григоровича в период его известного путешествия по славянским странам (1844–1847). В. И. Григорович был лично знаком с виднейшими деятелями славянской культуры, о чем свидетельствуют и дарственные надписи на некоторых книгах, напри-

мер, надпись на сербском переводе „Нового завета”, сделанная Вуком Караджичем в 1847 г.

В. И. Григорович был знатоком многих живых и мертвых языков, только в отделе „Словари” представлены книги на 20 языках. В славянской части этого отдела выделяют как ранние украинские и русские словари (П. Берынды, Ф. Поликарпова и др.), так и издания западно- и южнославянских лингвистов (И. Юнгмана, Я. Смолера, А. Мурко, В. Караджича, И. Стулли и др.). Словари представляют собой первые издания лексикографических трудов, многие из которых позже не переиздавались. Некоторые из словарей являются уникальными для восточнославянских территорий, например, словарь дубровчанина Иоакима Стулли, три тома которого напечатаны в Вене и Дубровнике в 1801–1810 гг.

Объемен раздел „Грамматики”, где представлено как осуществленное в первой половине XIX в. грамматическое описание отдельных славянских языков, так и труды по компаративной славистике и индоевропеистике. Подчеркнутый интерес к болгаристике, который у В. И. Григоровича сопровождался преподаванием болгарского языка, обнаруживается в подборе книг отдела „Грамматика”, где особую ценность представляет грамматика Н. Рыльского (Крагуевац, 1837), находящаяся у истоков болгарской грамматической традиции.

Коллекция книг В. И. Григоровича, сохраняемая в Научной библиотеке Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, еще не описана. В славяноведении по данному книжному собранию нет публикаций, кроме каталога книг коллекции В. И. Григоровича, изданного в 1878 г. профессорами А. А. Кочубинским и С. П. Ярошенко, а также доклада доцента Н. В. Павлюка, прочитанного в 1965 г. работникам библиотеки и оставшегося в рукописи.

Книжное собрание В. И. Григоровича представляет для современных исследователей ценнейший материал по славистике, является живым памятником славянским научным связям XIX в.

НАЗИВИ ЗА БОЈЕ У ИМЕНИЧКОЈ СЛУЖБИ

(поређење српског и руског језика)

// Научи састанак слависта у Вукове дане : Актуелна питања проучавања, нормирања и наставе српског језика. – Београд, 2003. – Т. 31/1. – С. 91–99.

О називима за боје постоји богата лингвистичка литература. Међу тим, и данас се научници баве овим проблемом.

Деведесетих година 20. века изашло је неколико запажених чланака акад. Милке Ивић, који су посвећени називима боја у српском и другим језицима света. Проблем назива боја у тим чланцима истраживан је не само са аспекта лингвистике, већ и са становишта културологије и историје. Такав методски приступ одговара гледању аутора на лексику боја која није објекат једне врсте знања већ објекат науке о људском бићу у целини. М. Ивић у својим радовима посвећује посебну пажњу релативизму семантике назива боја, као и узајамној повезаности тих назива не само у сродним већ и у језицима веома удаљеним један од другог.

Нови руски описни речник краја 20. века *Толковый словарь русского языка конца XXв. Языковые изменения* (Петроград, 2000) сведочи да је за називе боја актуелан прелаз у именичку службу, он фиксира поименичне придеве: зеленые (значење и предмета и лица), голубые, коричневые, красно-коричневые, који се појављују у текстовима 90-их година, или постају функционалније крајем века, на пример, зеленые. Неки поименичени придеви (розовый, черные - у новом значењу) налазе се у говорном језику и жаргону, али их речник не фиксира.

Дериватолози су проучавали придеве боја као мотиваторе нових лексема, али само у границама афиксалне творбе речи. Уп., например, „Типизирану творбену парадигму придева који означавају боју» код Ј. А. Земске (Земская 1989, с. 342). Ова „типизирана творбена парадигма”, по нашем мишљењу, није потпуна, јер ништа не говори о поименичавању придева боја као једне од врста конверзије.

У процесу номинације који обогаћује лексичко благо језика важну улогу игра творба речи, њени и афиксални и неафиксални начини. Конверзија (у нашем случају – прелаз придева у именицу) има посебан формант, односно творбено средство. Њен формант је парадигма, заправо промена парадигме у правцу смањивања. Када се придеви употребљавају именички, они не мењају само своју синтаксичку парадигму већ добијају ново морфолошко обележје које одговара оној класи речи коју је придев преузео.

До сада придеви боја у својству мотиватора нових лексема путем поименичења нису били посебно истраживани ни у русистички, ни у србистички.

Међутим, поименичење као начин творбе речи има своју историју још од прасловенског периода. Што се тиче придева боја, примере њиховог поименичења у апелативној лексици историјски речници руског језика фиксирају од 13. в. На пример, у једном препису рускословенског превода Хронике Георгија Амартола можемо наћи: „... и нареч(е)совоу зелено, сшомоу же б’ѣло, совому же жервлено, соиомоу же сине». „Речник из књижевних старина српских» Ћ. Даничића има примере прелаза придева боја у именицу у ономатичкој сфери. (РСС, 1, 9). Проблем поименичених придева за боје намеће неколико питања. Лингвисте интересује пре свега, како стоји ствар са поименичењем придева боја у садашњим словенским књижевним језицима, српском и руском. Какве формалне номинационе моделе прелаза придева боја у именицу познају ти језици? Која тематска подручја су најфреквентнија за поименичавање у поменути језицима? И да ли се увек може наћи прави одговор кад се проучава семантичка мотивација поименичених придева?

Речници савремених књижевних словенских језика сведоче да је прелаз придева у именицу пре свега особина народног и говорног језика. Зато се ознака „у именичкој служби” чешће налази поред придева боја у РСАН, где има пуно примера из дијалеката, него у РМС.

Крајем 20. и почетком 21. века, због промена у друштву које су још у току, књижевни словенски језици (о чему више пишу руски научници) подложни су јаком утицају не само локалних говора већ и социодијалеката, као и жаргона. Овај утицај иде преко градског говорног језика. Није случајно што се у „Великом речнику руског жаргона” В. М. Мокиенка и Т. Г. Никитина појавила ознака ЖРР – „жаргонизи- рованная разговорная речь”.

Живот садашњег друштва у словенским земљама који мења свој политички и социјални статус ствара одговарајуће социолингвистичке услове и тиме даје могућност ширења процеса поименичења придева. Можемо рећи још нешто. Процес стварања поименичених придева на основу поређења према боји ношње, униформе (код човека, боје длаке код животиња итд.) често је и психолошки условљен.

Грађу за поименичене придеве боја узели смо из описних речника два језика: РМС, РСАНУ– за српски језик, БАС, МАС, Речник Д. Н. Ушакова 1935 г. као и поменути речник руског језика краја 20. века – за руски језик. Прегледали смо такође речнике српског жаргона и већ поменути

„Велики речник руског жаргона” (2000 г. изд.). Коришћен је и материјал из руских и украјинских масмедија; за српски језик то, нажалост, није било могуће.

Сакупљени материјал је прегледан према формалним номинационим моделима, као и са аспекта семантичке мотивације поименичених придева, која није увек фиксирана у речницима, а представља, како је истакао још руски дериватолог Г. О. Винокур, велики интерес за лингвисте.

Формални модели издвојени су према роду и броју поимениченог придева. Зато у руском материјалу постоје четири модела: три у једнини (м., ж. и ср. род) и један заједнички у множини. Српски корпус придева у именичкој служби мора арпоп да садржи шест модела: три у једнини и одговарајућа три у множини. Српски описни речници, међутим, после одредбе „у именичкој служби” не дају увек примере уз придеве. Зато облици множине женског и средњег рода нису фиксирани у речницима. Можемо само претпоставити да су они могући у говорном језику, дијалектима, жаргону.

Од модела једнине у оба језика најпродуктивнији је модел средњег рода са генерализованом семантиком боје. Тај модел може имати различите подврсте, на пример: А) са номинативом (уп. срп. „сиво је нешто измену *црног* и *белог*”; рус. „яхта была окрашена в белое с голубым”), Б) са локативом уз предлогу (срп.), *в* (рус.) (уп. срп. *Сви царићи у црвеноу а сам цар у зелену*, рус. *она была всегда в черном (голубом, розовом, желтом, красном* итд.).

Овај модел, који је фиксиран још у древним словенским текстовима, сада је толико активан у оба језика да можемо претпоставити могућност његове употребе за сваки назив боје, иако ти називи нису фиксирани у речницима.

О функционалности модела ср. рода у поименичавању придева боја говори и његова семантичка ширина, коришћење за дати модел у својству мотиватора не само колористичких сема, већ и придева у фигуративном значењу, посебно у фразеологији и афористици. Уп. подврсту „А”: срп. *Тај има „жуто око носа”* (незрео), скоро иста семантика у руском молодно-зелено (неопытный, незрелый), срп. *У човеку постоји и бело и црно* (и добро и лоше). Модел једнине м. рода у руском језику илуструју појединачни примери, док је модел једнине ж. рода у руском језику фиксиран у речницима одредницом „устар.” или функционише у жаргону.

Релативно мала употреба модела једнине (осим ср. рода) за разлику од модела множине, по нашем мишљењу, може се објаснити овако. Ако групу људи (или предмета) карактерише иста црта за сваког представ-

ника дате групе, онда појединац (односно један предмет) не може бити идентификован само уз помоћ дате црте или може бити идентификован понекад ситуативно, ако је у тој ситуацији већ била поменута множина поимениченог придева боје.

Већа употреба модела јединине м. и ж. рода у поименичењу придева боја за називе предмета и животиња у српском језику говори, по нашем мишљењу, о традиционално јакој вези српског књижевног и народног језика.

Као заједничка особина фиксира се продуктивност модела множине у руском језику и модела множине м. рода у српском, међутим, постоји разлика у језицима које поредимо у коришћењу тематских лексичких група, везаних за модел множине. Ми нисмо издвајали мотивационе моделе зато што мотивација може бити посебна за сваку лексему у границама једног модела.

Прегледана грађа српског и руског језика дозвољава да истакнемо једну важну црту у мотивацији поименичених придева боја. У процесу који смо анализирали мотивација је углавном везана за колористичке семе придева, односно она је прозрачна. На пример: предмета (у играма), називи поврћа, новца и др. именују се према њиховој боји. Уп. срп. фигуре у шаху и рус. аналогне „шашки и фигуре в шахматах” - *бели и црни, белые и черные*, рус. биллиардни шар „желтый” (*желтого в лузу*), рус. *синие* (плави патлиџан на југу Русије и у Украјини), срп. жарг. *црвени* (парадајз), *зелена* (ракија – траварица), *бела* (катаракта на оку); рус. *синяя и синенькая...* (5 рубља), *красная и красенькая* (10 рубља) – руски новац пре револуције, сада се ове речи чувају у жаргону; *зеленые и зелененькие* – назив за долар у САД – нове речи, актуализоване деведесетих година 20. века, срп. *жути-дукат*, срп. жарг. *жуто злато* (уп. рус. *белое – серебро*).

Животиње се именују према боји длаке. Ова појава карактерише народни језик и највише је фиксирана у РСАНУ. Тако придеви *жути* и *жута* (обавезно у одређеном облику) именују животиње мужјаке (пас, јарац, ован, патак, гусак) и животиње – женке жуте длаке или перја (мачка, крава, патка, гуска). У руским описним речницима књижевног језика фиксиран је само поименичени придев „серый” као назив за животиње сиве длаке. Илустрације за овакву употребу речник (БАС) даје из текста 19. и 20. века (... *У подъезда стояла великолепная пара серых, запряженных в коляску – Салтыков-Щедрин М. Е.;... Вцепился пес зубами в волчью шею и наземь серого свалил* – С. Михалков).

Поименичење придева у својству назива лица (човека, људи) може имати прозачну мотивацију, кад се именује човек, људи (више у множини) по боји коже или боји ношње, униформе спортиста, војника, милиционера итд. Личне номинације поимениченог порекла, међутим, могу имати и компликованије колористичке семе, већ само за онај назив боје који је постао симбол у друштвеном, политичком или културном животу заједнице.

У садашњем тренутку поименичени придеви боја се више користе у спортој хроници, где представљају тзв. ситуационо поименичење које није фиксирано у речницима. Уп. укр. *жовтоблакитни* и *синезовти* - назив фудбалера кијевског „Динама”, срп. *плави*, *црвени* итд. на пример у песми: „Није важно шта нас дели, јесмо ли ми црвени или црнобели. Данас се само за плаве навија, наш тим се зове Југославија”. Кад је реч о руској спортој хроници, у њој готово и не срећемо поименичене придеве боја. Њих замењују синтагме типа „спортсмены в синих футбольных” (*желтых, красно-белых* и др.). Српски језик, за разлику од руског, има још једну карактеристику која се састоји у томе што се у групи назива спортиста могу појавити називи поименичених придева боја у једнини. Уп. *бели* 1) играч у шаху који има беле фигуре: „Бели има на располагању читав низ потеза», 2) м. један од фудбалера у белим дресовима [РМС, 1, с. 177].

Мотивација политичких и друштвених термина (тачније њихових говорних еквивалената) може бити доста једноставна када се за основу преноса значења узима колористичка сема и знатно сложенија кад се говори не само о боји већ о симболици колора као и кад се мора скренути пажњу на асоцијативну семантику, односно на тзв. „сузначења” културолошког и социјалног ракурса. Понекад мотивација не може бити до краја разјашњена.

Ево неколико примера из руског и српског политичког и друштвеног лексикона. Руски поименичени придев *зеленые* (чешће у множини) / *зеленый* у својству пуноправног политичког термина „Участники общественного движения в защиту окружающей среды, выступающие за сохранение экономического равновесия на земле” (ТСРКВ, 25) има јасну мотивацију. Он је настао у СССР 1971. г. кад се појавила партија „зелених”, која је одабрала зелену боју као симбол природе и свега живог.

Исти је случај са „зеленим” као политичком партијом или друштвеном групацијом у Југославији, Украјини и другим земљама. Лако је открити мотивацију и другог руског политичког термина „коричневые / коричневый”. „О людях, группах людей, организациях, близких к фа-

шизму, фашистской идеологии» (ТСРКВ, с. 334). Треба само упоредити „коричневые” и „коричнево-рубашечники” (у речнику С. И. Ожегова) према боји униформе фашиста у Немачкој.

Међутим, „Речник” краја 20. века ништа не каже о мотивацији говорног термина „голубые / голубой”, који је синоним за официјелни термин хомосексуалац. Анкетирање информаната није дало позитивне резултате. Неки од информаната повезују овај назив са опремом за новорођенче, која је традиционално плаве боје, кад је мушко дете у питању.

Није лако објаснити ни семантичку мотивацију политичког термина „белые / белый” (чешће у множини), који је настао у време грађанског рата у Русији. Скоро сви речници руског језика из совјетског периода дају овакву дефиницију за овај термин: „Белый в значении существительного, чаще во множ. числе – контрреволюционер, действующий против советской власти”. Међутим, поменута дефиниција не даје првобитну мотивацију датог поимениченог придева, јер име политичким покретима и партијама бирају најпре њихове присталице. Једино у речнику Д. Н. Ушакова (I, 1935) можемо наћи да је бела боја била симбол ројалиста, присталица Бурбона још од времена Француске револуције. Ово може бити једна од хипотеза мотивације, али онда треба додати да је у руском језику мотивација речи „белые / белый” позајмљена. Друга хипотеза се односи на боју заставе из истог периода историје Француске и ближе одређује прву: „Белые... цвета знамени сторонников короля во время Великой Французской революции” (ЭС 1987). Овде треба додати да је и руска застава из времена Петра I представљала триколор, то јест имала белу боју као једну од компонената. Велика совјетска енциклопедија (3. изд.) износи трећу хипотезу, наглашавајући везу термина „белая гвардия” са традиционалном симболиком беле боје као боје законитог правног поретка. *Белый* и *красный* као називи боје никад нису били супротстављени према конотацији у словенској односно руској традицији. Још је А. А. Потербња истицао заједничку позитивну конотацију ових лексема. Тек у време грађанског рата у Русији ове лексеме су у руском језику промениле међусобни однос, постале, наравно, у фигуративном смислу, упркос традицији, антиподни називи у сазнању људи различитих политичких погледа.

Реч „белые / белый” била је супротстављена речи „красные / красный” у време између Првог и Другог светског рата. Деца су се у Совјетском Савезу играла рата између „белих” и „црвених”. Касније, ова реч је у политичком значењу изашла из употребе. О томе сведоче и примери из масмедија 2001. године: у Иркутском региону за време избора губерна-

тора становницима „надоело деление людей на красных и некрасных” (НТВ, июль 2000, обратите пажњу – не белых). Други пример: На војним маневрима у Белорусији „Синие (не белые!!!) наступают на красных” (НТВ, август 2001).

Губљење функционалности поимениченог придева „белые” у руском језику (у својству политичког термина) може се протумачити на основу дефиниције исте речи у РСМ (1, с. 277) 7. (у именичкој служби) а) м. контрареволуционар, противник комунистичке револуције – „Ако неко мисли да су Паулус јер живи у Источној Немачкој и ради код црвених... и Шнајдер, јер живи у Западној Немачкој и ради код белих..., различите Немци - тај ништа не зна о Немцима” (Књижевне новине, 1955).

Јасно је да се поименичени придев „бели” у овом значењу појавио у српском језику на основу руских језичких факата, који су били везани за одређени историјски период (време грађанског рата у Русији). Међутим, у српском језику дати придев је проширио своје значење: према РСМ, „бели” је неко време био у српском политичком лексикону контрареволуционар уопште.

Поименичени придеви као и друге лексичке јединице живе свој живот –рађају се, функционишу и нестају.

За српски језик и сада су карактеристични неки поименичени придеви у својству политичких термина. На пример: *црвени*, *црно-црвени*, *зелени* и др.

Постоји одређена дериватолошка законитост, која се остварује и у процесу поименичавања. Она гласи: што је фреквентност речи у језику већа, реч се чешће користи као мотиватор у творбеном процесу. Зато није случајно што се на челу индекса фреквентности прелаза придева у именицу налази реч „бели, бела, бело” (белый, белая, белое). Руски лингвисти су запазили да по употреби „белый” заузима прво место међу другим називима боја. После придева *бели* у разним моделима у оба језика у својству мотиватора иду *црни* (черный), *зелени* (зеленый), *жути* (желтый), *црвени* (красный).

Међутим, речници књижевног језика не фиксирају поименичење за мање фреквентне речи, на пример, придеви боја *оранжеви*, *фиолетови* (рус.), *браон* и *модар* (срп.), иако је у жаргону за неки од њих прелаз у именицу фиксиран: уп. *модри* - „полицајац”, милиционер (према боји униформе); *фиолетово* (није именица већ прилог) - „равнодушно” (рус. безразлично), *сугубо фиолетови* - „човек који је потпуно равнодушан према нечему”.

Овај реферат нема претензије да пружи целовите и систематске одговоре на сва питања која су постављена у уводу. Важно је да је проблем поименичења придева за боје почео да се разрађује. Ако пођемо од типолошког аспекта, словенске микротипологије, можемо закључити да поименичење придева боја у српском и у руском језику има доста интегралних црта: исти формални модели (што је разумљиво јер се они издвајају уз помоћ категорија рода и броја), исте творбене законитости, на пример, вишефункционалне речи играју већу улогу као мотиватори; колористичке семе придева су фреквентније од фигуративних у мотивационом процесу грађења поименичених придева итд.

Диференцираност прелаза придева боја у два сродна језика види се на функционалном нивоу. Осим модела који су једнаки у погледу форме, мотивације и фреквентности (уп. модел једнине ср. р.), има модела чија је фреквентност већа или мања у једном од поменутих језика. Модели који су продуктивни у оба језика разликују се по тематској употреби.

У сваком од поменутих језика постоји унутрашња конкуренција афиксалног начина творбе и поименичења, као и међујезичка конкуренција двају језика у творби речи; уп. на пример, срп. *црнац* и рус. *черный, черные-*, срп. *сивац* нар. (кон.) и рус. *серый, серые* (о животињама) итд.

М. Ивић истиче да је проучавање назива боја комплексан проблем. У потпуности се слажемо с тим. Искоришћени материјал сведочи да мотивацију неких поименичених придева није могуће пронаћи у текстовима једног језика. Може бити преузета симболика боје из једног језика у други, нова семантика поимениченог придева може прећи у трећи, и тамо тражити своје проширење. Све ово сведочи о сложености и актуелности проблема назива боја и њиховог поименичавања.

Список использованной литературы

1. Алимпиева Р. В. Семантическая структура слова белый // Вопросы семантики. – Вып. 2. – Ленинград, 1976.
2. Андрић Д. Решење српског жаргона. – Београд, 1976.
3. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975.
4. Богословская О. И. Язык фольклора и диалект. Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1974. – С. 141.
5. БСЭ (в 30 томах) / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М: СЭ, 1978. – Т. 3, 13, 29.

6. Виноградов В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. Русский язык. Грамматические исследования. – М., 1967.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I-IV. – Москва, 1955.
8. Даничић Ђ. Речник из књижевних старина српских. I-III. – Београд.
9. Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык. Учебник // Под ред. В. А. Белошапковой. – Москва, 1981.
10. Ивић М. О разликовању људи по боји // ЈФ, 49, 1993. – С. 1–21.
11. Ивић М. Плава боја као лингвистички проблем // ЈФ, 50, 1994. – С. 99–116.
12. Ивић М. О изразима плав и модар: Нова сазнања // ЈФ, 1996. – С. 11–17.
13. Ивић М. Бело као лингвистички и културолошки проблем // ЈФ, 55, 1999. – С. 1–19.
14. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик, I. – Београд, 1964.
15. Лазоришин И. Специфика семантической структуры и внутритекстовых связей эпитета в памятниках славянского фольклора // Збірник матеріалів міжнародної славістичної конф. – Львів, 1998.
16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – С-П.: Норинт, 2000.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1987.
18. Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. I–VI. – Нови Сад, Матица српска, 1967–1976 – РСМС.
19. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1-14. – Београд, 1959–1989 – РСАНУ.
20. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах. – Т. I. – М.: Рус. яз., 1988, 526. – С. 363.
21. Словарь русского литературного языка в 17 т. (БАС). – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
22. Словарь русского языка в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. под ред. А. П. Евгеньевой, 3-е - изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985–1988 (МАС).

23. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров; редкол. А. А. Гусев и др. – Изд. 4-е. – М.: СЭ, 1987.
24. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. М. Ушакова. – М. – 1935–1940.
25. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / гл. ред. Г. Н. Скляревская. – С.-П., 2000.

ХРОНОЛОГІЧНИЙ ПОКАЖЧИК НАУКОВИХ ТА НАУКОВО-МЕТОДИЧНИХ ПРАЦЬ ДОКТОРА ФІЛОЛОГІЧНИХ НАУК, ПРОФЕСОРА А. К. СМОЛЬСЬКОЇ

1956

1. Суффиксы эмоциональной оценки имен существительных в языке произведений А. М. Горького : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1956. – 16 с.

1958

2. К вопросу о синонимике существительных с суффиксами оценки // Праці. Одеський держ. ун-т. Серія філол. наук. – Одеса, 1958. – Т. 148, вип. 8. – С. 147–157.

1959

3. К вопросу об эмоциональной природе суффиксов *-ищ-е, -ищ-а* // Наук. записки. Станіславський пед. ін-т. Філол. серія. – К., 1959. – Т. II. – С. 111 – 117.

4. Сложные существительные со значением лица в русской оригинальной письменности XI – XIV вв. // Праці. Одеський держ. ун-т. Серія філол. наук. – Одеса, 1959. – Т. 149, вип. 9. – С. 189–197.

5. Эмоциональная лексика в художественных произведениях М. Горького // Питання радянської літератури. – Одеса, 1959. – С. 74–81.

1961

6. Одна общеславянская словообразовательная модель в русском языке // IV Міжвузівська респ. славістич. конф. : Тези доповідей. – Одеса, 1961. – С. 54 – 55.

7. Сложные существительные со значением лица в языке великорусской народности (XIV – XVII вв.) // Праці. Одеський держ. ун-т. Серія філол. наук. – Одеса, 1961. – Т. 151, вип. 11. – С. 27–37.

1962

8. К истории одной общеславянской словообразовательной модели в русском языке // Праці. Одеський держ. ун-т. Серія філол. наук. – Одеса, 1962. – Т. 152, вип. 15. – С. 212–221.

1963

9. Сложные существительные с местоименными корнями в восточнославянских языках // Навукова конференція на питаннях лексикалогії і лексикаграфії : Тезиси докладаў. – Мінск, 1963. – С. 62–63.

1964

10. Спільнослов'янські моделі складних іменників у російській та польській технічній термінології // Тези доповідей VI Української славістичної конференції (13–18 лютого 1964 р.). – Чернівці, 1964. – С. 38.

1965

11. В. М. Истрин и его работа в Новороссийском университете // Тези доповідей наук. конф. філол. факультету, присвяченої 100-річчю Одеського державного університету імені І. І. Мечникова. – Одеса, 1965. – С. 48–49.

12. Питання словотвору в працях О. І. Томсона // Ювілейна наукова сесія, присвячена 100-річчю Одеського державного університету імені І. І. Мечникова. – Одеса, 1965. – С. 37 – 38.

13. Сложные существительные с корнем *-сам-* в восточнославянских языках // Дослідження з лексикології та лексикографії. Міжвідомчий збірник / За ред. Л. Паламарчука. – К. : Наук. думка, 1965. – С. 246–259.

1968

14. Речи са суфиксима емоционалне оцене и њихова стилска улога у језику дела А. М. Горког // Филолошки преглед. – Београд, 1968. – Бр. 1 – 2. – С. 127 – 132.

15. Korišćenje tehničkih sredstava u nastavi stranih jezika u SSSR // Живи језици. – Београд, 1968. – Књ. X. – Бр. 1–4. – С. 81–92.

16. Вопросы словообразования в сербскохорватской ономастике // IV Республіканська ономастична конференція : Тези / відп. ред. К. К. Цілуйко [та ін.] ; АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні, Українська ономастична комісія, Одеський держ. ун-т імені І. І. Мечникова. – К. : Наук.думка, 1969. – С. 45.

17. Изучение русского глагола в иноязычной языковой среде // Живи језици. – Београд, 1969. – Књ. XI. – Бр. 1 – 4. – С. 76–82.

18. Словообразовательные возможности суффикса *-к-а* в русском и сербскохорватском языках // Питання словотвору східнослов'янських мов : Матеріали міжвуз. респ. конф. – К. : Наук. думка, 1969. – С. 45–46.

1970

19. Виступ в обговоренні доповіді: Н. Радошевич „Покушај структурног поређења српскохрватског и руског језика” // VI mezinárodní sjezd slavistu 20. v Praze : Akta sjezdu. Praha, 1970. – Praha, 1970. – Т. 1. – С. 249.

1971

21. Словообразование в славянских языках (конспект лекций спецкурса). – Одесса : Изд-во Одесск. ун-та, 1971. – 60 с.

1972

22. Задания по практической стилистике русского языка. – Одеса, 1972. – 57 с. (У співавт. з В. О. Поповою).

23. Наблюдения над междуязыковата омонимия в руския и в българския език // Език и литература. – София, 1972. – № 6. – С. 73–79.

1973

24. О морфонологическом аспекте типологии славянских феминных суффиксов // Тыпалогія славянскіх моў і узаємодзеянне славянскіх літаратур: Тэзісы дакл. і паведамл. 2 расп. канф. – Мінск, 1973. – С. 198-199.

25. Сравнительная грамматика славянских языков : Программа спецкурса. – Одесса, 1973. – 11 с.

1974

26. К вопросу о дистрибуции феминных суффиксов в сербохорватском языке // Зборник за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1974. – Књ. XVII/2. – С. 111–117.

27. Контрольные работы и методические указания по старославянскому языку. – Одесса, 1974. – 15 с.

28. Этнические топонимы южнославянского происхождения в Северном Причерноморье // Питання ономастики Південної України : Доповіді та повідомлення V республіканської міжвузівської ономастичної конференції (Миколаїв, травень 1974 р.). – К. : Наук. думка, 1974. – С. 68–69.

1975

29. Дистрибуція фемінних суфіксів у сербськохорватській мові // Українське слов'янознавство. – Львів, 1975. – Вип. 11. – С. 71–75.

30. Методика разговорного урока по сербохорватскому языку // Славянская филология : сб. статей. – Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та имени А. А. Жданова, 1975. – Т. 3. – С. 156–158.

31. Практическая стилистика русского языка. – К. : Вища школа, 1975. – 254 с. (У співавт. з М. І. Ілляшем та ін.).

32. Сравнительная грамматика славянских языков : Программа спецкурса // Сборник программ по специализации кафедры общего и славянского языкознания ОГУ. – Одесса, 1975.

33. Южнославянские следы в топонимии юга Украины // Onomastica Jugoslavica. – Zagreb, 1975. – № 5. – С. 67–80 (У співавт. з Ю. О. Карпенком).

1976

34. Словообразование в сербскохорватской топонимике // Питання сучасної ономастики. – К. : Наук. думка, 1976. – С. 230 – 233.

35. Современный русский язык. Упражнения по фонетике, фонологии и орфоэпии. – Пловдив, 1976. – 38 с. (У співавт. з Г. Косевою).

1977

36. Едноструктурни форманти в славянските езици. Суфиксът -чанин в руския и в българския език // Език и литература. – София, 1977. – № 2. – С. 11–18.

1978

37. О роде существительных в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. – София, 1978. – № 3. – С. 41–50.

38. О словах общего рода в аспекте школьного преподавания // В помощь преподавателям русского языка и литературы / Сост. М. Гургулова и А. Смольская. – София, 1978. – С. 53–61 (У співавт. з П. Димовим).

39. Русское словообразование. Имена. – София : Народна просвета, 1978. – 133 с. (У співавт. з Д. Митевим).

1979

40. О некоторых особенностях словопроизводства русского языка (в аспекте преподавания южным славянам) // Межвузовская конференция по русскому языку. – Одесса, 1979. – С. 73.

41. Контрольная работа по сербскохорватскому языку. – Одесса, 1980. – 64 с.

42. Развитие дериватологии в советской лингвистике // Научни трудове на Пловдивски университет „Паисий Хилендарски”. – Пловдив, 1979. – Т. 15. – Кн. 5. – С. 311–319.

1980

43. Језичка норма и фемининуми у српскохрватском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1980. – Т. 10. – С. 109–115.

1981

44. Контрольные работы и методические указания по старославянскому языку. – Одесса, 1981. – 38 с.

1982

45. Деривация и маскулинизация в номинации лиц (на материале восточно- и южнославянских языков) // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : Тез. докл. республ. конф. (Гродно, 26–28 мая 1982 г.) : В 2ч. / Институт языкознания имени Якуба Коласа АН БССР, Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы; Отв. ред. : В. М. Никитевич. – Гродно, 1982. – Ч. 2 – С. 135–136.

46. З історії суфікса *-ља* у сербохорватській мові // Проблеми слов'язнознавства. – Львів, 1982. – Вип. 25 – С. 115–121.

47. Методические указания к курсу „Введение в славянскую филологию”. – Одесса, 1982. – 37 с.

48. Образ вилы в мифологии южных славян // Вопросы литературы народов СССР. – К.; Одесса, 1982. – № 8. – С. 147–154.

1983

49. Болгарская филология в Одесском университете // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной 1300-летию Болгарского государства. – М. : Наука, 1983. – С. 350–351.

50. К истории суффикса *-ља* в сербохорватском языке // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1983. – Књ. XXVI/1. – С. 83–90.

1984

51. Личные существительные болгарского языка на общеславянском фоне // Съпоставително езикознание. – София, 1984. – № 6. – С. 5–10.

52. О проблемах сопоставительного изучения славянского феминного словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков : Тезисы Международного симпозиума (декабрь 1984 г.). – М., 1984. – С. 124–126.

53. Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры (завершение дискуссии). Ответы на вопросы // Советская этнография. – М., 1984. – № 4. – С. 69–70 (У співавт. з М. І. Зубовим).

1985

54. Методические рекомендации для студентов-филологов по изучению школьного учебника. – Одесса, 1985. – 30 с. (У співавт. з Е. Ільїною).

55. Методические указания к спецкурсу „Сравнительная грамматика славянских языков”. – Одесса, 1985 – 18 с.

56. Методические указания по сербохорватскому языку. Фонетика. – Одесса, 1985. – 23 с. (У співавт. з Е. Е. Мінкевич).

57. Морфонолошке промене у грађењу речи // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1985. – Т. 14. – С. 55–59.

58. О проблемах сопоставительного изучения славянского феминного словообразования // Сборник Матице српске за славистику. – Нови Сад, 1985. – Књ. XXIX. – С. 155–159.

59. Рабочая программа по сербскохорватскому языку. – Одеса, 1985. – 25 с. (У співавт. з Е. Е. Мінкевич).

1986

60. Виступ в обговоренні доповіді: Б. Крея „Zagadnienie modeli słowotwórczych“ // IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983). Материалы дискуссии : Языкознание. – К., 1986. – С. 273.

61. Виступ в обговоренні доповіді: В. В Лопатин и И. С Улуханов „Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков” // IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983). Материалы дискуссии : Языкознание. – К., 1986. – С. 247.

62. Виступ в обговоренні доповіді: Е. Матьяшевич „Nomina agentis в семасиологическом аспекте” // IX Международный съезд славистов

(Киев, сентябрь 1983). Материалы дискуссии : Языкознание. – К., 1986. – С. 245.

63. Виступ в обговоренні доповіді: С. Вархол „О експресивач з формантем –ica“ // IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983). Материалы дискуссии : Языкознание. – К., 1986. – С. 136.

64. Гибридные модели и конкуренция славянских суффиксов (сербскохорватский и русский языки) // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : Тезисы 2 респ. научно-практ. конф. – Гродно, 1986. – Ч. 2. – С. 158–160.

65. Методические указания по изучению курса „Введение в славянскую филологию“. – Одесса, 1986. – 36 с.

66. Об иноязычных суффиксах в сербскохорватской феминной деривации // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику – Нови Сад, 1986. – Књ. XXIX/2. – С. 105–111.

67. Рецензия на книгу Р. Бошковича „Основы сравнительной грамматики славянских языков“ / Перевод Н. М. Елкиной. – М. : Высшая школа, 1986 // Сборник Матице српске за славистику. – Нови Сад, 1986. – Књ. XXX. – С. 171–173.

68. Роль омонимии в именной деривации сербскохорватского языка // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1986. – Књ. XXIX/I. – С. 128–137.

69. Синтаксичні проблеми маскулінізації в сучасній сербскохорватській мові // Проблеми слов'язнавства. – Львів, 1986. – № 33. – С. 116–121.

70. „Слово о полку Игореве“ в южнославянских переводах // Черниговская областная научно-методическая конференция, посвященная 800-летию „Слова о полку Игореве“ (октябрь, 1986 г.) : тез. докл. / Черниг. обл. отд. науч. образования, Черниг. гос. пед. ин-т, Черниг. ист. музей, Черниг. обл. организация о-ва охраны памятников истории и культуры. – Чернигов, 1986. – Ч. I. – С. 118–119.

71. Textoобразующая роль личных номинаций в публицистическом стиле сербскохорватского языка // Исследование целого текста : Тез. докл. и сообщений Всесоюзного совещания. – М., 1986. – С. 128.

1987

72. О синтаксическом аспекте маскулинизации в сербскохорватском языке // Славянская филология. – Ленинград, 1986. – № 5. – С. 129–138.

73. Диахронные константы славянского именного словопроизводства и феминные суффиксы в сербскохорватском литературном языке // Советское славяноведение. – М., 1987. – № 3. – С. 75–82.

74. Проблема словообразовательной нормы в сербскохорватском литературном языке (на общеславянском фоне) // IX Республіканська

славистична конференция : Тези доп. – Одеса, 1987. – С. 187–188.

75. Программа спецкурса по сравнительной грамматике славянских языков // Рабочие программы по спецкурсам кафедры общего и славянского языкознания ОГУ. – Одесса, 1987. – С. 24–28.

76. Рабочая программа, тексты и индивидуальные задания по старославянскому языку. – Одесса, 1987. – 36 с. (У співавт. з Л. П. Зеленко).

1988

77. Българската филология в Одеския университет // В помощ на преподаването по български език на чуждестрани студенти. – София : Университетско издателство „Св. Климент Охридски”, 1988. – С. 221–227.

78. О словообразовательной паралексии в русском языке (в сопоставлении с сербскохорватским языком) // Словообразование в современном русском языке : обл. науч. конф. „Проблемы деривации и номинации в рус. яз.” : тез. докл. / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, Ом. гос. ун-т; [редкол.: Б. И. Осипов и др.]. – Омск : ОмГУ, 1988. – С. 59–61.

79. Об изучении южнославянских языков и литератур в Одесском университете (1945 – 1985) // Славянская филология. – Ленинград, 1988. – № 6. – С. 117–126.

80. Утицај семантике на облик термина // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1988. – Т. 18. – С. 53–59.

1989

81. К типологии лексико-грамматического разряда наименований лиц в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков : Тез. докл. советско-польской конференции (3 – 5 октября 1989 г.). – М. : Наука, 1989. – С. 40.

82. Коррелятивность и асимметрия личных существительных в славянских языках // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : Тез. докл. III респ. конф. – Гродно, 5 – 6 октября 1989 г. : В 2 ч. / Ин-т языкознания имени Якуба Коласа АН БССР, Гомельский гос. ун-т имени Ф. Скорины; Отв. ред. В. М. Никитевич. – Гродно, 1989. – Ч. 1. – С. 189–190.

83. Статя А. С. Пушкина „О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова” (лингвистический комментарий) // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина : Сб. тезисов. – Одесса, 1989. – С. 70–72.

1990

84. В. М. Истрин и его работа в Одесском (Новороссийском) университете // Академик Василий Михайлович Истрин: Тез. докл. обл. науч. чтений, посв. 125-летию со дня рождения ученого-филолога (11–12 апреля 1990 г.) / Одес. гос. ун-т. – Одесса, 1990. – С. 7–9.

85. Вук Караджич и закономерности сербохорватского словообразо-

вання // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1990. – Књ. XXXI/I. – С. 107 – 112.

86. Неоднозначность словообразовательной семантики в славянских *nomina feminina* // Мат. міжвуз. наук. конф. „Семантика мови і тексту” (23–25 жовтня 1990 р.). – Івано-Франківськ, 1990. – С. 190–191.

87. Функциональные границы и структура андронимов в современном сербскохорватском языке // Шоста Республіканська ономастична конференція : Тези доп. – Одеса, 1990. – Ч. II. – С. 112–114.

1991

88. А. А. Потебня и южнославянские лингвисты XIX в. // А. А. Потебня – исследователь славянских взаимосвязей : Тез. Всесоюзн. научн. конф. – Харьков, 1991. – Ч. I. – С. 11–13.

89. Гуманитарные проблемы в преподавании славянских дисциплин // Актуальные проблемы гуманитарной подготовки студентов : Мат. регион. межобл. конф. – Одесса, 1991.

90. Дискурсне функције изведенице // Међународни научни састанак слависта. Дискурс српскохрватског језика. Језички навици : Резимеа. – Београд, 1991. – С. 18–19.

91. Книжный фонд В. И. Григоровича в библиотеке Одесского университета // Профессор В. И. Григорович : Тез. докл. обл. науч. конференции, посв. 175-летию со дня рождения ученого-слависта. – Одесса, 1991. – С. 40–42.

92. Творбене категорије и њихови архемодели // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1991. – Т. XX/II. – С. 317–325.

1992

93. К вопросу о стилистике славянских переводов прозы К. Симонова // Шляхи посилення ефективності практичного курсу української мови : Мат. наук.-практ. конференції. – Одеса, 1992 (У співавт. з Ю. Букатіною).

94. Словообразовательное значение, выраженное синтагмой: (на материале сербохорватского языка) // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : Тез. респ. конф. – Гродно, 1992. – С. 163–164.

95. Слов’янський книжковий фонд В. І. Григоровича в Одеському університеті // X Всеукраїнська славістична конференція. – Чернівці, 1992. – С. 255–256.

96. Типология контекстных классификаторов личных субстантивов в славянских языках // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Материалы IV респ. науч. конф. (Гродно, 15–16

сентября 1992 г.) : В 2 ч. / Гродненский гос. ун-т имени Я. Купалы; Отв. ред. В. М. Никитевич. – Гродно, 1992. – Ч. 2. – С.163–165.

1993

97. Инославянские компоненты в топонимической системе юга Украины // XI Medzinárodný zjazd slavistov. Zb. rezumé. – Bratislava, 1993. – С. 666 (У співавт. з Ю. О. Карпенком та ін.).

Инославянские следы в топонимической системе юга Украины // АН України. XI Міжнародний з'їзд славистів. Слов'янське мовознавство. Доповіді. – К. : Наукова думка, 1993. – С. 185 – 199 (У співавт. з Ю. О. Карпенком та ін.).

98. Іменний словотвір слов'янських мов та омонімія // Проблеми контрастивної лінгвістики : Тези доп. міжвуз. наук. конф. – Кіровоград, 1993. – С. 241–242.

99. Неке дискурсне функціє изведеница // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1993. – Т. XXII. – С. 76–82.

100. О специфике процесса маскулинизации в славянских языках // Актуальные проблемы славянской филологии : Мат. науч. конф. МГУ. – Москва, 1993. – С. 28–29.

101. Развитие именного словообразования в сербскохорватском языке (фемининативы) [Текст] : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.03 / Смольская Аделаида Константиновна; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. – М., 1993. – 35 с.

102. Роль омонимии в славянском словообразовании // Проблеми контрастивної лінгвістики : Тези міжвуз. наук.- практ. конф. – Кіровоград, 1993.– С. 141–143.

103. Типы вузовских учебников по сербскохорватскому языку // Актуальні проблеми відродження мов і культур західних і південних слов'ян в Україні : Тези міжвуз. науково-практ. конф. – Одеса, 1993. – С. 68–73. (У співавт. з Е. Е. Мінкевич).

1994

104. Изменения в словообразовательных нормах сербского литературного языка II половины XIX в. // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. – Нови Сад, 1994. – Књ. XXXVII. – С. 560–569.

105. Лексички синоними творбене семантике // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1994. – Т. XXII / II. – С. 235–243.

1995

106. Славістичні традиції Одеського університету // Славістичні науково-освітні центри України : вчора, сьогодні, завтра. – К., 1995. – С. 70–74 (У співавт. з О. А. Войцевою).

107. Типи підручників із сербської та хорватської мов для вищих навчальних закладів // Відродження мов і культур західних та південних слов'ян в Україні. – К. : Вежа, 1995. – С. 160 – 164 (У співавт. з Е. Е. Мінкевич).

108. Упоређење српског и украјинског језика (поводом нормирања у систему граматичког рода) // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1995. – Т. XXI / I. – С. 35–42.

109. Хроніка : 24 Міжнар. конф. славистів у дні Вука Караджича // Мовознавство. – 1996. – № 2 / 3. – С. 74–75.

1996

110. Евољуција творбе речи у српском језику и њено проучавање // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1996. – Т. XXV / II. – С. 481–483.

111. Звѣзды смотрят вниз // Одеський університет. – 1996. – № 13 – 14. – С. 7–8.

113. Извештај о настави српског језика на универзитету у Одеси // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1996. – Т. XXV / II. – С. 482–483.

113. К вопросу о семантической категории определенности – неопределенности сербского субстантива // Изучение и преподавание сербохорватского языка в инославянской среде : Мат. межд. конф. – Москва : МГУ, 1996. – С. 39 – 41.

114. Методические указания и задания по курсу „Введение в славянскую филологию”. – Одесса : Астропринт, 1996. – 36 с.

115. О некоторых особенностях языка Милоша Црњанског // Српски језик. Београд; Филолошки факултет, 1996. – № 1/2 – С. 230–239.

116. Об изменениях в именном словообразовании сербского литературного языка XIX в. // Слов'янський збірник : зб. наук. праць. – Одеса: Астропринт, 1996. – Вип. II. – С. 137 – 146.

117. Одесский фонд рукописей В. И. Григоровича // Мат. міжнар. наукової Кирило-Мефодіївської конф. – Одеса : Астропринт, 1996. – С. 41–42 (У співавт. з Юзюк та ін.).

118. Славянская филология в Одесском университете // Мат. міжнар. наукової Кирило-Мефодіївської конф. – Одеса : Астропринт, 1996. – С. 39 – 41.

1997

119. Актуальные проблемы „Хиландарских листков” // Духовна спадщина Київської Русі. – Одеса : Маяк, 1997. – Вип. II. – С. 85 – 92. (У співавт. з Д. С. Іщенко).

120. Међуоднос граматичких и семантичких категорија код именица у српском језику // Научи састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 1997. – Т. XXVI/ II. – С. 449–459.

121. Функционально-семантическая категория определённости – неопределённости в славянских языках (методы анализа) // Мат. межд. конф. „Принципы и методы функционально-семантического описания языка: итоги, направления, перспективы”. – Симферополь, 1997. – С. 29–30.

1998

122. В. И. Григорович и сербская филология // Изучавање словенских језика, књижевности и културе у инословенске средини: Међународни симпозијум поводом 120 годишњице катедре за руски језик. – Београд, 1998. – С. 83–84.

123. О создании этнолингвистического атласа болгарской диаспоры в Украине // Мат. міжнар. славистичної конф. пам’яті проф. К. Трофимовича. – Львів, 1998. – Т. I. – С. 80–4 (У співавт. з В. О. Колесник).

124. Семантическая категория лица / нелица и средний род в славянских языках // Слов’янський збірник : зб. наук. праць. – Одеса : Астропринт, 1998. – Вип. V. – С. 107–114.

125. Формально-семантична взаємодія субстантивних категорій в аспекті функціональної граматики // Мовознавство: XII Міжнародний з’їзд славистів : Доповіді укр. делегації. – № 2 / 3. – К., 1998. – С. 97–106 (У співавт. з Н. Г. Озеровою).

126. „Хиландарские листки” как памятник старославянской письменности // Мат.межд. конф., посв. 150-летию акад. Ф. Ф. Фортунатова. – М. : МГУ, 1998. – С. 41.

127. Semantic and functional interaction of noun categories in russian, ukrainian, serbian and bulgarian languages // Streszczenia referatów i komunikatów. XII Międzynarodowy kongres slawistów. Językoznawstwo. – Kraków, 1998. – S. 267 (У співавт. з Н. Г. Озеровою).

1999

128. Болгаристика в Одесском университете // Наша школа. – 1999. – № 2 / 3. – С. 191–194 (У співавт. з В. О. Колесник).

129. Из истории пушкиноведения : сборник И. В. Ягича „А. С. Пушкин в южнославянских литературах” // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина. – Одесса, 1999. – С. 120–128.

130. Три фонда В. И. Григоровича // Славянский альманах. – Николаев : Южнославянский институт, 1999. – С. 32–35.

131. Кирилло-Мефодиевское наследие на юге Украины // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. – Одеса : Друк, 1999. – С. 310–314.

132. Пушкинские юбилеи в Сербии // Проблеми сучасного літературознавства. – Одеса : Маяк, 1999. – Вип. 5. – С. 253–263.

133. Суффикс *-кинь-а* и гибридные дериваты в сербском языке (на южнославянском фоне) // Слов'янський збірник : зб. наук. праць. – Одеса: Астропринт, 1999. – Вип. VI. – С. 73–78.

2000

134. Григорович Віктор Іванович // Біографічний словник : В 4 т. – Одеса : Астропринт, 2000. – Т. 2. – С. 304–308 (У співавт. з Ф. О. Самойловим).

135. Конкуренција и синонимија глагола кретања у српском и руском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. – Београд, 2000. – Т. 29. – С. 177–183.

136. О Василии Васильевиче Фащенко // У вінок пам'яті про Василя Васильовича Фащенко : Спогади. – Одеса : Маяк, 2000. – С. 58–61.

137. О двух защитах кандидатских диссертаций по сербскому языку // Славистика. – Београд, 2000. – Т. VI. – С. 271–272.

138. Фамилия и имя Вука Караджича в истории сербской антропонимии // Слов'янський збірник : зб. наук. праць. – Одеса : Астропринт, 2000. – Вип. VII. – С. 79–85.

139. Ягич Ігнатій (Ватрослав) Вікентійович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. – Одеса : Астропринт, 2000. – Т. 4. – С. 304–308 (У співавт. з М. І. Zubовим).

2001

140. Именной фонд по славянской филологии профессора В. И. Григоровича в Научной библиотеке Одесского национального университета имени И. И. Мечникова // Іменні колекції професорів Одеського (Новоросійського) університету в науковій бібліотеці ОНУ – національне надбання держави : Мат. наук.-практ. конф. – Одеса : Астропринт, 2001. – С. 7–8.

141. Рецензия : Стана Ристић Милана Радић-Дугонић. Реч. Смисао. Сазнање (студија из лексичке семантике). – Београд: Филолошки факултет, Стручна књига, 1999. – 276 с. // Слов'янський збірник: зб. наук. праць. – Одеса : Астропринт, 2001. – Вип. VIII. – С. 115–118.

142. Славянские студии [Текст] : сб. статей. Одесский национальный ун-т имени И. И. Мечникова. Филологический факультет. – Одесса : Астропринт, 2001. – 228 с.

2002

143. Проблемы и достижения кирилло-мефодиевистики конца XX – начала XXI века // Слов'янський збірник: зб. наук. праць. – Одеса : Астропринт, 2002. – Вип. IX. – С. 6–14.

144. Рецензія : Скляренко В.Г. Праслов'янська акцентологія. – К. : Українська книга, 1998. – 342 с. // Славистика. – Београд: Славистичко друштво србије. – 2002. – Књ. УІ.– С. 299–302 (У співавт. з Ю. О. Карпенком).

2003

145. Еволюція семантики дієслів руху в аспектах типології української та сербської мов // Мовознавство. – К., 2003. – № 2/3. – С. 138–144 (У співавт. з О. І. Бондарем).

146. Називи за боје у именичкој служби (поређење српског и руског језика) // Научи састанак слависта у Вукове дане: Актуелна питања проучавања, нормирања и наставе српског језика. – Београд, 2003. – Т. 31/1. – С. 91–99.

147. Русская филология на страницах сербского ежегодника „Славистика” // Слов’янський збірник : зб. наук. праць. – Одеса : Астропринт, 2003. – Вип. X. – С. 280–286.

148. Проф. Александра Григорьевна Широкова // Слов’янський збірник: зб. наук. праць. – Одеса : Астропринт, 2003. – Вип. X. – С. 288–290.

БІОГРАФІЯ
А. К. СМОЛЬСЬКОЇ В ФОТОГРАФІЯХ

Маленька Деля з батьком, Костянтином Івановичем. На звороті напис: „Дорогим бабушке и дедушке от внучки-капризули. Деля-Адочка. 19.03.1930 р. ”

На дачі в родинному колі, м. Чебаркуль (під Челябінськом). Деля сидить на східцях, поряд з нею мати Анна Антонівна, далі – молода тітонька Олександра Плющева. Стоять: бабуся Делі Дарія Петрівна (на руках у неї онука Валя, рідна сестра А. К. Смольської), батько К. І. Смольський. 1936.

У родинному колі. А. К. Смольська у першому ряду в центрі, між бабусяю Дарією Петрівною та дідусем Антоном Мироновичем Плющевими. У другому ряду батько Костянтин Іванович та мати Анна Антонівна Смольські, між ними тітонька Олександра Плющева та молодша сестра Аделаїди Валя. 1938–1939 роки.

А. К. Смольська (зліва від учительки) в піонерському таборі. 1939 р.

На уроці в середній школі м. Ірбіт Свердловської області. На звороті напис: „6-ой класс. 71 школа. Урок ведет Елена Григорьевна”.

Сімнадцятирічна Аделаїда Смольська. м. Ірбіт Свердловської обл.,
20.02.1945 р.

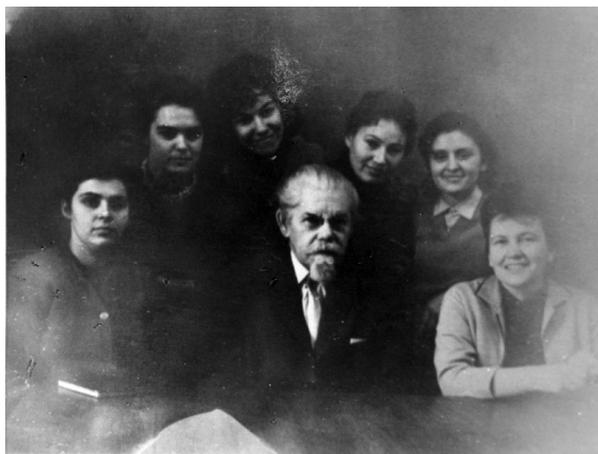
Аделаїда з молодшим братом
Валерієм

А. К. Смольська (друга зліва) з однокурсницями. На звороті напис:
„Моим дорогим. Свердловск. Май 1946 г.”

А. К. Смольська (останній курс навчання на філологічному факультеті в Одеському держуніверситеті). Як згадувала А. К. Смольська: “Здесь я почти сельская учительница”. На звороті напис: ” Дорогая Лилька! Ей-богу, нам было с тобой неплохо. Разойдемся – вспоминай иногда веселые студенческие годы. Одесса. 28.03. 1950”

А. К. Смольська (перша справа) під час музейної практики з С. І. Ожеговим. Початок 50-х років.

А. К. Смольська (в центрі) з чоловіком і колегами
у м. Станіславів (нині Івано-Франківськ). 1 травня 1956 р.

А. К. Смольська. Серпень 1958 р.

На демонстрації з колегами Одеського державного університету. Зліва направо: Олена Петрівна Ковальчук, Анатолій Андрійович Жаборюк, Ірина Ісаївна Цукерман, А. К. Смольська. 1960 р.

А. К. Смольська (справа), Наталя Вікторівна Коссек у Карпатах

В університетському ботанічному саду. Зліва направо: Валентина Олександрівна Попова, Галина Михайлівна Міжевська, А. К. Смольська. Середина 60-х років ХХ ст.

А. К. Смольська з київськими колегами-сербістами неподалік монастиря Манасія. Зліва направо: Ю. В. Пелешенко, В. І. Ярмак, А. К. Смольська, О. І. Дзюба. Вересень 1996 р.

А.К. Смольська на засіданні вченої ради філологічного факультету, присвяченої 75-річчю з дня її народження. Одеса, грудень 2002 р.

Серед науковців у Міжнародному славістичному центрі. Зліва направо, перший ряд: А. К. Смольська, Богдан Терзич, Душанка Мирич; другий ряд: Мирьяна Киршова, Предраг Піпер, Йелка Матіашевич. Белград (Сербія). Вересень 2003 р.

На екскурсії по місту Одеса під час проведення Кирило-Мефодіївської конференції в колі вчених. Зліва направо: Д. Мостова, Н. П. Тропіна, А. К. Смольська (п'ята зліва), по обидва боки від А.К.Смольської колеги із Сербії Драгана Мршевич та Злата Бойович, Л. Вахніна (дев'ята зліва). 2003 р.

Наукове видання

«Людиною бути – це мистецтво»

Збірник
пам'яті доктора філологічних наук, професора

АДЕЛАІДИ КОСТЯНТИНІВНИ СМОЛЬСЬКОЇ

За редакцією авторів

(українською, російською, сербською, болгарською мовами)

Підп. до друку 12.11.2014. Формат 60x84/16.
Ум.-друк. арк. 16,04. Тираж 80 пр.
Зам. № 1068.

Видавець і виготовлювач
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 4215 від 22.11.2011 р.

Україна, 65082, м. Одеса, вул. Єлісаветинська, 12
Тел. (048) 723-28-39. E-mail: druk@onu.edu.ua